

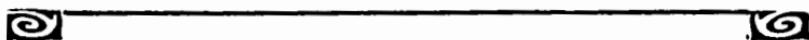
КИР
БУЛЫЧЕВ

ФОТОГРАФИЯ
ПРИШЕЛЬЦА

КИР
БУЛЬЧЕВ
ФОТОГРАФИЯ
ПРИШЕЛЬЦА

БУЛЫЧЕВ

ФОТОГРАФИЯ
ПРИШЕЛЬЦА

Москва 1999

ББК 84Р7
Б90

КИР БУЛЫЧЕВ
(*Игорь Всееволодович Можейко*)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА

Булычев Кир
Б90 Полное собрание сочинений. Том 14.: Фотография
пришельца.— М.:«Хронос», 1998. — 400 с.
ISBN 5-85482-021-8

В данный том вошли небольшие фантастические произведения Кира Булычева. Среди них — «Фотография пришельца», «Черный саквояж», «Инопланетяне» и другие интересные повести.

ББК 84Р7

ISBN 5-85482-021-8

© «Хронос», 1998
© Кир Булычев
© К. Сошинская

ФОТОГРАФИЯ ПРИШЕЛЬЦА

1

Даша старше меня на десять лет.

Еще пять лет назад разница в возрасте была катастрофической. По дороге в институт сестра заводила меня в школу, помогала снять сапожки и разматывала шарф. Некоторые принимали Дашу за мою маму, бывают же очень молодые мамы. Я ее тоже воспринимала как младшую маму.

Незаметно я подросла, а Даша не изменилась. Теперь все понимают, что мы сестры, не больше. Тем более что ростом я ее почти догнала. Дошло до того, что я стала ее подругой. И даже доверенным лицом. Именно я отмечала назойливых поклонников.

После института Дарья стала работать у нас в ЖЭКе, инженером по благоустройству. У нее был выбор, а так как сильно заболела мама и ее нельзя было оставлять одну, Даша попросилась на работу поближе к дому.

Наверное, нас сблизила мамина болезнь. Еще год назад мы жили под маминным крылышком. Мама была в командировке, попала в автомобильную аварию, и у нее сломан

позвоночник. Притом очень неудачно, так что у мамы отнялись ноги, и, когда она придет в норму, неизвестно.

Только, пожалуйста, не думайте, что я — серьезное деловитое создание, вся в заботах, никогда не улыбнется. Жизнь продолжается. Мы уже купили маме кресло на колесиках. Даша кончила курсы лечебной физкультуры, а я умею делать массаж. А если вы видели бы мою маму, то поняли бы, что все обязательно обойдется — никого более очаровательного, чем моя мама, на свете нет, особенно, если она улыбается.

На втором месте стоит моя Дарья. К сожалению, Дарья отлично знает силу своего обаяния и им легкомысленно пользуется. Вернее, пользовалась до того момента, когда возник мой любимый Петенька.

Считается, что младшие сестры ревнивы, но я убеждена, что с Петечкой нам повезло.

В отличие от других поклонников, которые возникают в городском транспорте, на улицах, в кино и всяких других общественных местах, Петечка материализовался прямо у нас в прихожей.

Я готовила уроки, мама смотрела телевизор, когда раздался звонок, и, открыв дверь, я увидела странное сооружение — худого человека без головы. Петечка стоял близко к двери, и голова его скрывалась за косяком. Для того чтобы войти в прихожую, ему пришлось нагнуться. И тогда я увидела, что у него есть самая настоящая голова, рыжая и добродушная. Рыжими были тугие курчавые волосы, брови, ресницы и веснушки. Все остальное было ярко-розовым, а глаза оказались зелеными.

— Здравствуйте, — сказал он, выпрямляясь и почти утыкаясь макушкой в потолок. — Я хочу видеть Дарью Александровну.

Мне бы поздороваться как положено и ответить, что Дарья Александровна еще не приходила, но вместо этого и непроизвольно спросила:

— Какой у вас рост?

— Вы же видите, — сказал рыжий человек, приставил к затылку большой палец и, растопырив пальцы, досстал указательным до потолка.

— Два двадцать пять? — сказала я.

— Два двадцать три, — ответил молодой человек.

— Вы баскетболист? — спросила я.

— К сожалению, — ответил молодой человек, — я не могу играть в баскетбол, потому что все кричат на трибунах: «Рыжий, давай!» А когда я промахиваюсь, все кричат: «Рыжего с поля!»

— Вы заходите, — сказала я, потому что очень захотела показать такого странного человека маме. Хотя не знала, как это сделать, потому что тогда мама еще не вставала, а лежала во второй, маленькой комнате.

— Спасибо, — ответил Петечка, — я зайду попозже.

И тут он представился, как Петр Говоров, корреспондент нашей областной молодежной газеты. И никуда не ушел.

Мы с ним разговаривали в прихожей минут десять, потому что он в комнату заходить не хотел, а я не хотела его отпускать, так как боялась, что он потеряется. За эти десять минут я узнала, что он в самом деле играл в баскетбол, но ему было интереснее учиться в университете и писать детские стихи, что он из маленького городка в сорока километрах от нас и потому живет в общежитии, а я ему рассказала про нашу семью, про несчастье с мамой, про то, что я победила на районной исторической олимпиаде и даже не удержалась и сообщила, что наша Дарья очень красивая. Прислали к нам Петечку из газеты, чтобы

написать информацию про детскую площадку, которую придумала Даша... Тут она и вошла.

Дарья была злая, усталая после какого-то неприятного совещания.

— Чего же вы тут стоите? — спросила Даша, входя в прихожую. — Или Мария вас уже заговорила?

А Петечка ничего не ответил. Он смотрел, склонив голову, на Дашу, и я поняла, что у него отсох язык. И это меня обрадовало, потому что я мысленно уже поселила Петечку в нашем доме и даже придумала, как приставить к дивану журнальный столик, чтобы у него не свисали ноги.

Поэтому, когда вечером, после того как Петечка, спросил все, что надё, о детской площадке, удалился, а Даша сказала: «Это какой-то монстр», я сразу заявила: «Как только мне исполнится восемнадцать лет, я выхожу за него замуж». Даша принялась хохотать, мама, которой мы показали Петеньку, тоже начала хохотать, а я сделала вид, что обижена, и пошла мыть посуду. Они ничего не поняли. Меньше всего я думала о замужестве — эти проблемы меня, к счастью, не волнуют. Мне нужно было создать стрессовую ситуацию, шокировать окружающих. Потому что от удивления до интереса один шаг. Если кто-то претендует на человека, который показался тебе монстром, значит, в нем есть что-то, чего ты не увидела. А это заставит Дарью задуматься.

2

Как я была права! Не прошло и месяца, как Петечка стал у нас дома своим человеком, отпугнул других поклонников Дарьи. Это не значит, что он был агрессивным. По характеру Петечка — щенок, притом застенчивый.

Я не могу назвать отношения Дарьи с Петечкой романом. Это было бы преувеличением. Дарья иногда шутит, что замещает меня до моего совершеннолетия. Но по крайней мере она уже не считает Петечку монстром и не стесняется ходить с ним по улице, хотя сначала стеснялась. А мы с мамой от Петеньки без ума. Потому что он в первую очередь хороший человек.

Оппозиция существует в лице Аллочки, Дашиной подруги. Я сама слышала, как она говорит: «Ты с ума сошла, связать свою жизнь с этим бесперспективным уродом! Твоя красота — явление уникальное! Ну, я понимаю, если бы он играл за сборную Союза, это еще куда ни шло. Но он пишет детские стишки, которые никто не печатает». На что я ответила: «Его стихи — завтрашний день детской поэзии. — И процитировала: — «В июне, в самую жару, в вагоне пропыленном в Москву приехал кенгуру работать почтальоном». — «Вот именно». — сказала тогда Аллочка, и я поняла, что первый раунд я проиграла. Но впереди еще немало раундов.

Так что идею с космическим кораблем первой поддержала я и сыграла в ее реализации немалую роль. Мне она была нужна для того, чтобы помочь Петечке.

Во-первых, это значило, что у Петеньки с Дашей будет общее дело. А общее дело всегда сближает. Во-вторых, это даст возможность Петечке напечатать в газете большой очерк о ценном начинании — пора Петечке подрастать как журналисту. А в-третьих, это полезно детям нашего двора.

Мне иногда кажется, что взрослые совершенно не в состоянии понять, насколько мы в конце двадцатого века быстрее растем, чем они сами росли лет тридцать-сорок назад. Мы же раньше узаем слова «телевизор» и «космос», чем «баба-яга» или «соска». Я в седьмом классе

интересуюсь проблемами, которые моей бабушке и даже маме просто не снились. Может быть, я не самая типичная в классе, и потому у меня почти нет подруг. Но ребята меня отлично понимают, и им со мной интересно. Еще в прошлом году в классе некоторые посмеивались над моей дружбой с Димой Петровым. Но нам друг с другом интересно, понимаете? Причем мы с Димой совершенно разные люди — он весь в технике, для него в слове «транзистор» буквально звучат трубы, как в оркестре. Я устроена иначе. Я люблю историю, я считаю, что если знать и понимать, как люди жили раньше, то можно лучше понять, что будет завтра, по крайней мере не повторять старых ошибок.

Когда у меня возникла идея с детской площадкой, я обсудила ее с Димой, а потом мы оба принесли ее Петечке. Я сейчас уже точно не помню, что я говорила, но примерно так:

— Погляди, Петенька, на нашу детскую площадку. За что мою дорогую сестренку хвалит общественность и ты в том числе? За то, что посреди нашего двора поставлены качели, какое-то глупое сооружение, по которому надо лазить, теремок и пять гномов, вырезанных из бревен, не считая медведя, который непохож на медведя. Что в этой площадке от нашего века?

— Но что ты предлагаешь? — спросил Петечка, который знал, что со мной шутки плохи.

— Я предлагаю сдёлать детскую площадку такой, чтобы на ней могли играть и воспитываться будущие обитатели двадцать первого века.

— А чем они будут отличаться от вас? — спросил Петечка. — Они уже совсем перестанут верить в сказки?

Нет смысла передавать все разговоры и споры, которые мы вели. Главное, мы с Димкой их убедили. И убеди-

ни настолько, что Петечка сам загорелся этой идеей. Он даже придумал очередное стихотворение, в котором в гуманной форме отразил наши споры: «Почему нет городов у слонов? Потому что для печей им не хватит кирпичей».

Глобус Луны мы решили сделать из гипса диаметром в три метра, марсоход — на основе разбитого и разоренного «Жигуленка», который уже третий год стоял у соседнего дома, теремок мы договорились перестроить в диспетчерскую космодрома. Остановка была только за кораблем.

Дарья предложила сделать его из фанеры. Я не успела возмутиться, как Петечка меня опередил.

— Как можно ближе к действительности, — сказал он.

— А может, в Звездном городке есть какой-нибудь списанный корабль? — сказала тогда мама, которая за нас переживала. — Детям они его отдадут.

— Нет, — сказала тогда я. — Списанные корабли — это вчерашний день космонавтики, Нам нужна перспективная модель.

— Я тебя даже музыке не учила, — сказала на это мама. — Я хотела, чтобы у тебя было нормальное детство. А ты сама себя засушила. Ты не девочка, а какой-то робот.

— Мама, ты не права, — ответила я. — Ты видишь меня не такой, какая я есть, а какой ты боишься меняувидеть.

Мама была так потрясена моим силлогизмом, что на долго выключилась из дискуссии.

3

Строительство площадки заняло больше месяца. Где-то к октябрю достали у строителей гипс и начали делать глобус Луны, теремок удалось разобрать только по-

сле отчаянной войны с дворовыми бабушками. В теремке пока поместили робота, подаренного нам ребятами из кружка изобретателей Дома пионеров, вездеход помог соорудить Сергей — он шофер такси — с помощью замкнутого человека, который приехал из Норильска и жил временно в квартире Синицыных, которых командировали на два года в Алжир. Замкнутого человека звали Ричардом. Я думаю, что он был армянином, потому что у армян часто бывают странные имена: Гамлет, Роберт... Он был похож на армянина, у него были тугие черные волосы, резкие черты лица и легкий акцент. Такой легкий, что его сразу не уловишь. И иногда, говоря, он вдруг делал паузу, словно искал нужное слово.

И, главное, нам повезло с космическим кораблем.
Вспомнил о нем Петечка.

Он сказал, что основа для космического корабля стоит в лесу, возле городка, в котором он родился. Еще когда он был мальчишкой, они нашли эту конструкцию в овраге, который проходил по лесу, но тогда они думали, что это остатки самолета, который упал там во время войны. Петенька объяснил нам, что «самолет» представлял собой остов какого-то сооружения немалых размеров, вроде бы основа конструкции сохранилась хорошо, почти не проржавела, так что, если обшить ее листами алюминия или пластиком, то получится именно то, что надо.

Главная задача заключалась в том, как эту железяку выволочь из леса и привезти к нам.

Формальности я опускаю, хотя в то время они доставили нам массу хлопот. Под формальностями я понимаю раздобывание автокрана, мобилизацию добровольцев.

Решительный момент наступил в субботу, часа в три.

Петечка с добровольцами и моей сестрой уехали в лес, во дворе дома царило необычное оживление, и бабушки,

которые садятся на лавочки обычно после обеда, на этот раз сидели с семи утра, и места для всех не хватало. Поэтому я погнала Димку с его ребятами за стульями в красивый уголок.

Конечно, я переживала. Конечно, мне казалось, что наш космический корабль рассыпался, когда его стали поднимать, или ГАИ не пустила его в Москву, чтобы не засорять город. Мало ли что может случиться? Даже авария.

Я так нервничала, что Димка принес мне стул и сказал, чтобы я сидела, а то у меня стресс.

Я села. Рядом сидел Ричард.

Я обратила внимание на то, что он тоже нервничает. Он держал в руке свернутую трубкой газету и обмахивался ею, хотя в октябре достаточно прохладно, к тому же дул ветер и собирался дождь.

Вообще-то он мне казался странным человеком. Если бы не мои переживания из-за Петечки, Дарьи, мамы, космического корабля, я бы более внимательно к нему присмотрелась. Он жил в нашем дворе уже второй месяц, вроде бы нигде не работал, по крайней мере появлялся и исчезал в самое неожиданное время дня и ночи, был очень вежлив, его любили дворовые бабушки, со всеми он раскланивался и в то же время ни с кем не был знаком. И никто никогда не бывал в квартире, которую он снимал. У меня создавалось впечатление, что он даже не стал ее обставлять. Квартира была на первом этаже, и если очень постараться, можно было бы его увидеть или под каким-нибудь предлогом — мало ли предлогов у школьника — заглянуть к нему. Но я повторяю: тогда меня это не интересовало. И если бы не эта сложенная газета именно в тот день, когда должны были привезти корабль, я бы так ничего и не заподозрила.

Значит, я сижу на складном стуле и переживаю. Рядом сидит Ричард и тоже переживает. Трейлер все не едет. Собирается дождь.

Димка подходит ко мне и говорит шепотом:

— Обрати внимание на этого Ричарда.

— А что?

— Во дворе только молодежь и бабушки, не считая мамаш с колясками, которые и так бы гуляли. И один мужчина.

— Может, он любит детей? — спросила я, не думая.

— Раньше я что-то не замечал.

Ричард не слышал нашего разговора. Он положил газету на колени и что-то стал писать на ее полях.

В этот момент с шумом во двор въехал трейлер, на котором возвышалась конструкция очень грустного вида. Ни на что не похожая, тем более не похожая на космический корабль. Только бурное воображение Петечки могло в ней увидеть будущие законченные формы. Я даже разочаровалась и чуть было не закричала: «Вы ошиблись! Вы притащили не ту железку!» Но сто детей нашего и соседним дворов подняли такой восторженный крик, что я промолчала.

Потом приехал автокран, и после долгих совещаний и споров развалину поместили рядом с бывшим теремком.

Теперь я вспоминаю, хоть тогда совсем об этом не думала, что Ричард, как только развалюха появилась во дворе, вскочил, словно ужаленный гремучей змеей, и кинулся к трейлеру. Он все время был в первых рядах зевак, давал советы, и от его обычной задумчивости и следа не осталось.

Дождь пошел как раз, когда основные события завершились. Уже под дождем сестрица поблагодарила помощников, и они с Петечкой побежали домой. Мы с Дим-

кой хотели бежать следом, но тут вспомнили, что складные стулья взяты из красного уголка и надо их вернуть на место. Мы подбежали к стульям и понесли их. А когда мы их поднимали, с одного из стульев упала сложенная в трубочку газета, та самая, которую держал Ричард.

Как известно, все шпионы попадаются на мелочах. Я об этом где-то читала.

Ричард совершил непростительную ошибку, и, может быть, этого никто бы не заметил, если бы не моя наблюдательность.

И эта ошибка ему дорого обошлась.

4

Я потащила стулья к красному уголку, а газета упала на землю. И тут я вспомнила, что Ричард что-то писал на полях газеты. И эти записи могут ему понадобиться. Поэтому только я взяла газету и сунула ее в карман куртки.

Когда мы отволокли стулья в красный уголок, дождь разошелся вовсю. И мы решили его переждать.

Мы обсуждали с Димкой, как сделать корабль похожим на настоящий. Тем временем у меня прорезался насморк. У меня насморк возникает очень быстро — стоит мне попасть под сквозняк или дождик. Я полезла за носовым платком в карман и вытащила газету.

— Надо отдать, — сказала я Димке. — Напомнишь?

— Кому?

— Ричарду. Он ее оставил.

Мы в это время стояли у двери на улицу. Красный уголок у нас в полуподвале, не в нашем корпусе, а в третьем. Нас не было видно. По крайней мере Ричард, когда выскочил из своего подъезда и побежал под дождем, нас не заметил. Он добежал до того места, где недавно стояли

складные стулья. Я поняла, что он ищет газету, и хотела ему крикнуть, но дождь хлынул так сильно, что не перекричать. Чтобы не забыть газету, я вынула ее из кармана и развернула. Я не хотела читать его записи — это неприлично. Просто газета немного подмокла, и я хотела ее просушить.

И в этот момент мое внимание приковал заголовок:
«Для строителей будущего».

Странное совпадение, подумала я. Только позавчера мы\придумали с Петенькой такой заголовок для его статьи. Надо ему сказать, что нас опередили.

Я машинально начала читать статью под этим заголовком.

Статья начиналась так:

«Тем, кому сегодня двенадцать или четырнадцать лет, молодыми людьми вступят в век двадцать первый».

Это было еще более удивительное совпадение, потому что точно так же начиналась наша с Петенькой статья. И, как вы уже догадываетесь, все, что в ней было написано дальше, тоже было придумано нами. И еще удивительнее было то, что и подписана статья была Петечкиной фамилией. Произошла ошибка. Статья была напечатана раньше, чем закончена детская площадка! А ведь мы с Петенькой решили, что сначала все сделаем, а уж потом будем рассказывать о наших достижениях. Видно, сегодня утром, когда я перепечатала статью и отдала Петечке, он отнес ее в газету и там, не договорившись с ним, ее напечатали... И тут же я сообразила: так быть не может. Если я сегодня утром перепечатала, значит, раньше чем завтра статья появиться не может.

Тогда я сделала то, что надо было сделать с самого начала: я посмотрела на число, когда вышла газета. И число было даже не сегодняшнее и не завтрашнее, а послезав-

траппнее — 14 октября. Мне показалось, что я сошла с ума. Я зажмурилась, потом открыла глаза и прочла снова: «14 октября».

— Дим, — сказала я. — Прочти.

И показала пальцем на дату.

— Четырнадцатого октября, — сказал он.

Дождь молотил по навесу над дверью. Ричард, отчаявшись, видно, отыскать газету, побежал к подъезду.

— Бред какой-то, — сказал Димка.

Дождь ослаб, будто кончилась вода в лейке.

— Пошли домой, там все обсудим, — сказала я, и мы побежали через двор к нашему подъезду.

Мы пробежали совсем рядом с развалюхой. Дождь промыл ее округлые балки и стержни — как будто шпангоут у лодки или скелет у рыбы. Чем-то мне этот «корабль» не понравился. Во мне была тревога. Я еще не могла сказать, что происходит, но происходило что-то неправильное.

Я постаралась взглянуться в сплетение железных полос и щитков, чтобы понять, что там, внутри. Но внутри развалюхи было темно.

— Ты что? — спросил Димка.

— А почему, — сказала я, — никто из нас не подумал, чем это было раньше?

— Ну, может быть, когда-то строили подстанцию или трансформатор, — сказал Димка.

— В лесу?

Объяснение мне могли дать два человека. Петечка или Ричард. Последний из них встретился мне буквально через минуту. Он, оказывается, стоял прямо за дверью подъезда. Никуда не уходил.

Мы замерли. И молчали несколько секунд. Вообще-то мне показалось, что мы молчим целую вечность.

Потом я спросила почему-то очень тонким голоском:

— Это вы забыли газету?

— Мы ее нашли на стуле, — быстро добавил Димка.

— Газету? — Я убеждена, что он еле сдержал свою руку, которая дернулась к газете. Но мой голос и все мое поведение меня выдали. Он понял, что я видела статью в газете. И подозреваю его.

— Нет, ребята, — сказал он, напряженно улыбаясь. — Газеты я нигде не забывал.

— А вы знаете, за какое число эта газета? — спросил Димка.

— Нет, а что?

Ричард как-то ловко взял у меня эту газету, я даже отвести руку не успела. И сделал это так естественно — как человек, который узнал что-то интересное, а теперь хочет убедиться.

Он развернул газету, поглядел на дату и сказал:

— Очень любопытно.

Лицо его было совершенно спокойно. Но тут же его исказила гримаса. Ему захотелось чихнуть.

Ричард полез в карман, достал большой носовой платок. И чихнул. И еще раз. На мгновение его лицо скрылось за носовым платком.

— Простите, — сказал он потом.

Но насморк его окончательно одолел. Он чихал и чихал — и никак не мог остановиться. Он был вынужден даже вернуть нам газету и уйти к себе. В жизни не видела человека, который бы так часто и оглушительно чихал.

— Вам нельзя под дождь вылезать, — сказал ему вслед Димка.

Дверь за Ричардом закрылась, а тут как раз подошел лифт, и мы, выпустив бабушку с собачкой и зонтиком, вошли в него.

Лифт приехал на наш этаж, и мы позвонили в дверь.

Петечка, — сказала я, — ты знаешь, что твоя статья о детской площадке уже напечатана!

Почему? — удивился Петечка. — Я ее только сегодня утром сдал.

— Можешь убедиться, — сказала я и протянула Петечке газету. — На третьей странице.

Петечка раскрыл третью страницу, проглядел ее и сообщил мне:

— Мой статьи еще нет. Все правильно.

— Ты совершенно слепой, — сказала я и отобрала у него газету.

Я проглядела всю третью страницу, потом на всякий случай и четвертую. На месте Петечкиной статьи был очерк о передовом токаре, победившем в соревновании.

Я поглядела на первую страницу. Газета была от сегодняшнего числа.

— Это не та газета, — сказала я Петечке.

— А какая та?

— Та была от четырнадцатого октября, — сказал Димка. — Я тоже видел.

— Ну что ж, — сказал Петечка, улыбаясь, потому что решил, что мы его разыгрываем. — Показывайте мне другую газету.

— Он ее подменил, — сказала я. — Когда чихал, подменил.

— Но я на него смотрел, — сказал Димка.

Дарья позвала Петечку на кухню, и, продолжая улыбаться, он нас покинул. А мы остались с самой обычной сегодняшней газетой в руках и понимали, что никого и никогда не убедим, что только что видели совсем другую газету.

За обедом Петечка рассказывал, как мы хотели его разыграть и как он не попался на наш розыгрыш. А мы не спорили. Никому не хочется казаться дураком. Только в одном я была убеждена: теперь этот Ричард будет под нашим постоянным наблюдением.

Наблюдать можно было прямо из моего окна. Мой стол стоит возле него боком, так что мне достаточно обернуться, чтобы держать под прицелом весь двор. Конечно, Ричард мог выйти из подъезда и проскользнуть, прижимаясь к стене дома. Тогда бы я его не заметила. Но вернее всего, он не будет считать меня за настоящего противника.

После обеда Димка ушел к себе домой, а я уселась за стол, чтобы подготовиться к контрольной по химии в понедельник. Разумеется, химия интересовала меня постольку поскольку.

Начало темнеть. Я слушала, как в **маминой** комнате Петечка вежливо спорит с моими женщинами о творчестве поэта Хармса. Окно было приоткрыто, чтобы не пропустить пушечный выстрел. Дело в том, что у входной двери есть пружина, и потому дверь хлопает как пушка.

Раз пять мне пришлось вскакивать и высовываться в окно, но это была ложная тревога. И все же я не сдавалась. И дождалась.

Снова бухнула входная дверь. Ричард вышел во двор и не спеша, словно просто дышал свежим воздухом, направился к центру двора, к детской площадке.

Я потушила свет и стала за ним наблюдать.

Ричард остановился возле наших космических сооружений и вдруг оглянулся — быстро и для постороннего человека незаметно.

И тут же он буквально переродился.

Движения его из ленивых и неспешных стали точными и быстрыми. Наверное, так ведет себя взломщик сейфов. Он сделал два шага, остановился перед космическим «кораблем», подтянулся и попытался зачем-то проникнуть внутрь этой конструкции. Железяки мешали ему, и когда не удалось это сделать сразу, он начал отгибать один из согнутых металлических стержней.

И тут я решила, что пора действовать.

Я громко сказала:

— Петечка, погляди, там какой-то хулиган в нашем корабле возится. Выгони его.

Говорила я, зная, что в вечернем воздухе звук моего голоса наверняка донесется до корабля. В то же время не хотела, чтобы Ричард понял, что его узнали.

Как я и ожидала, Ричард тут же отскочил от корабля и метнулся за него, затаился.

Я молчала, прислушивалась.

И услышала, как по ту сторону корабля застучали шаги, плеснула вода в луже.

Потом зашуршали кусты у забора.

Теперь мне надо было что-то предпринять.

В самом деле позвать Петеньку?

Нет, он слишком серьезен. Он может написать фантастические стихи, но в жизни не поверит в завтрашнюю газету. .

Я подождала у окна еще минут пять. И не зря. Через пять минут громко бухнула дверь. А так как никто не входил и не выходил из подъезда, то нетрудно было догадаться, что Ричард прокрался обратно, прижимаясь к стене дома.

Тогда я решила, что в ближайший час-два он на улицу не высунет носа. А так как окна его квартиры выходили

на другую сторону, то ему не видно будет, что происходит во дворе.

Тогда я позвонила Димке и сказала:

— Привет, ты мне нужен. Через пятнадцать минут у подъезда.

Мужчинам нельзя давать времени на размышление. Иначе они придумают предлог, чтобы не действовать.

Потом я пошла в чулан и начала там шуровать. Взяла с собой фонарик, веревку, плоскогубцы и отвертку. Я подумала, что сейчас этот самый Ричард, может, тоже мечтается по своей пустой квартире, разыскивая плоскогубцы.

Но мы его опередим.

6

Димка покорно ждал меня у подъезда.

— Что случилось? — спросил он.

— Ричард выходил во двор, ходил вокруг корабля и даже начал в него лезть.

— И что?

— А ничего. Я его отпугнула. Думаю, что теперь он будет ждать ночи.

— Мало ли зачем он ходил к кораблю.

— Он ходил таинственно. И очень испугался, когда я его заметила. И убегал от корабля, скрываясь.

— А что это значит?

— Не старайся казаться глупее, чем ты есть на самом деле, — сказала я. — Мы знаем, что он не тот, за кого себя выдает. Достаточно вспомнить о газете...

— Ну, может, это нам с тобой показалось?

Я просто диву далась, насколько человек может сам себя убедить, чтобы не видеть очевидного, если это очевидное ему непонятно.

Двоим показалось? — спросила я.

Димка решил со мной не спорить. Он спросил:

— И что ты решила?

— Тайна Ричарда каким-то образом связана с кораблем.

— С каким кораблем?

— С тем самым, который сегодня притащили из леса.

— И что мы должны делать? Лезть туда в темноте?

— Не совсем в темноте, — сказала я. — Я взяла с собой фонарь и плоскогубцы.

— Ты хочешь туда лезть?

— Не бойся, полезу я одна. Ты останешься внизу и будешь меня страховывать.

— Слушай, — сказал Димка, — давай завтра. Когда светло будет.

— Завтра будет поздно, — сказала я. — Этую вещь он вытащит сегодня ночью. Я уверена. А мы с тобой не можем всю ночь сидеть возле корабля и стеречь его.

— А если он сейчас выйдет?

— Мы не в лесу, — сказала я. — Мы с тобой у себя во дворе. Стоит крикнуть — полдома сбежится.

— Это так... — Последний мой аргумент его сразил. И в самом деле приключение было не очень опасное. Петечка наверняка услышит, если что. Я специально окно не закрыла.

— Пошли, — сказала я. — Покажу тебе, как он туда лез.

Мы подошли к кораблю. Было совсем тихо.

В темноте корабль выглядел совершенно не так, как днем. Днем он был скучным и ржавым. Ночью — загадочным и почти живым.

— Вот тут он лез, — сказала я, зажигая фонарь. Луч фонаря сразу провалился в темноту, отразившись от погнутой балки.

Димка подсадил меня, я схватилась за стержни и подтянулась. Физически я развита хорошо, не жалуюсь. Правда, художественную гимнастику пришлось бросить, времени не хватает, а быть средней или даже второй я не люблю. Или первой, или никакой.

Я понимала, что надо попасть внутрь, в сплетение конструкций и щитов, непроницаемое глазу даже днем. И уж, наверное, Ричард шел по самому верному пути — он-то заранее все высмотрел.

Но это было нелегко даже для меня. Уж очень узко и как-то неловко проходил тот лаз. Фонарик мало чем помогал — его лучу все еще не во что было толком упереться.

Мне казалось, что я уже целую вечность ползу между железных конструкций и тут еще, как только я остановилась, чтобы передохнуть, сзади, совсем близко, раздался громкий шепот Димки:

— Опасность!

Я потушила фонарик и сказала:

— Отойди от корабля, мне сразу не вылезти.

И замерла,

Потом я услышала, как приближаются быстрые шаги.

Буханья двери я не услышала, значит, тот человек вышел не из нашего подъезда. Ничего, подумала я, Димка с тем, неизвестным мне человеком, если нужно, поговорит, отведет его. Меня же снаружи без прожектора не увидеть.

И вы представляете, как я удивилась, когда услышала голос Ричарда:

— Дима? Ты что здесь делаешь?

Я думаю, что Димка тоже очень растерялся, потому что в нормальном состоянии он никогда бы не спросил:

— А вы почему не через дверь вышли?

— А я еще не вошел. — Ричард коротко засмеялся. — Из гостей возвращаюсь, вдруг вижу — ты стоишь.

Лжет, сказала я себе, он вылез через окно и обошел вокруг дома. И сделал это по одной простой причине: не хотел, чтобы я услышала, как стреляет дверь. Значит, он очень спешит. Теперь все зависит от Димки. Только бы он меня не выдал.

— А я хотел проверить. — послышался голос Димки.

— Мне показалось, что кто-то там ходил.

— И проверил? — Мне показалось, что в голосе Ричарда слышно раздражение. Я бы тоже на его месте раздражилась. Все время срывается его неизвестная операция.

— Да, — сказал Димка.

— Тогда иди домой, спать пора, завтра в школу.

— Завтра воскресенье, — сказал Димка.

— Все равно у детей и подростков должен быть режим.

Непонятно, о чем думают твои родители.

— Они хотят, чтобы я дышал свежим воздухом. — сказал Димка. — Вот я и дышу.

Они помолчали. Вдруг мне стало так смешно, что я еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Я вспомнила, как однажды к нам пришли сразу два поклонника Дарьи. Они оба согласились пить чай, я им все поставила на стол. И они натужно молчали, стараясь пересидеть друг друга,

— Ну ладно, — сказал наконец Ричард. — Пойду. поздно уже.

— Идите, — сказал Димка, — а я еще погуляю.

Потом снова послышались шаги, на этот раз куда более медленные. Бухнула дверь.

Я снова включила фонарик.

И увидела впереди как бы стенку, как в комнате, а стенку большого ящика. Погнутую с моей стороны. Я поднесла фонарик поближе и поняла, что посреди этой стенки есть тонкий, будто волосяной, круг. Очень точно в нее был врезан люк. Диаметром в голову.

Я толкнула его. Ничего не произошло. Я стала нажимать с разных сторон, потом постаралась подцепить отверткой. Ничего не вышло. Потом я пыталась заглянуть по ту сторону ящика, но там было такое сплетение металлических стержней и проводов, что от этой мысли пришлось отказаться.

Но у меня появилась идея. Я приложила ладонь к холодному металлу и стала медленно двигать круг. Сначала по часовой стрелке, а когда из этого ничего не вышло, то против часовой. И вдруг круг послушался меня. Это было потрясающее чувство — чувство победы! Круг начал двигаться, словно смазанный, и с каждым поворотом он выдвигался из стенки все больше и больше. И потом начал отваливаться так, что мне пришлось вжаться в железки, чтобы дать ему место рядом со мной.

За кругом была темнота. Я посветила туда фонарем.

Внутри была ниша, как будто сейф. В ней лежал небольшой плоский ящичек.

Я взяла его. Ящичек был прохладным и довольно тяжелым. Больше там ничего не было.

Ящичек я спрятала у себя под кроватью, а сама вымылась, переоделась и даже напилась чаю. Все приключение начало мне самой казаться забавным и совсем нестрашным.

По этим вечер не кончился.

Сказав всем, что пошла спать, я вернулась к себе в комнату, но спать, конечно, не могла. Я вытащила ящичек, осмотрела его, поняла, что сейчас мне его не открыть, потом потушила свет, но спать ложиться не стала, я подошла к окну. Мне казалось, что все еще не кончилось.

И я не ошиблась. Я стояла у окна минут двадцать, не больше, когда возле корабля снова появилась темная фигура. Ричард. Он был на этот раз куда решительнее, чем раньше. Видно, уже отчаялся.

И тоже принес с собой фонарик, которого не было в прошлый раз. Или в прошлый раз он не успел его зажечь.

Лучик фонарика обскакал корабль, вспыхивая на металлических частях. Потом Ричард подтянулся, именно там, где влезала я, и ловко забрался внутрь. Свет фонарика вспыхивал, как будто там, внутри, летал светлячок.

Что он делал, мне было не разглядеть, но должна признаться, хоть это и нехорошо, что у меня возникло злорадное чувство — карабкайся, говорила я себе, ты уже опоздал, голубчик.

Ричард сидел внутри корабля минут десять. Я даже возвратилась к столу, посмотрела еще раз на ящичек. Было тихо, и мне было слышно, как поскрипывают конструкции, и на фоне темного облачного неба можно было угадать, как железки покачиваются, вздрагивают от движений внутри. Ричард был как муха, попавшая в паутину.

Мне была видна черная тень Ричарда, которая появилась рядом с кораблем. Вылез, несчастненький. Не нашел ничего. Вот он даже обходит корабль, глядит на землю, думает — а вдруг его черный ящичек выпал нечаянно. Так он мог выпасть где угодно по дороге. Он мог даже в лесу остаться. Я, как умный человек, могу предположить,

что завтра нам надо ждать гостя. Придет Ричард и начнет выяснить, где был корабль первоначально. Чтобы поехать туда и перерыть все вокруг. Ладно, думала я, глядя, как Ричард понуро бредет к подъезду. Подождем до завтра.

Я еще раз взвесила на руке ящичек. Он был тяжелым.

Бухнула дверь. Потом ко мне заглянул Петечка, чтобы попрощаться.

— Когда статья будет? — спросила я.

— Разве это от меня зависит? — Петечка развел руками и чуть не сшиб горшок с цветком, который стоял в двух метрах от него.

8

Наступило воскресное утро. В обычный день я бы спала часов до десяти. Я обожаю спать. Но тут меня в семь часов подкинуло как будильник. Я нашупала под подушкой таинственный ящичек. Вытащила его. Он был матовый, чуть скругленный по углам, и тонкая нитяная полоска показывала, как его можно открыть. Чем мы сейчас и займемся.

Я вскочила, быстренько вымылась, позавтракала и позвонила Димке.

Он, конечно, еще спал, как будто ничего особенного в жизни не произошло. И при всей моей настойчивости поднять я его сразу не смогла.

Заявился он ко мне только в десять. И притом был недоволен.

Он поворачивал в руках ящичек, словно это была мина, а потом спросил:

— Что будем делать?

— Будем открывать, — сказала я.

Димка положил коробочку на стол и вдруг родил ценную мысль. Он спросил:

— А вдруг там пленка? Может быть, какой-нибудь микрофильм?

— И что?

— Тогда надо открывать в темноте.

— Молодец, — сказала я. — Пошли к тебе.

Димка фотограф, и не без способностей. Дома у него мы пошли в чулан, где у него фотолаборатория.

Димка устроился поудобнее и принялся открывать ящичек так, как открывают ракушку. Но нож никак не входил в узкую щель. Тогда я взяла ящичек у Димки и стала открывать его с помощью рассуждений. Так как никакого отверстия для ключа в нем нет, то, значит, ящик не заперт. Конечно, бывают всякие там магнитные или электронные ключи, но вспомним, что люк в «корабле» я открыла тоже без всяких ключей. Поэтому я начала нажимать на ящичек с разных сторон, стараясь в то же время повернуть его или сдвинуть. Димка смотрел на меня со склонностью во взоре, она была очевидной.

Все эти попытки заняли у меня минут двадцать, не меньше.

И наверное, я бы плонула, выбросила этот ящичек или отдала его кому-нибудь, хотя бы Петеньке, но рядом стоял Димка и тосковал. И я должна была ему доказать, что в конце двадцатого века женщины не только добились равноправия, но и завоевали его, сравнявшись с мужчинами интеллектом. Вот это соревнование мужчин и женщин кончилось, разумеется, моей победой. Мне удалось сделать так, что верхняя половинка ящичка повернулась на сорок пять градусов и тут же отъехала в сторону.

Я сделала вид, что ничего особенного не произошло. Как говорится, это у нас может сделать каждый. Я положила ящичек на лабораторный стол и сказала:

— Можешь заглянуть.

9

В ящичке не оказалось ничего интересного.

Там умещалось несколько дисков. Каждый диск чуть побольше пятака и чуть потоньше. Даже при тусклом свете можно было разглядеть, что диски не сплошные, а свернутые из очень тонкой проволочки. Я поддела внешний виток ногтем, и он чуть-чуть подался. Все диски были одинаковыми, и всего их там оказалось шесть.

— Все? — спросил Димка разочарованно, словно в ящичке должно было быть сто золотых дублонов и скелет мертвеца.

— Все, — сказала я. — Можно зажигать свет.

Я взяла в руки крышку ящика и хотела его закрыть, и в этот момент дверь в чулан неожиданно начала открываться.

Почему-то я вскочила и прижала к груди ящичек. Мне показалось, что это Ричард, который нас все-таки выследил.

Димка тоже вскочил и налетел на меня, потому что ему наверняка пришла в голову та же мысль.

Но это была его мать.

Она спросила, разглядев нас:

— Вы что здесь делаете?

— Что за шум? — спросил Димкин отец, тоже появляясь в дверях чулана.

В чулане и так тесно, только-только два человека помещаются — теперь же там было как в автобусе в час «пик».

— Вот, — сказала Димкина мать, — не завтракал, а уже заперлись в темноте — фотографы!

— И в самом деле, — сказал Димкин отец голосом хорошо выспавшегося человека. — Не гуляешь, спортом не занимаешься — черт знает что! А ну вылезайте из вашего подвала, пошли гулять. Раз-два-три-четыре.

И он принялся хохотать, а я старалась спрятать ящики.

И через пять минут, несмотря на Димкино сопротивление, мы были отправлены сначала за стол завтракать, а потом на улицу.

10

Великое открытие я сделала уже во дворе.

Мы вышли с Димкой на улицу, погода была пасмурная, но без дождя, кое-кто из мам и бабушек уже гулял с детьми. Наш космический корабль казался при утреннем свете консервной банкой, которой играли в футбол лет пять подряд. Мы сели на скамеечку, спрятанную в кустах, и я снова достала из кармана ящичек. Я хотела посмотреть, нет ли чего в нем под дисками, и случайно взглянула на внутренность крышки.

И обнаружила на ней картинку. Цветную фотографию.

Картина изображала пейзаж: лес из невысоких растений. На фоне этих растений стоял человек.

Все было бы хорошо, если бы растения и человек были нормальными.

Но растения были фиолетовыми и похожими на бутылки с колючками, а человек был в синем костюме, обтягивающем тело, с крылышками на плечах и в черном шаре на голове — скафандром шлеме.

Я ничего не сказала. Я просто протянула Димке крышку фотографией вверх и ждала, что он скажет.

Димка смотрел долго, переваривал информацию. Потом сказал очень правильно, сказал то, что я уже предумала:

— Пейзаж, — сказал он, — не наш. Не земной. Скафандр не наш, не земной. И ботинки зеленые.

Ботинки я не сразу заметила. Они были не только зеленые. У них были вытянутые вперед, уродливые носки, которые загибались кверху.

— Так, — сказал Димка. — Лучше всего осторожненько положить эту коробку на место. Пускай берет и улетает к себе.

Все-таки Димка не дурак. Все правильно сформулировал.

Лучше, если Ричард оказался бы шпионом или каким-нибудь преступником. Со шпионами и преступниками ясно, как поступать. И есть специальные люди, которые ими занимаются. А кто занимается пришельцами с другой планеты?

Значит, когда-то у нас на Земле потерпел крушение корабль.

Вот они и ищут. Чтобы взять с него бортовой журнал или какие-нибудь еще секретные данные. И не дай Бог кому-нибудь оказаться на их пути.

А мы оказались.

Представляете, мы прибегаем в милицию и говорим: имеем в руках секретные сведения с другой планеты.

Кому сдавать? А нам отвечают: дети, перестаньте играть в фантастику.

Возможно, он здесь не один, — сказал Димка.

У них есть все возможности, — сказала я. — И документы достают. И маскируются.

Понял, — сказал Димка, — самое главное, чтобы ищичек не попал в лапы Ричарда.

— И судьба всей Земли теперь зависит от нас.

— Пошли к Петечке, — сказал Димка.

— Только Петечка сейчас в редакции. Он придет к нам обедать.

— Будем ждать до обеда?

— Ты с ума сошел! Едем к нему немедленно.

— А разве по воскресеньям газеты работают?

— Ты еще спроси, ходят ли по воскресеньям поезда, — сказала я с сарказмом. — Петечка сегодня дежурит по редакции. Новости не знают воскресений.

И мы пошли к автобусной остановке, чтобы поехать к Петечке в редакцию.

Мы уже вышли со двора и повернули к автобусной остановке. Нам оставалось несколько шагов до улицы. Но сделать их мы не успели. На нашем пути стоял Ричард. Он был серъезен и бледен. Он не улыбался. Но по его глазам я поняла, что нам не уйти. Димка пошатнулся, как пошатывается бегун, который должен начинать дистанцию с высокого старта. Но его остановило то, что я никуда не побежала. Я понимала, что бежать бессмысленно. В руке Ричарда было что-то темное и небольшое, похожее на курительную трубку. Мне достаточно было мимолетного взгляда, чтобы понять, что это не курительная трубка. Это бластер, да, тот самый бластер, которым в романах обычно вооружены пришельцы и космические пираты.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал Ричард.
— Я это поняла, как только вас увидела, — сказала я.
— Давайте отойдем. Куда-нибудь в тихое место.
— Нет, — сказала я. — Тихое место нас не устраивает.

— А какое вас устраивает?
— Вон тот сквер.

Сквер находился посреди небольшой площади. Он проглядывался со всех сторон, и по ту его сторону, где проходила магистраль, был виден милиционер. Я понимала, что милиционер не успеет прийти к нам на помощь, если Ричард примется нас расстреливать. Но все же и пришелец трижды подумает, прежде чем начинать стрельбу. Ему, наверное, приказано не рисковать.

Ричард сделал вид, что ничуть не удивился. Он первым пошел через переход к скверику, будто не сомневался, что мы не убежим. Я поняла, что гордость заставляет меня идти следом и никуда не бежать. И даже не дать убежать Димке, у которого чувство гордости развито слабее.

Ричард подошел к скамейке и сел. Я села рядом и посмотрела на его бластер, похожий на курительную трубку. Он проследил за моим взглядом, покрутил бластер в руке, потом сунул его в рот, и я поняла, что это все-таки просто трубка. Ричард достал из кармана пиджака кисет и набил трубку табаком, потом раскурил. Я смотрела на улицу, как бегут мимо машины, как милиционер регулирует движение. То, что бластер оказался все-таки трубкой, меня ни в чем не убедило. Настоящий бластер мог таиться у него в кармане.

— Лазили? — спросил Ричард.
— Куда? — спросила я.

— В ту развалину, которую ваша сестра привезла из Иосса.

— А вы лазили? — спросила я.

— Мне надо было, — сказал Ричард.

— Знаем, — сказал Димка.

— Я был неосторожен, — сказал Ричард. — А куда вы дели контейнер?

— Какой контейнер? — удивился Димка.

— Контейнер с пленками, — сказал Ричард.

Я принюхалась. Я думала, что его табак пахнет как-то особенно, но он пахнул медом.

— Коробочку? — спросил Димка, прежде чем я успела его остановить.

— От перемены названия суть дела не меняется, — идруг улыбнулся Ричард. — Вы уже наигрались?

— Мы вас не понимаем, — сказала я твердо.

— Чего уж там, — сказал Ричард. — Давайте не будем играть в прятки. Отдайте мне контейнер. Вам он совершенно не нужен.

— А вам зачем нужен? — спросила я.

— Мне он очень нужен, — сказал Ричард. — Я за ним специально приехал.

— Мы знаем, зачем он вам нужен, — вмешался Димка. — Мы догадались.

— Вернее всего, вы догадались неправильно, — сказал Ричард. — Я работаю в институте, мы производили запуск метеорологической ракеты, и неудачно. Она упала в лес, и мы ее потеряли...

— Сколько же лет назад это было? — спросил Димка.

Я решила подождать, не вмешиваться в их разговор. Ричард неумело лгал, и я ждала, пока он запутается посильнее.

— Несколько лет, — сказал Ричард.

— А почему же, — спросил Димка, — вы искали ее, эту ракету, не в лесу, а на нашем дворе? Странно, правда?

— Случайность, — сказал Ричард. — Если вы хотите, я могу вам заплатить за этот ящик.

— А нам ваши деньги не нужны, — сказал Димка.

И разговор зашел в тупик.

— Но, может, не деньги? — голос Ричарда звучал неуверенно. Вторжение на Землю явно срывалось ввиду упрямства двух молодых землян, которых нельзя подкупить или запугать. Я подумала, что это неплохо звучит.

— А что? — спросил Димка.

— Какие-нибудь ценности... Например, велосипед или моторную лодку.

— Ого, — сказал Димка, — по велосипеду или один на двоих?

— Даже по моторной лодке каждому.

А так как мы молчали, переваривали информацию, Ричард спросил:

— А что вы собираетесь делать с контейнером?

— Отдать его в милицию, — сказал Димка.

— Жалко, — сказал Ричард.

И тут я не выдержала. Уж очень мирный шел разговор, как на базаре к вечеру, когда покупателей уже немного и можно поторговаться не спеша.

— А вам нас не жалко? — спросила я. — Нет, не улыбайтесь, мы вас раскусили. И не подумайте сейчас стрелять или нас похищать. Контейнер спрятан в надежном месте.

— А почему я должен вас жалеть?

— А потому, что вы готовите вторжение на Землю, — сказала я. — Мы видели портрет вашего сообщника. Лучше скажите, с какой вы планеты? А потом улетайте.

Любопытно, — сказал Ричард. — Кого вы имеете в виду под моим сообщником?

— Того, зеленого, — сказал Димка.

— Честное слово, не понимаю, — сказал Ричард. — Кикого еще зеленого? Покажите мне, что вы имеете в виду?

— Показать не можем, — сказала я. — Контейнер спрятан, Вам его не найти.

— Почему не найти? — спросил Ричард. — Он же у нас в кармане. Еле поместился.

Я непроизвольно схватилась за карман, а Ричард снова принялся раскуривать свою трубку-блaster.

— Не дергайтесь, — сказал он, — Я не готовлю вторжения. Я всю жизнь прожил в Москве. На Волхонке.

— И завтрашнюю газету там купили?

— Нет, — сказал Ричард, — я ее в архиве взял.

— В архиве? — Я вложила в это слово весь свой сарказм.

— Ладно, — сказал Ричард, — чтобы вы не наделали глупостей, я должен буду вам все рассказать. Вы производите впечатление неглупых людей, хотя и склонных к авантюрам и поспешным обобщениям.

Не верю ему, уговаривала я себя. Сейчас он придумает новую ложь, чтобы выманить контейнер.

— К вам случайно попал в руки бортовой журнал автоматического катера с корабля «Эверест», который стартовал с Земли к звезде Барнарда в две тысячи сто тридцать четвертом году.

— Ага, — сказала я, потому что была готова, что он врет. Но нужно признаться, что эта фраза прозвучала очень внушительно.

— Корабль не вернулся в назначенный срок, — продолжал Ричард обыкновенным голосом. — Однако на-

правил к Земле, как и принято в таких случаях, автоматический катер с бортовым журналом. И катер пропал тоже. И если я не получу бортового журнала, мы не сможем найти «Эверест» и помочь нашим товарищам.

— И мы должны вам поверить? — перебила я его, потому что мне очень хотелось поверить в такую романтическую и невероятную ложь. И мой верный Димка, который никогда не смеет мне перечить, вдруг грубо сказал:

— Помолчи, Машка! Не мешай.

И я поняла, что ему тоже хочется в это поверить.

— И случилось то, что теоретически предсказано, но в самом деле еще не случалось. Во время прыжка через гиперпространство автоматический катер смеялся во временном потоке и исчез в прошлом. В далеком прошлом.

— Это мы-то далекое прошлое? — не выдержала я.

— Нет, он попал на Землю за тысячу лет до ваших дней, — сказал спокойно Ричард. — Мы смогли примерно вычислить время и место его падения, но в той точке корабля не нашли. Тогда мы стали искать какие-нибудь сведения о корабле в книгах, архивах, в газетах... Ведь бесследно корабль исчезнуть не мог. Была, конечно, опасность, что он попался кому-то на глаза в ваше время или сто лет назад и тогда его попросту разобрали на металлом. К счастью, библиотеки в наше время оборудованы очень совершенными компьютерами, и когда мы подняли индексы всех статей, опубликованных во всех газетах мира, то, на наше счастье, нам попалась статья вашего друга Петечки о том, как создавалась детская площадка. По описанию обстоятельств находки корабля мы поняли, что это скорее всего то, что нам нужно. И вот я прилетел к вам...

— Так вы уже месяц здесь живете!

— Правильно, — сказал Ричард. — Мы же не знали, какого числа и откуда привезут наш корабль. Значит, надо было поселиться здесь заранее и ждать, и изъять бортовой журнал. Первыми. Потому что, когда корабль будут переоборудовать, обязательно кто-нибудь найдет контейнер, и тогда следы его исчезнут. Если контейнер попадет в руки к ребятишкам, они, не зная, что это такое, могут разорвать записи.

— Марья, — сказал Димка, — отдай Ричарду контейнер.

— Погоди, — сказала я. — А почему там картинка инопланетянина?

— Понятно почему! — сказал Димка. — Они его там сфотографировали!

Я была в меньшинстве. И никому не хочется прослыть ретроградом, то есть человеком, который ни во что не хочет верить.

Я достала контейнер. Я видела, как Ричарду хочется его у меня отобрать, но он сдержал себя, что говорило в его пользу.

Я открыла коробочку и показала Ричарду картинку. Он всмотрелся в нее и сказал:

— Это такой же инопланетянин, как и мы с вами. Это мой брат. Только в скафандре.

— А туфли! — сказала я. — Какой космонавт будет ходить в таких туфлях?

— Мне ваши моды тоже кажутся странными, — ответил тихо Ричард. Димка протянул руку и достал из контейнера один из маленьких дисков.

— А это записи? — спросил он.

— Это то, что нам очень нужно, — сказал Ричард. — И я могу вам это доказать, чтобы вы не думали ни о каких вторжениях.

Он достал из верхнего кармана пиджака небольшую плоскую коробочку, как из-под пудры, взял двумя пальцами диск и поставил его внутрь.

И тут же мы услышали тихий, но внятный голос:

— Внимание, говорит «Эверест». Привет вам, наши друзья и родные. Мы достигли системы звезды Барнарда, но возвращение невозможно. Нам нужна помощь. Сообщаем обстоятельства...

Ричард выключил диск.

— А дальше? — спросил Димка. — Нам же тоже интересно.

— Простите, — сказал Ричард. — Я очень благодарен вам за помощь и за доверие. Но поймите же, я не могу вам много рассказать. Ведь это случится через сто пятьдесят лет.

— Понятно, — сразу согласился Димка. — И разумно. Только очень жаль.

— Мне бы тоже на вашем месте было жаль. Дай-ка сюда.

Я послушно отдала ему контейнер. Ричард осторожно подцепил ногтем тонкую фотографию на крышке контейнера. И протянул ее мне.

— Разумеется, я нарушаю правила, — сказал он. — Но мне хочется, чтобы у вас осталась память... — Он перевернул фотографию «инопланетянина», посмотрел и добавил:

— Ведь это принадлежит мне... лично.

Я взяла фотографию и на другой стороне увидела аккуратную надпись: «Дорогой Ричард! Надеюсь, что мы

скоро увидимся. Привет от нас с Ниной. Твой брат Василий».

— Спасибо, — сказала я. — Вы простите, что мы вам не поверили..

— А поверить трудно, — сказал Ричард. — Я благодарен вам от своего имени и от имени тех космонавтов, к которым мы завтра же пошлем помочь...

— Через сто пятьдесят лет, — поправила его я.

Ричард выбил трубку, поднялся, мы поднялись тоже. Он попрощался с нами. Потом сказал:

— Я очень прошу оставить все между нами,

— Нам бы никто не поверил, — сказал Димка.

Ричард повернулся и пошел прочь.

Он перешел улицу на зеленый свет, свернул за угол.

Он не обернулся.

Мы смотрели ему вслед.

Больше мы его, разумеется, никогда не видели.

Когда мы взошли обратно, Димка сказал:

— Фотография будет храниться у нас с тобой по очереди. Всю жизнь. И у наших детей. Чтобы можно было ее вернуть Ричарду через сто пятьдесят лет.

И я согласилась с Димкой. Фотографию надо будет возвратить. Второй у Ричарда нет.

11

Когда я вернулась домой, Петечка уже пришел к нам.

— Мария, — сказал он мне. — Завтра моя статья будет в газете. Главный обещал.

— Я знаю, — сказала я. — Я ее видела.

Петечка не понял, что я имею в виду.

— Там справа от твоей статьи, — не удержалась я, — будет еще фотография прядильщицы Сидоровой. Очень красивая женщина.

— Угадала, — засмеялся Петечка. — Как странно! Сегодня как раз наш фотограф вернулся с прядильной фабрики и привез оттуда снимки. А я написал новые стихи. Хочешь послушать?

— Читай, — сказала я, подходя к окну.

Корабль стоял посреди двора, и требовалось немало воображения, чтобы представить себе, каким он был тысячу лет назад, то есть каким он должен быть через сто с лишним лет. И еще, подумала я, только мы с Димкой знаем, что вот те железки видели просторы далекой-далекой планеты у звезды Барнарда. А мой правнуки полетят на звезду Барнарда.

ЧЕРНЫЙ САКВОЯЖ

Фантастическая повесть

1

Я сначала увидел саквояж, а потом человека. Саквояж — это древний гибрид сумки, чемодана и портфеля, такие носят доктора в исторических фильмах. Теперь их, по-моему, не делают.

Вроде бы саквояж должен быть добрым, толстым и надежным.

Приходил чеховский доктор, велел открыть рот, давал капли или микстуру — тогда даже еще уколов не умели делать.

А этот саквояж мне не понравился.

Саквояж спускался в подземный переход. Его нес небольшой человек, совершенно не похожий на доктора. Ни на кого не похожий человек, потому что он был похож на всех сразу.

А сзади, шагах в двух, брел плотный сутулый мужчина в маленьких толстых очках.

Я смотрел на саквояж и почти догнал их.

Спина сутулого мужчины дергалась передо мною, потому что он все время сбивался на бег, а потом тормозил, стараясь забежать вперед владельца саквояжа.

Неожиданно тот, кто нес саквояж, прибавил шагу, его преследователь тоже прибавил шагу, а я не стал спешить. Мало ли какие бывают у людей проблемы.

Но получилось так, что из подземного перехода мы не вышли.

Погода была ветреная, солнечная, но ненадежная. Фиолетовые тучи выскакивали, как из засады, и плевались короткими ливнями. Очередная туча таилась за крышей высокого дома и выскочила как раз, когда я выглянул из перехода. С неба упала стена ливня.

Я отступил на несколько шагов и услышал злой громкий шепот.

— Верните немедленно.

Я оглянулся. Те же двое. Мужчина в маленьких очках теснил того, что с саквояжем, к стене. Незаметный человек елозил спиной по тусклому кафелю стены и повторял со злостью:

— У вас нет доказательств. Вы никогда не докажете...

— Отдайте саквояж. Я все понял.

Этот странный разговор тянулся, как затертая пластиночка, которая застряла на одной фразе: «Степь да степь кругом... степь да степь кругом...»

Вдруг они прервали разговор и как по команде посмотрели на меня.

Я увидел очень холодные, светлые глаза незаметного человека и растерянные добрые, окруженные оправой очков глаза плотного. Я невольно отвел взгляд. Получилось, что я подслушиваю.

И тут же ливень оборвался, так же незаметно, как и начался. Толпа бросилась наверх, разъединила меня со спорщиками, и я потерял тех людей из виду.

Я не думал, что когда-нибудь их еще увижу. Но увидел.

Сначала я увидел незаметного человека с черным саквояжем.

Примерно через полтора часа.

Я заскочил домой, пообедать, потом побежал в кружок.

Надо сказать, что я всегда бегаю. Во-первых, это очень помогает поддерживать тонус — ведь проводим в классе полдня в сидячем положении. А потом собираемся еще всю жизнь сидеть — в институте, на работе, на пенсии... Так что единственное спасение от ранней старости, от ожирения и лени — это бег. Я не признаю бег трусцой по утрам. Лишняя потеря времени. Да и неудобно как-то в трусах носиться по улицам. Из автобусов на тебя смотрят как на сумасшедшего. Бежать надо по делу. В булочную послали — беги, в школу — беги, из школы — беги. Экономия на времени, на транспорте и бодрость духа.

Я примчался в Дом пионеров в половине четвертого. У меня было полтора часа времени до встречи со Сорокалетом. Сорокалет, если вы случайно не слышали, великий изобретатель. У самого сорока авторских свидетельств, а у его учеников — более трехсот. Я считаю, что это очень достойная пропорция. Встречу с ним мне устроил наш руководитель, Стасик. Он сам занимался у Сорокалета на семинаре изобретателей и считает его гением. А я, единственный из наших кружковцев, насчет которого он попросил Сорокалета, чтобы он со мной поговорил.

Я не хочу хвастаться, это не в моих принципах, но я согласен со Стасиком. Наверное, это вызвано тем, что мои

работы отличаются от работ других ребят. Я всегда иду от того, что нужно человечеству. Вы можете возразить: разве не нужна человечеству машина времени или вечный двигатель? Но разумный человек ответит: подобные забавы антинаучны и, хоть даже у нас в кружке есть братья Симоны, которые строят уже восьмую модель вёчного двигателя, это означает лишь, что они хотят выделиться и плохо знают теорию. Есть другая категория юных изобретателей — те, кто изобретает всем известное, потому что это легче сделать. Например, три года у нас делали робота. Робот ходит, мигает лампочками, двигает руками, но все равно это игрушка, хоть его всегда показывают на вечерах и все хлопают в ладоши и кричат: ах, какие умные подростки!

Я уже сейчас занимаюсь проблемами окружающей среды. Я придумал проект судна, которое может очистить от нефти и других отходов большую акваторию, и действует это судно по принципу промокашки. Или, может тех машин, которые подметают улицы. Представляете круглую щетку, которая вертится, собирая грязь с мостовой и загоняя ее внутрь кузова? Такого рода пластиковым прористым валом я снабжаю мои суда. Грязь с поверхности воды впитывается в вал и подается в цистерну. Над цистерной вал прижимается, отдает содержимое и вновь готов к употреблению.

В тот день я должен был встретиться с самим Сорокалетом и потому, сами понимаете, волновался больше, чем перед экзаменом. У меня была робкая надежда, что Сорокалет согласится взять меня в свой семинар. Правда, там занимаются как минимум студенты, и семиклассников он, конечно, не брал. Но я хотел доказать Сорокалету, что возраст таланту не помеха. Известно, что Моцарт уже в три года играл на скрипке.

Поэтому неудивительно, что весь день у меня пошел наперекосяк. Я умудрился получить двойку по истории, чего со мной не случалось уже полгода, хотя я историю не люблю и считаю ее пустой наукой — часы, которые мы тратим на нее, можно было употребить с пользой — учить побольше математики.

Дома я тоже вел себя не лучшим образом. Во-первых, я был заплатить за квартиру, потом сжег яичницу, наконец, когда позвонил Артем, я забыл передать ему, что Настасья будет ждать его у кино в половине седьмого. Правда, этот мой грех был самым незначительным, так как они все равно друг друга отыщут, даже если во всем городе перегорит свет или сломаются все троллейбусы, у этих прелюбленных какое-то шестое чувство. Мне иногда просто смешно на них смотреть. Артем бросил заниматься боксом, потому что у них не хватает времени на свидания. Я считаю, что любовь такая же вредная штука, как история. Она отвлекает от производительного труда и увеличивает интропию. Я уверен, что оптимальное состояние моей сестрицы и Артема — оцепенение. Они бы рады просиживать друг перед дружкой целыми сутками, пожирая партнера пламенными взорами. Но повторяю: это мое личное мнение, и я его никому не навязываю. Но я убежден, что Руслан разделяет эту точку зрения.

В общем весь день я находился под ощущением великого перелома в моей жизни и не обращал внимания на обыденные мелочи. Даже удивительно, что я заметил ту парочку — плотного мужчину в очках и незаметного человека с черным саквояжем.

В кружке я провел около часа. Все равно надо было убить время. Я пообщался с братьями Симонами, которые как раз разбирали очередную модель вечного двигателя, убедившись в его нецелесообразности, и собирались ис-

пользовать некоторые его части для новой, такой же бес-смысленной модели. Все это время думал. Ведь мне нужно доказать Сорокалету, что я как изобретатель чего-то стою. Я мысленно повторял обоснования некоторых моих работ и даже придумывал за Сорокалета возражения.

Все кружковцы знали, что мне сегодня идти к Сорокалету и очень сочувствовали. Я пришел в мой уголок, где на стенах висели рисунки, схемы и две грамоты, которые я получил в этом году. Вообще-то грамот я не храню — не в грамотах дело.

Из моего уголка, от рабочего стола, видна дверь, которая ведет в коридор. Это маленький коридор к мастерской. Мастерская у нас двенадцать квадратных метров, но в ней умещается токарный станок и верстак. В тот день в мастерской никого не было.

2

Коридор был слабо освещен, одной лампочкой. Под лампочкой стоял стул. На стуле сидел незаметный человек с черным саквояжем. Он держал саквояж на коленях и возился с его застежкой.

И вдруг я испугался. Даже не знаю, почему. Вообще-то я не очень трусливый, но очень уж странным мне показалось это совпадение. К тому же в коридор можно пройти только через нашу комнату, а через нее за последний час никто не проходил.

Наконец незаметный человек справился с застежками, саквояж распахнулся. Внутри что-то блестело. Потом послышалось тихое жужжание, которое странным образом отразилось в моей голове. У каждого есть свой невыносимый звук. Я, например, не выношу, когда ладонью сметают крошки со скатерти, а Настасья буквально умирает,

если кто-то скребет вилкой по тарелке. Так вот это жужжание было невыносимым.

Я бросился с желанием убежать, потому что надо было подойти к незаметному человеку и спросить, что он здесь делает.

Я даже поднялся из-за стола, но потом застыл.

Человек совершенно не обращал на меня внимания. Он что-то подкручивал в своем саквояже и руки его, утопленные в пасти саквояжа, шевелились, будто он чистил там апельсин.

Наконец, я решился. Я сделал шаг к двери, и тут услышал голос Женьки Симона:

— Что вам здесь нужно? — оказывается Симон тоже заметил этого человека, но так как раньше он его не встречал, то он не испугался.

— Одну минутку, — ответил человек, не отводя взгляда от саквояжа.

— В самом деле! — услышал я собственный голос. — Что вам тут нужно?

— Все, — сказал человек и захлопнул саквояж. — Я кончил, не беспокойтесь все в порядке.

Он говорил как зубной врач, который уже поставил пломбу и обещает, что больше больно не будет.

Человек поднялся и пошел от нас к двери в мастерскую.

— А я все-таки спрашиваю, что вы здесь делаете? — вспылил Симон. — Туда нельзя!

Но человек уже открыл дверь в мастерскую.

Потом дверь закрылась. Мы были так удивлены, что потеряли, наверное, целую минуту, прежде чем побежали за ним.

Мастерская была пуста. Все там стояло на своих местах, но ни одной живой души.

Окно было открыто. Оно выходило во двор. Первый этаж, но довольно высокий.

Я выглянул в окно. Внизу какие-то малыши возились в песочнице.

— Ребята! — крикнул я. — Из нашего окна кто-нибудь прыгал?

— Куда прыгал? — спросил один из малышей.

— Вниз.

Но я уже понял, что от них никакого толку не добьешься.

Женя Симон возился за моей спиной.

— Ты чего? — спросил я, обернувшись.

— Проверяю чего он похитил.

Разумеется, ничего тот человек не похитил. Он приходил за другим. Но в тот момент я еще не понимал, зачем он приходил.

Я бы глубже задумался о том, что же делал незаметный человек в нашем доме пионеров, но в тот момент я очень спешил — Сорокалет наверное уже ждал меня.

Я поспешил к автобусу.

У меня было странное, какое-то опустошенное состояние. Вроде бы все в порядке, я еду к самому Сорокалету, сбывается моя мечта. Но почему-то мне было куда приятнее думать о том, что установилась хорошая погода, и облака текут по небу как льдины по реке весной, что скоро я поеду в Сызрань, к тетке, на каникулы, что Артем собирается жениться на Настасье, как только им исполнится по восемнадцать лет, а я не знаю, хочу ли я чтобы моя сестра выходила замуж, или нет. И вот от этих мыслей моя встреча с Сорокалетом уже не казалась мне такой важной, и даже приятнее было думать о том, как я буду рыбачить, чем...

Тут автобус остановился, и я оказался перед пятиэтажным скучным зданием института, в котором работал Сорокалет.

В вестибюле сидел за столиком вахтер, который сразуглядел меня среди прочих людей. Ни у кого этот вахтер не спрашивал пропуска, я даже думаю, что и не нужен пропуск в этот мирный институт, но на меня он сразу сделал стойку. Сейчас закричит: «Мальчик, ты куда!» И чтобы не подвергаться унижениям, я сам к нему подошел деревянным шагом и сказал почти суро:

— Мне к товарищу Сорокалету.

Вахтер, конечно, не ожидал такого тонкого хода с моей стороны и послушно принял водить пальцем по списку телефонов, соображая, видно, кто такой Сорокалет, хотя ему следовало бы знать наизусть это великое имя. Потому что знаменитый изобретатель сделал бы честь любому институту...

Вахтер не успел мне ничего ответить, потому что мое внимание отвлек человек, спускавшийся по лестнице. Он был склонен к полноте, сутулился, маленькие толстые очки сползли на кончик носа. Человек был невероятно печален, можно сказать, убит горем. Это был тот самый мужчина, которого я видел в подземном переходе, когда преследовал незаметного человека с саквояжем.

Тогда, под землей, я был ни при чем и не вмешивался в чужие дела. Но тот, с саквояжем, побывал в нашем кружке, и теперь я имел полное право спросить плотного человека, что за тайна связана с черным саквояжем.

— Сорокалета спрашивал? Павла Никитича? Так вот идет собственной персоной.

И показал на плотного человека в маленьких толстых очках.

Вот это совпадение было выше моего понимания. Я буквально осталбенел.

Полагаю, что на моем месте вы бы тоже осталбенели.

Сорокалет прошел мимо меня, ничего не замечая, и вышел на улицу.

— Переживает, — сказал вахтер сочувственно. — Как не переживать, если на Ученом совете, при всем народе, солидный человек, а провалился.

Мне бы, конечно, спросить, почему такой великий человек, как Павел Никитич Сорокалет, гений изобретательства, мог провалиться на Ученом совете, но вахтер перестал для меня существовать. Я уже несся за Сорокалетом.

Я догнал Сорокалета в сквере. Он остановился как человек, не знающий, куда идти дальше, потом направился к скамеечке. Я глядел, как он постоял возле скамейки, потом почему-то нагнулся, смахнул с нее пыль, осторожно сел и уставился перед собой пустым взором. К такому человеку даже подходить неловко. Но я все же подошел. Ведь он сам назначил мне встречу.

— Павел Никитич, — сказал я, — моя фамилия Бабкин.

Сорокалет очень удивился.

— А почему Бабкин? — спросил он серьезно. — Рано еще.

— Что рано?

— Бабкин. Ты пока Деткин. Или даже Внучкин.

Если бы так пошутил кто-то другой, я бы возмутился и ушел. Но я знал, что у Сорокалета несчастье. И притом я даже догадывался, кто причина этого несчастья. Поэтому я ответил:

— Простите, Павел Никитич. Вы меня пригласили, чтобы поговорить о моих изобретениях. Но я понимаю,

что вы находитесь в подавленном состоянии. Поэтому я могу уйти.

Я, конечно, никуда не ушел.

Мои слова не сразу дошли до Сорокалета.

— О чём говорить? — спросил он после паузы.

— О моих изобретениях. Я из Дома пионеров. Занимался изобретениями в области практической экологии.

Я назвал свою фамилию. Она у меня редкая.

И тогда Сорокалет засмеялся.

— Я же говорил, что ты Деткин!

Я понял, что слишком волнуюсь. Перепутать собственную фамилию! Я даже забыл на минутку о человеке с никвояжем. Мне так не хотелось казаться растерянным ребенком.

— Я — изобретатель! — воскликнул я. — Уже третий год я отдаю все силы этому делу. Я не хочу хвастаться, но все говорят, что у меня есть талант. И он не зависит от того, Деткин я или Бабкин!

Нечаянно я раскричался и люди, проходившие через садик, с удивлением смотрели на мальчика, который машет руками, подпрыгивает перед самим Сорокалетом.

— Прости, — сказал Сорокалет. — Я расстроен. Но если ты изобретатель, расскажи мне, что ты изобрел... Хотя я тебе ничем не смогу помочь.

— Как же так, — сказал я. — Я ждал встречи с вами давно. Моя мечта работать в вашем семинаре.

— Так что же о изобретениях?

— Я хотел познакомить вас с тремя из моих работ, — начал я. Этот текст был подготовлен мной заранее. — Первая моя работа касается очистки водоемов от загрязнения и построена на таком принципе...

И тут вдруг я понял, что не имею представления о том, на каком принципе строится моя работа.

Сорокалет ждал. Он смотрел мимо меня, вдаль, глаза его были задумчивы и печальны. А я в этот момент увидел птицу на ветке, может быть воробья, я еще не занимался всерьез орнитологией, и я стал смотреть на птицу и ждать, когда она улетит. А птица не улетала. И больше ни одной мысли в голове не было.

— Ну что же? — спросил Сорокалет. Я не знаю, сколько он ждал.

— Я забыл, — признался я.

— Забыл, расскажи о втором изобретении.

Это была великолепная мысль. Конечно же, мне надо было догадаться самому. Я с облегчением вздохнул и сказал:

— Второе мое изобретение...

Птица как назло улетела с ветки. Ну что, привязали ее, что ли? Я не сомневался в том, что я что-то изобрел. Наверняка изобрел, но в том месте мозга, где должно лежать изобретение, была громадная гулкая пустота. И неожиданно для себя самого я спросил:

— А этот человек, который с черным саквояжем, он что у вас отнял?

Я спросил это, потому что хотел отвлечь Сорокалета от моих несчастных изобретений, которых на самом деле не было.

Сорокалет сразу ожила.

Он даже вскочил со скамейки. Словно его включили в сеть.

— Ты что об этом знаешь? Говори!

— Я его видел потом, — сказал я. — Он приходил к нам в Дом пионеров. Сидел...

— И что делал? Что он еще делал?

— Сидел и ничего не делал. Открыл свой саквояж, копался в нем, а потом, когда мы его спросили, что он делает, повернулся и ушел. Через мастерскую, через окно.

— Открывал? А близко он был от тебя?

— Ну как вы.

— Стой, Деткин, повтори: ты зачем хотел меня видеть?

— Моя фамилия Бабкин, — сказал я. — Мне сказали, что вы можете со мной поговорить, потому что мои изобретения представляют интерес для науки.

— И ты можешь мне изложить суть изобретений?

— Я же говорил... — и тут меня снова застопорило. И я стал глядеть на птицу.

Сорокалет очень мною заинтересовался. Он приблизил свои очки ко мне, наклонился и понизил голос, задавая следующий вопрос:

— А сегодня утром, даже днем, ты знал, что изобрел?

— Я и сейчас знаю... нет, не знаю.

И вдруг я понял, что в самом деле забыл, полностью. Начисто забыл, что изобрел.

— Я забыл? Этого не может быть!

Я боялся, что Сорокалет сейчас рассмеется, в самом деле можно рассмеяться — приходит к тебе мальчик, фактически ребенок, который говорит, что хочет заниматься в твоем семинаре, а ничего не знает. И изобретений у него никаких нет.

Сорокалет не смеялся. Он смотрел на меня серьезно, с сочувствием, но мне все равно хотелось ему доказать, оправдаться.

— Если вы не верите, — сказал я, — то можно позвонить к нам в кружок. Там вам любой скажет, что я получил премию. Про меня заметка была в «Юном технике»...

— Я тебе верю. Больше того, я верю, что у тебя были хорошие изобретения, настолько хорошие, что их надо было украсть.

— Кому надо было украсть?

— Тому человеку, с черным саквояжем.

— Как можно украсть? Я же их не патентовал. Я только думал о них.

— Я тоже думал, — сказал Сорокалет. — И когда это случилось, я не сразу сообразил. Но потом все же додумался. Правда, какие-то сомнения у меня оставались до сих пор. И ты их рассеял. Теперь все ясно — надо действовать.

— Пал Никитич! — взмолился я. — Расскажите мне, пожалуйста, в чем дело. Я же ничего не понимаю.

— Садись. — Он сел на скамейку и я понял, насколько он изменился за последние минуты. Глазки за толстыми стеклами очков буквально пылали, щеки покраснели и уголки губ приподнялись, отчего его лицо потеряло обиженное и растерянное выражение. Стало обычновенным и добрым, и даже очень приятным лицом.

Я послушно сел рядом с ним.

— Это случились сегодня днем, — сказал Сорокалет.

— Я как раз собирался обедать, когда он пришел. Он сказал, что должен мне передать привет от моего знакомого, но никакого знакомого в городе Брянске у меня нет. В общем, ему было все равно, верю я ему или нет. Ему нужно было потянуть время. Он сел, раскрыл свой саквояж и сделал вид, что ищет письмо. А я как-то не обратил на него должного внимания. Я собирался обедать, а он мне очень мешал. Я сказал ему, что, пока он будет искать письмо, я буду собираться. И он был рад. Он возился в своем саквояже. Потом закрыл его и сказал, что письмо он забыл в гостинице. Мы вышли с ним вместе, он мол-

чал. Он мне показался странным. Ты знаешь, что такое интуиция?

— Знаю, — сказал я.

— Так вот, интуитивно я ощущил в нем что-то чужое. Словно рядом со мной идет не человек, а какой-то... какое-то существо. И, может быть, я бы ничего не понял, если бы вдруг, еще на лестнице, не решил мысленно повторить ход моих аргументов. Мне сегодня надо было выступать на Ученом совете и защищать одну идею... впрочем я тебе не смогу сказать, какую идею, потому что ее не помню. Я спускался по лестнице, почти не замечая этого человека, и старался восстановить ход моих аргументов. И тут я понял, что не имею никакого представления о моем изобретении. Я очень удивился и чтобы проверить, нет ли у меня провала в памяти, переключился на другую мою идею, о которой думал ночью. И оказалось, что и этой идеи во мне нет. Я не знаю, что меня заставило поглядеть на этого человека с саквояжем. Он к тому времени обогнал меня и уже выходил на улицу. У меня не было никаких доказательств, что он имеет отношение к моей забывчивости. Я только поглядел ему вслед. И вдруг он обернулся и улыбнулся мне. Как улыбаются механические куклы. И похлопал ладонью в черной перчатке по саквояжу. И тогда меня озарило: мои мысли в этом саквояже. Я ему крикнул «постойте!» Он прибавил шагу. Я побежал за ним. Я уже не сомневался, что меня обокрали. Если бы я остановился и задумался, я бы понял, что такого быть не может. Нельзя украдь у человека мысли, причем не все, а только некоторые мысли. До этого земная наука не дошла, это я гарантирую. Но я об этом не думал. Я бежал за ним, я просил его вернуть мне мысли, я умолял, я грозил... А он только улыбался.

— Тогда я вас и увидел, — сказал я.

— Вот именно. В подземном переходе? Не помню, может это было и в подземном переходе. А потом он исчез... сбежал. А я решил, что мне все это померещилось. Я начал рассуждать. Я уговорил себя, что такого не может быть. Я провел целый час над моими записками и оказалось, что я ничего не понимаю в чертежах. Как будто они написаны каким-то другим человеком. Я торжественно провалился на Ученом совете. Я стоял как столб. От моего выступления зависела судьба не только моего изобретения, но и многих людей, которые должны были его воплощать в жизнь и пользоваться его плодами. Я сказался больным... Бедный мальчик!

Последние его слова относились ко мне.

Но я не был так расстроен, как должен был быть расстроен.

Сейчас объясню, почему.

Еще несколько минут назад я был совершенно одинок в этом мире. Ограбленный, ничтожный человек. Никто меня не мог бы понять. В лучшем случае отмахнулись от моих жалоб, в худшем — отвезли бы в сумасшедший дом. Особенно, если бы я стал рассказывать о человеке с саквояжем.

И вдруг оказывается, что я не один. Что у меня есть союзник. Да еще какой! И не только он мне нужен, но и я ему необходим. И мы должны вдвоем разрешить неразрешимую загадку.

— А может он шпион? — спросил я.

— Не похоже, — серьезно ответил Сорокалет. — То, что он делает, у нас никто делать не умеет. И не к чему. Наши с тобой изобретения не представляют никакого секрета. Через несколько месяцев или лет о них можно будет прочитать в любом журнале или увидеть их на практике. У меня другая версия...

— Инопланетяне! — сказал я. — Летающая тарелочка.

— Упрощенно говоря, так.

— А я еще вчера с ребятами спорил, — сказал я. — Потому что я противник летающих тарелок. Я думаю, что это миф двадцатого века.

— Для меня это сейчас не миф, а рабочая гипотеза, — сказал Сорокалет. — Я основываю ее на том, что если нигде на Земле люди не могут красть мысли, то значит это делают люди, которые живут не на Земле.

— Тогда пошли, — сказал я.

— Куда?

— В милицию. Поднимем милицию на ноги. Опасный пришелец в Москве! Ворует мысли.

— И знаешь, что они тебе ответят, Бабкин?

Я немного подумал и как здравомыслящий человек вынужден был признать:

— Они вызовут врача. Но если я буду не один...

— Тогда они вызовут двух врачей.

Я задумался. Сорокалет был прав. Я бы на месте милиции не поверил бы и десяти свидетелям, если они говорят, что у них украли мысли. Может мыслей и не было? Я даже попытался еще раз вспомнить, что же такое я изобрел. Оказалось, ничего не изобрел. Птичка наконец улетела.

— Выход один, — сказал Сорокалет. — Найти его и упросить...

— Упросить — из этого ничего не получится, — сказал я. — С вором так не разговаривают. Он у нас украл. Мы у него — отнимем!

— Что ты! — Сорокалет смутился. — Это же опасно.

— А вы подумали, что он сейчас ходит по Москве и продолжает свое черное дело? Каждая минута опасна. Если так будет продолжаться, то через неделю мы все останемся без мыслей. А вдруг он не один?

— Но как мы отнимем?

— Еще не знаю. — Я понял, что практически я куда лучше приспособлен к жизни, чем великий изобретатель Сорокалет. Он наверное и не дрался никогда.

— Сначала его надо отыскать. А потом будем действовать.

Сорокалет печально вздохнул.

— Ты представляешь себе масштабы Москвы? И один человек... всего один. Ничем не выделяется.

— Ничего подобного. Выделятся, — сказал я. — У него черный саквояж. Давайте рассуждать.

— О чём?

— Мы же с вами изобретатели. Мыслители.

— Бывшие.

— Отнимем саквояж, отнимем и мысли. Чудес не бывает. Этот пришелец — вполне реальный. И он не каждую мысль тянет, а только ту, что ему нужна.

— Почему ты так думаешь?

— А скажите, кто-нибудь еще из ваших коллег жаловался?

— Нет, никто... насколько я знаю.

— А я сейчас проверю. У вас девушка есть?

Сорокалет смотрел на меня с уважением. Нет, он не организатор, он только мыслитель.

Я взял у него девушку и мы пошли звонить. Мы позвонили к нам в Дом пионеров. К телефону подошел Женяка Симон.

— Симон, спросил я. — С тобой ничего не случилось?

— В каком смысле?

— Как твой вечный двигатель работает, ты помнишь?

— Конечно, — сказал Симон. — Мы делаем бесконечную цепь и в ее звенья вставляем полушария, наполненные водой...

— Хватит, — сказал я и повесил трубку.

Потом я обернулся к Сорокалету, который переминался с ноги на ногу, и сказал:

— Моя версия была правильной. Им нужны не все мысли.

— Да, разумеется, — сразу согласился Сорокалет. А я подумал, как мне его жалко. Вот мне куда легче. Пройдет какое-то время, даже если мы и не поймаем этого похитителя, и я снова чего-нибудь изобрету. Ведь у меня вся жизнь впереди. А ему трудно. Он уже пожилой, ему под сорок. У него положение, ученики, семинар, на него люди смотрят, а он им ничего ответить не сможет. Нет, решил я, так я этого не оставлю. Расшибусь, а верну доброе имя и великие мысли знаменитому изобретателю.

— Поехали ко мне домой, — сказал я.

— К тебе? Зачем? Я лучше к себе пойду.

— Мы возьмем Руслана. Он нам поможет.

— А кто такой Руслан?

— Мой лучший друг.

3

Сорокалет отказался подняться ко мне. Я не возражал. У меня, как всегда, беспорядок, который создаю не только я, но и Настасья. Моя старшая сестра так глубоко влюблена, что забыла, как моют посуду и подметают пол. Приходится мне самому, чтобы не было лишних семейных сцен, брать на себя ее обязанности.

Руслан обрадовался мне, соскучился. Мы все в доме очень заняты. Мать на работе, Настасья любовью, а я изобретательством, и ему достается мало ласки. Раньше, когда Руслан был щенком, я его обучал, надеялся, что он научится считать, и может немного говорить, но все

окончилось неудачей, и поэтому я занялся другими проблемами.

— Руслан, — сказал я. — Ты уже большой и умный пес. Твои сопородники плавают у берегов Ньюфаундленда и спасают рыбаков. Ты же зазря жуешь кости. Теперь от тебя зависит судьба человечества.

Руслан склонил большую черную печальную голову, обидевшись на мой упрек. Но перспектива помочь человечеству его утешила, и он побежал к двери.

Сорокалет маялся у подъезда и при виде Руслана отпрянул, чуть не упал.

— Не бойтесь, — сказал я. — Руслан не кусается.

Сама мысль о том, что можно кусать другое живое существо была для Руслана настолько отвратительная, как для меня. Руслан даже ахнул.

— Руслан, — объяснил я. — это товарищ Сорокалет. Он знаменитый изобретатель. Его ограбили. Кстати, и меня тоже. Ограбил нас один человек, который прилетал с отдаленной звезды. Зачем ему это нужно, мы еще не знаем, но он крадет выдающиеся мысли.

— А-ф, — негромко ответил Руслан. Этот сдержанный звук означает, что Руслан в целом проблему осознал.

— У нас, возможно, есть след этого негодяя, — сказал я.

Сорокалет смотрел на меня как на сумасшедшего, потому что раньше он, наверное, не встречал такого понимания между человеком и собакой. А Руслан, он ведь большой хитрец, так смотрел на него, будто умеет говорить и мыслить.

Я отвел Руслана к Дому пионеров, но заходить внутрь не стал, а прошел прямо во двор, под окно, из которого выбрался человек с саквояжем. Окно было на первом этаже, но этаж высокий, я доставал до подоконника толь-

ко встав на цыпочки. Руслан, хоть и умный пес, долго не понимал, что ему надо встать на задние лапы. А Сорокалет, хоть за последние минуты и привык к Руслану, помочь ему боялся. С громадным трудом я заставил все же Руслана поднять к подоконнику свою тяжелую морду, и тут же Руслан от подоконника отпрыгнул и начал обнюхивать землю. Он учゅял что-то очень для него неприятное.

В тот же момент из окна высунулся Женька Симон, которого привлек шум, поднятый нами.

— Вы что? — спросил он.

Но я не смотрел на Симона, только отмахнулся. Шерсть на загривке моего пса встала дыбом, верхняя губа изогнулась, открыв клыки. Таким злым я Руслана давно не видел.

— Стариk, — сказал я ему. — Не волнуйся. Возьми себя в лапы. Нам нужно его найти.

Руслан и смотреть на следы не хотел. Как будто они были смазаны нашатырем. Мне пришлось его уламывать как маленького, а это было нелегко, потому что Женька Симон вылез из окна и вмешался в разговор, ничего не понимая. Сорокалет, который вдруг поверил в способности Руслана, тоже начал уговаривать пса, а ребятишки, которые играли во дворе, прибежали и шумели вокруг.

Наконец, Руслан сделал мне одолжение и, не скрывая отвращения, пошел по следу. Я не сомневался, что он правильно взял след, потому что он никогда не стал бы кривляться, если бы это был обыкновенный след. Он шел к проходу в соседний двор, и это было хорошо, потому что на улице следы исчезают под ногами других людей, и тут даже руслановых способностей не хватило бы.

У прохода в соседний двор я придержал Руслана и твердо сказал всем любопытным, включая Женьку Симо-

на, чтобы они исчезли. Эти уговоры заняли еще минут пять. Но в конце концов мы остались втроем.

Мы пересекли двор, и следы привели нас к небольшой двери в желтом старом доме. Дом был велик, и я никак не мог сообразить, что это такое. Дверь была приоткрыта, и мы вошли в нее. За ней был полутемный коридор. Руслан заволновался, и я понял, почему: в коридоре царили различные съестные запахи. Даже мне они напомнили о том, что я забыл пообедать, а представьте себе положение голодного Руслана с его чувствительным нюхательным аппаратом. Но мы преодолели эти соблазны, и пошли дальше.

Руслан потянул меня наверх по небольшой лестнице, освещенной маленькой лампочкой без абажура. В этот момент с дальнего конца коридора показался человек в голубом халате, который нес, прижав к животу, ящик с редиской.

— Эй! — крикнул он. — Вы что здесь делаете? Сюда нельзя.

— Скорей, — шепнул я Сорокалету, который хотел было начать объяснения с тем человеком. Я надеялся, что ящик помешает ему преследовать нас.

И в самом деле, обернувшись с лестницы, я услышал, как шаги преследователя остановились. Сейчас он думает, понял я, поставить ящик или забыть о нас.

Дальше я не слушал. Руслан, рыча как отдаленный гром, тащил меня вверх. Потом мы промчались каким-то коридором, проскочили еще один пролет лестницы. Я всей спиной ощущал тяжелое дыхание Сорокалета, который не привык бегать по лестницам. Затем была еще одна дверь, которая, распахнувшись, вывела нас в куда более широкий и хорошо освещенный коридор, с ковровой дорожкой на полу. По обе стороны шли одинаковые двери с

шокерами на них. А в дальнем конце коридора, удивленно подняв голову, сидела за небольшим столом полная женщина.

Именно к ней нас волок неудержимый Руслан.

Женщина грозно поднялась нам навстречу.

— Что-то будет, — сказал я.

Женщина, судя по ее виду, ничего и никогда не боялась, так что перед Русланом она не отступит.

Но я ничего не мог поделать. Ни остановить Руслана, ни остановить женщину.

И только буквально натолкнувшись на нее, Руслан затормозил.

— Так, — сказала женщина. — Значит бегаем?

— Простите, — сказал я. — Мы только на минутку. Нам надо найти одного человека. Мы найдем и уйдем.

— Проживание с животными, — сказала женщина, — строго запрещается.

— Но мы не проживаем. Мы не собираемся проживать, — сказал я, обернувшись к Сорокалету за поддержкой. Хотя уже понимал, что в житейских ситуациях Сорокалет — плохая опора.

— Мы сейчас, — завякал мой великий коллега. — Мы только одну минутку, мы не знали.

Прозвучали эти слова так неубедительно, что я бы на месте той женщины решил, что мы собираемся украсть у нее шариковую ручку. Даже мой неустрешимый Руслан оробел. Он мог бы встретить грудью пятерых бандитов, но когда женщины разговаривали с ним таким тоном, моему псу хотелось поджать хвост и уйти под диван.

— И вообще, — голос женщины катался по коридору, как паровоз, — как вы сюда проникли?

— Снизу, — сказал я покорно. — Через кухню.

Я первым из всех догадался, что мы попали в гостиницу «Мечта» через задний ход. Я часто проходил мимо этой гостиницы, но как-то не задумывался, что сзади она выходит прямо к нашему Дому пионеров.

— Если вы сейчас же не покинете помещение... — сказала женщина.

Но завершить свою фразу она не успела, потому что Руслан нас всех перехитрил. Оказывается, он только притворялся, что перепугался. В самом деле он вертел носом и обдумывал следующий ход. Неожиданно он рванул так, что я выпустил поводок, на полусогнутых лапах проскользнул мимо дежурной и побежал к двери номер 26. Перед дверью он сделал стойку и два раза гавкнул так, что даже женщина оробела.

— Вот видите, — сказал я, воспользовавшись паузой. — Собака служебная, знает, кого искать. Вы мне лучше ответьте, куда делся тот подозрительный гражданин с черным саквояжем.

— Вы имеете в виду Григорянца? — спросила женщина.

— Именно его, — ответил я.

— Так он выписался.

— Давно? — у меня как оборвалось все. Неужели после такого замечательного подвига Руслана мы окажемся ни с чем?

— Да только что. Вы его, наверное, внизу догоните. Только попрошу мне сначала показать документы. По какому такому праву вы меня спрашиваете?

Дежурная опомнилась и если продолжать с ней разговор, она, конечно, снова перейдет в наступление. Так что планомерное отступление было единственным выходом.

Теперь у нас было еще одно звено в цепочке тайн — имя, под которым владелец саквояжа находился в Москве.

По им^я само по себе мало что значило. Если человек умеет воровать мысли, то уж, наверное, он умеет и подделить паспорт.

Мы сбежали вниз, в холл гостиницы. Там дремали в креслах командировочные в ожидании места. Они поглядели на нас с любопытством. Но куда больше удивился швейцар в синем мундире.

— Как так? — спросил он. — Вы же не входили.

— Неважно, — сказал Сорокалет, который постепенно осмелел. — Мы здесь по делу.

— Скажите, пожалуйста, — сказал я, удерживая Руслана, который вновь взял след и тянул меня к двери. — Такой незаметный человек с черным саквояжем не выходил только что? Он у вас прописан под кличкой Григорянц?

— Григорянц? — наше появление было таким неожиданным, что швейцар не стал выяснять, как мы сюда попали. Он послушно начал перебирать пропуска, которые выдаются тем, кто уезжает из гостиницы, чтобы они не забрали с собой случайно полотенце или ночной столик. Бумажка с фамилией Григорянц была с самого верха.

— Только что покинул, — сказал швейцар.

— Куда он пошел?

— Да только что, — сказал швейцар. — Еще такси не успел поймать.

Руслан тянул меня изо всех сил, и я не успел дослушать швейцара до конца, как оказался на улице.

И увидел, как к тротуару подъехала зеленая «Волга» и незаметный человек с черным саквояжем сделал шаг к ней, потому что машина приехала за ним.

— Стойте! — крикнул Сорокалет, узнавший грабителя. Никуда вы не уедете.

Как только он увидел похитителя, он сразу изменился. Куда-то дёлась его робость и неуклюжесть. Он даже обогнал Руслана и первым настиг владельца саквояжа.

Тот резким движением спрятал саквояж за спину и совершенно неожиданно для меня завопил:

— Милиция!

Вы можете вообразить любую сцену, но чтобы пришелец, похититель мыслей, звал на помощь милицию — это выше понимания. Можно было бы рассмеяться, но никому смеяться не хотелось. Меньше всех — мне, потому что я увидел то, что другие не заметили: шофер машины, чем-то очень похожий на похитителя мыслей, поднял руку, и в руке его было черное. Блестящее. Это был пистолет.

Честно говоря, я только потом сообразил, что это пистолет. Но я вцепился в поводок Руслана и закричал Сорокалету:

— Обратно! Ложись!

Но, конечно, Сорокалет меня не понял. Он настиг похитителя в тот момент, когда похититель вваливался спиною в открывшуюся дверь машины. Но тогда же к машине прибежал и милиционер.

Не знаю, откуда он прибежал. Это был молодой, серъезный милиционер, но я ему не обрадовался. Мне почему-то показалось, что милиционер — из их компаний, тоже перевертыш.

Милиционер профессионально оценил обстановку. Он сразу сказал мне:

— Убрать собаку!

А сам уже подхватил за плечи Сорокалета и оттащил его от машины.

— Что происходит?

Я сразу ответил:

— У него пистолет, — и показал на шофера.

Милиционер не то чтобы вздрогнул, но насторожился, подобрался как перед прыжком. Все его внимание переключилось на шофера.

А тот спокойно открыл дверь машины с правой стороны — он сидел у самой двери, как бы скользнул в нашу сторону от руля, — и, вылезая, протянул милиционеру пистолет рукояткой вперед. А другой рукой полез к себе во внутренний карман.

Милиционер сразу успокоился. Ясно было, что это не преступники. Зачем преступникам так быстро и спокойно отдавать пистолет?

Сорокалет смотрел на пистолет с удивлением мальчишки.

Милиционер взял пистолет и протянул другую руку вперед. Шофер вложил в нее удостоверение. И вся сцена была такой спокойной, даже солидной, что меня вдруг посетила странная мысль: а вдруг мне только показалось, что у меня украли изобретение? И в самом деле всю эту диковинную историю придумал Сорокалет? Вдруг он не очень нормальный?

Пока милиционер читал удостоверение, кося глазом на машину, второй человек, тот самый, с саквояжем, тоже достал удостоверение и тянул его, не вылезая из машины.

Милиционер заметил его движение и взял удостоверение той рукой, в которой был пистолет. Я понял, что в удостоверении написано что-то такое, что успокоило милиционера.

И эту тайну разрешил похититель, который неожиданно тонким и даже дрожащим как от обиды голосом, сказал:

— Работать не дают. Инкассаторы мы, выручку принимаем. А тут хулиганы, может грабители. Вот, посмотрите.

Похититель щелкнул замками саквояжа, и тот приоткрылся. И я увидел, что в нем аккуратными пачками лежат деньги. Похититель тут же захлопнул саквояж. Милиционер кивнул, возвратил ему удостоверение, отдал честь, потом вернул второму удостоверение и пистолет.

— Ясно, — сказал он. — Продолжайте работать. А с этими товарищами мы займемся.

Эти товарищи — это мы с Сорокалетом, — понял я. И наше дело плохо. Мы не только родных мыслей лишились, но сейчас нас арестуют за нападение на инкассаторов.

Надо было взять себя в руки и быстро думать. И при этом держать как следует Руслана, который просто с ума сходил от негодования — так ему не нравился похититель мыслей.

Только бы мне все не испортил Сорокалет, который не умеет решать житейские проблемы.

Я кинул взгляд по сторонам. Сорокалета нигде не было.

Вы не представляете, какое счастье охватило меня. Сорокалет висел на мне мертвым грузом. А если он догадался в суматохе скрыться, считайте, я спасен, уж с милиционером я справлюсь.

— Этот где? — спросил милиционер. — Сообщник где?

— Ну мы поехали, — сказал весело шофер. — Вы уж разбирайтесь, сержант.

— Поезжайте, — сказал милиционер. Сейчас его интересовали только преступники. — Куда второй делся?

К счастью, дело клонилось к вечеру, улица эта не самая людная, да и борьба с похитителями мыслей заняла слишком мало времени, чтобы успела собраться толпа. Так что немногочисленные прохожие, задержавшиеся неподалеку, ничем помочь милиционеру не смогли — и понятно — они все смотрели на машину, а не на Сорокалета.

— Дяденька! — завопил я жалобно. — Я-то при чем?

— Это мы не здесь будем разбирать. — Милиционер оглядывал улицу, соображая, куда мог деться Сорокалет.

— Дяденька! — это слово «дяденька» употребляют беспризорники в кинофильмах, и я полагал, что оно — самое жалкое из возможных обращений к официальному лицу при исполнении обязанностей. Я даже постарался стать меньше ростом, подогнул колени и сгорбил плечи. — Я же с собачкой гулял, а они как побегут! А Руслан испугался, вырвался, а он служебный, он не понял. Он думал, что преступники, а может думал, что играют... я здесь живу, я с собакой погулять пошел...

Ныл я так жалобно и вид у меня был такой инфантильный, что в сердце милиционера начали зарождаться сомнения. Но все же он должен был принимать меры, а я был единственным возможным объектом этих мер.

И тут мне сказочно повезло. Неподалеку возникла Анна Дмитриевна, наша соседка по этажу. Она меня не очень любила, потому что боялась, что в своей изобретательской деятельности я обязательно спалю весь дом и ее драгоценную рухлянь в первую очередь.

— Коля! — воскликнула она трагическим голосом. — Что ты еще наделал? Вы с Русланом кого-то искусали?

Руслан даже ахнул от негодования.

Появление Анны Дмитриевны было счастливым исходом и для милиционера.

— Вы знаете этого мальчика? — спросил он.

— Этот мальчик сведет меня с ума, — заявила Анна Дмитриевна. — Сплошные опыты. Сплошные взрывы. Я совершенно не представляю, чему их учат в школе! Хорошая семья, все работают, учатся, но никакой организованности. А что случилось?

Милиционер не стал рассказывать ей, что случилось. Я думаю, к этому времени он и сам уже не очень представлял, что случилось. Но в присутствии Анны Дмитриевны он записал мои данные, адрес и телефон. А затем отпустил, сказав строго, что за собакой надо следить и вообще для прогулок с собаками есть специально отведенные постановлением Мосгорисполкома места.

Я был со всем согласен и даже согласился пойти домой с Анной Дмитриевной, чтобы милиционер видел, какой послушный и тихий мальчик ему попался.

Так что домой мы возвратились без приключений.

4

Дома мной овладели тревожные мысли. Если тот человек в самом деле был инкассатором, то что он делал в нашем доме пионеров? Это — не банк. К тому же разве инкассаторы выходят через окно? Нет, наша версия остается верной. Инкассатору не к чему жить в гостинице под фамилией Григорьянц. И уж если я мог ошибиться, то Руслан никогда бы не ошибся.

— Русланчик, — спросил я. — Тот человек с саквой-жем, он обычновенный инкассатор?

Руслан ответил таким рыком, что любой лев бы ему позавидовал.

Нет, он тоже не верил.

И запах у него был неземной. Я уж отлично знаю, как Руслан идет по следу. Бывает ему след нравится, бывает

неприятен. Но чтобы след вызвал у него такое отвращение, этого еще никогда не было.

Размышляя так, я прошел на кухню, накормил Руслана, сам поел.

Я был в полном тупике. Сорокалет пропал, похититель пропал. К тому же он оказался не один. А сколько их все-го? Может Земле угрожает страшная опасность? Может быть, скоро у всех нас украдут мысли и мы будем ходить как идиоты? Может пойти в академию наук? И искать там человека, который согласится меня выслушать. Какой бы дикой не казалась моя версия, возможно, мой случай не первый. Не исключено, что по Москве ходят и другие ограбленные люди.

Матери дома не было, она в вечернюю смену. Настасья, судя по всему, забегала и потом убежала куда-нибудь с Артемом.. Может в кино, может просто совершать бесконечные переходы по набережным.

И тут зазвонил телефон. Вообще-то ничего удивительного. И у меня, и у других членов моей семьи есть немало знакомых. Но в вечерней тишине звон его показался мне зловещим. Я даже не сразу снял трубку.

— Я слушаю.

— Коля? — голос показался мне незнакомым. И понятно — я ведь раньше никогда не говорил с Сорокалетом по телефону.

— Я вас слушаю.

— Неужели не узнаешь? Это я, Павел Никитич Сорокалет! Я их нашел!

Почему-то я задал самый неподходящий к случаю вопрос:

— А откуда вы телефон мой узнали?

— В справочной, — совсем не удивился Сорокалет. — К счастью, ты назвал мне фамилию, а она очень редкая.

— А вы где?

— У парка культуры. ЦПКиО. У входа.

— А они где?

— Они в парке.

— А как же вы догадались? — видно в моем голосе прозвучало недоверие к способностям Сорокалета.

— Если бы я остался ждать, чем кончится, я бы уже сидел в тюрьме за нападение на инкассаторов. Я рассудил что ты что-то придумаешь.

— Я его уговорил.

— А я побежал за такси. И успел. Выезжай. Нам надо его ловить.

— Без пистолета трудно.

— Нет у них пистолета.

— Почему?

— Жду у центрального входа.

И Сорокалет повесил трубку.

Он был прав. Ответить на все мои вопросы — на это и часа не хватит. А надо было действовать.

Я задумался на минуту — брать ли Руслана. Потом решил, что надо брать. Без него мы их следы наверняка потеряем.

— Пошли, Руслан. Нам предстоят великие дела.

Руслан отвернулся.

— Ты что, струсил?

Руслан вздохнул. Если бы он умел говорить, он, наверное, мне бы все высказал. Бывают ситуации, неприятные для любой собаки. Тем более для такой чувствительной, как Руслан.

— Руслан, — сказал я тогда. — Я все понимаю. Но дело важное. Если ты мне друг, то ты пойдешь.

Руслан лег на пол и сделал вид, что меня не слышит.

— Ну что ж, — сказал я. — Прощай, мой бывший друг. Не знаю уж, как они там вооружены и сколько их. Но боюсь, что живым я не вернусь.

И с этими печальными словами я пошел к двери. Не оборачиваясь.

И тут черная молния пронеслась к двери и легла попепрек. Руслан только производит впечатление медлительного животного. Когда нужно, он движется быстрее тигра.

— Нет, — сказал я Руслану. — Спасибо тебе за заботу о моей жизни, но она не нужна. Я не могу покинуть в беде другого человека, тем более, когда от наших поступков, может зависят будущее Земли. Оставайся. Кто решил ползать, летать не сможет.

Я перешагнул через пса и вышел на лестницу.

Пес поднялся и исчез внутри квартиры.

Признаюсь, это было для меня разочарованием. Я не ожидал предательства со стороны Руслана. Я протянул руку, чтобы захлопнуть дверь, но в этот момент увидел, что по коридору бежит, возвращается Руслан. Все объяснилось просто — он увидел, что я забыл взять поводок и ошейник. И принес их мне.

— Спасибо, — сказал я ему, и мы поспешили на улицу.

К счастью, у меня было два рубля, и мы доехали до парка на такси.

5

Сорокалета я увидел издали у высоких колонн входа. При виде нас он снял очки, протер их, надел снова, словно и не надеялся нас увидеть.

Уже начинало темнеть. Тени исчезли, солнце село, по небу бежали серые и сизые облака, дул ветер. Хотелось домой. И не только мне.

— Ну где же ты был! — С укором, почти материнским, воскликнул Сорокалет. — Я уже отчаялся.

— Мы даже на такси ехали, — сказал я. — Где они?

— Хорошо, что ты Руслана взял. Без него нам было бы трудно.

Эти слова Руслану понравились, и он ткнулся тяжелой мордой в бедро Сорокалету, отчего тот покачнулся, но удержался на ногах и даже осмелился положить ладонь на затылок Руслану.

— Может они просто прошли парком и вышли повыше?

— Все может быть. Но думаю, что они остались в парке и здесь у них randevu.

— Какое randevu?

— Встреча. Может с их кораблем, может с другими.

— Почему вы так думаете?

— Они оставили здесь машину. И все лишнее. И скорее всего не собираются возвращаться.

Он показал на зеленую «Волгу», стоявшую у обочины.

Я побежал к ней. Заглянул внутрь. И понял, почему он сказал, что пистолета у них нет. Пистолет лежал на сидении. Там же плащ похитителя, какие-то пакеты... Руслан зарычал. Их запах был для него невыносим.

— Может они должны сделать что-то в парке и потом вернуться?

— Не думаю. Я не могу сказать точно, почему я уверен, что они не вернутся сюда. Но я это почувствовал по тому, как они уходили. И если бы им надо было пройти в другое место — удобнее на машине. Ведь никто за ними не следил.

— След, — сказал я Руслану.

Чего уж терять время на разговоры.

Руслан тянул меня вперед, но я не спускал его с поводка, потому что боялся, что он увлечется и убежит вперед. А у них может быть не только пистолет, а есть какое-нибудь космическое оружие. Лазерный бластер, например.

Мы пробежали сквозь всю обжитую часть парка, мимо аттракционов, мимо библиотеки и эстрады, мимо пруда, мимо Летнего театра. Даже я запыхался. О Сорокалете и говорить не приходится.

Редкие посетители парка глядели на нас с опаской и отходили в сторону. Наверное, казалось им, что мы гонимся за диким кабаном.

Наконец, культурная часть парка кончилась и началось то место, где положено отдыхать.

Мы бежали в гору. Нам уже никто не встречался. Сумерки набирали силу, и все вокруг синело, серело и теряло краски.

И тут я увидел впереди фигуру. В голубом платье. Фигура стояла очень странно — уткнувшись лицом в ствол старого дуба. Плечи ее тряслись.

Мы бежали как раз к ней, а казалось это она к нам приближается, как в кино, когда камера наезжала на героиню.

Фигура мне была очень знакома и в этом была неправильность. Почему мне должна быть знакома фигура в Нескучном саду, в холодную вечернюю погоду, когда вот-вот пойдет дождь?

Фигура была так занята своими переживаниями, что не обратила на нас никакого внимания. Зато обратил на нее внимание Руслан. Он вдруг остановился так резко, будто налетел на стенку, и я чуть было не кувыркнулся через него.

Хвост Руслана поднялся и совершил два неуверенных взмаха, как флагок в руке сигнальщика.

И потом он взвизгнул, словно перед ним поставили блюдо с костями, и бросился к фигуре в голубом платье со всех ног, забыв о следах и своем долге перед человечеством. Но уже в следующую минуту я его понял.

Уткнувшись носом в дерево и рыдая, стояла моя собственная старшая сестра Настасья.

Только Сорокалет ничего не понял, а крикнул мне сзади:

— Это не он!

Я отлично знал, что это не он, но очень испугался за Артема.

При их безумной любви Настасья без Артема никуда ни шагу. И если Артема нет, а Настасья рыдает, значит случилось что-то ужасное. Вернее всего на них напали хулиганы и убили Артема.

Поэтому я и закричал:

— Настасья сначала узнала Руслана, потому что он встал на задние лапы и старался лизнуть ее в щеку, а только потом уже поняла, что по другую сторону поводка стою я.

— Вы чего? — спросила она, размазывая слезы. И мне показалось, что она очень рада нас видеть. — Вы меня искали?

— Нет, — сказал я. — Мы тебя случайно увидели. Ты чего ревешь?

— Глупо все, — сказала Настасья. — Вот и реву.

— Простите, — сказал Сорокалет. — Может быть ваша знакомая нас отпустит? У нас неотложное дело. Каждая минута на счету.

— Это моя сестра, а не знакомая, — сказал я. — А где Артем?

— Что ты ко мне привязался со своим Артемом? — искренне удивилась Настасья. — Я его и знать не хочу.

— Кого? — тут я даже забыл о своих делах. Такое заявление в устах моей сестры было совершенно невероятно. — Артема знать не хочешь? С ним в самом деле ничего не случилось?

— Если и случилось, мне все равно.

— Настасья, — сказал я. — Опомнись. Наверное, он тебя обидел? Но это недоразумение. Он тебя обожает. Я это точно знаю.

— Чепуха какая-то, — сказала Настасья.

— А тогда чего ревешь?

— Грустно. И страшно немного. Зачем только я сюда пошла?

— Ты, наверное, с Артемом гуляла, да?

— И очень жалею, — сказала Настасья. — А может и хорошо, что все кончилось?

— Слушай, не сходи с ума, — сказал я. — Конечно, любовь — это твое личное дело и мне ваш роман даже немного надоел, но не бывает же, чтобы утром человек сгорал от любви, а вечером от нее начисто отказался.

— А я утром сгорала от любви? — Настасья даже улыбнулась. Печально, будто и в самом деле старалась испомнить, было это или нет. В сумерках казалось, что ее щеки светятся. Она подала плечами.

— Хорошо, что вы с Русланом пришли. А то неизвестно, как отсюда выбираться.

— Что произошло? — потребовал я. Отвечай немедленно.

— Ничего не произошло. Мы гуляли. Сидели на лавочке, говорили.

— О чём?

— Не помню. О всякой чепухе. Даже жениться собирались. А потом он мне говорит, что ему домой пора. Что ему скучно со мной.

— Артем? Так сказал?

— А чего удивительного? Я была с ним совершенно согласна. Смотрю и думаю — и зачем мне тратить время на этого акселерата? Надо учиться, думать о будущем.

— А потом?

— Потом он ушел. Я посидела еще и решила домой идти. А потом вдруг стало страшно одной. И зло взяло на этого Артема. Вот я и заплакала. И ничего он меня не обижал. И хорошо, что он сказал мне, что не любит меня. Я то же самое хотела сказать.

— Девушка, — вдруг спросил Сорокалет. — А это далеко отсюда было.

Настасья только сейчас его заметила. Но она была так подавлена, что даже не удивилась.

— Метров сто отсюда, не больше. Мы на лавочке сидели, над рекой.

— А кто-нибудь к вам подходил? — спросил Сорокалет.

— Не знаю, мы целовались... — И Настасья вдруг осеклась, будто сама удивилась своему ответу. — Целовались... Странно. Зачем? Там проходил один человек. Я даже застеснялась. Он остановился рядом...

Тут я понял, куда клонит Сорокалет, и спросил раньше, чем он успел задать этот вопрос:

— У него был черный саквояж?

— Саквояж? Не знаю. Какой-то чемодан был. Или портфель. Он еще открыл его...

— Руслан! — приказал я. — Оставайся здесь и стереги Настасью. Чтобы от нее ни шагу!

И я побежал вперед. Потому что Сорокалет побежал первым и я не хотел оставлять его одного.

6

Шагов через сто мы выбежали на небольшую площадку над рекой. Там стояла скамейка. Пустая. И никого рядом.

Но уйти они далеко не могли.

Сорокалет крутил головой, как будто разыскивал следы. Конечно, я поступил неправильно. Надо было взять с собой Настасью и Руслана.

Сорокалет нагнулся и поднял с травы что-то светлое.

Я подбежал к нему.

Сорокалет держал в руке толстую пачку сторублевок. Я оглянулся. Как грибник, который увидел, что его товарищ нашел великолепный гриб и смотрит, нет ли других по соседству. Еще одна пачка лежала в кустах.

— Все ясно, — сказал Сорокалет. — Он выкидывал их, чтобы добраться до приборов. Ему захотелось отнять у них чувства.

— А деньги как же? — спросил я.

Сорокалет вытащил одну из бумажек и посмотрел сквозь нее на свет только что загоревшего фонаря.

— Никаких водяных знаков, — сказал он. — Типичная липа.

— Значит они не только мысли...

— Значит они могли воровать чувства. Сильные чувства.

— Тем более, — начал я. — Я лучше погибну, но мою сестру обижать не дам.

Сорокалет поднял руку, чтобы я замолчал.

Было очень тихо. Так тихо, что было слышно, как за рекой, очень далеко, гуднула машина.

Потом я тоже услышал шорох в кустах.

Сорокалет пошел туда осторожно. Как будто подкрадывался к бабочке.

Я за ним.

За купой деревьев была еще одна поляна. Там стояли два человека. Было почти темно, и я не сразу догадался, что они делают.

Человек пониже ростом, тот, возле которого на траве стоял черный саквояж, снимал с другого одежду. И это было невероятное зрелище. Настолько невероятное, что мы замерли. Тот, которого раздевали, стоял неподвижно и не возражал. Я вдруг понял, что это шофер инкассаторской машины. Потом он поднял руки, чтобы удобнее было снять с него рубашку.

Его тело странно поблескивало под отсветом далекого фонаря.

Похититель бросил рубашку на траву. Там уже лежали брюки. Стояли рядышком ботинки.

Потом он нажал своему напарнику на затылок и тот вдруг сложился. Как карточный домик. Раз — и на земле лежит лишь плоская пластина.

Человек поднял пластину, сложил ее вчетверо, открыл саквояж и положил пластину внутрь.

Затем вышел на середину поляны и поднял вверх палец.

И тонкий луч света вылетел из пальца и протянулся вверх.

В тот же момент Сорокалет смело вышел из кустов и в два прыжка добежал до похитителя.

Похититель почувствовал опасность и обернулся, одновременно наклоняясь, чтобы схватить саквояж.

Но тут в схватку вступил и я.

Я знал, что меня сейчас ничем не испугаешь — ни пистолетами, ни космическими бластерами. Мне удалось во время прыжке дотянуться до саквояжа и вырвать его.

— Вы с ума сошли! — закричал тонким голосом похититель. — Сейчас же отдайте! Я позову милицию!

Он потянулся к саквояжу, но Сорокалет встал на его пути.

И тут все вокруг потемнело, потому что сверху, совершенно беззвучно начало спускаться что-то черное. Оно открывало синее, в низких облаках небо. Оно было похоже на шар, точнее я не разобрал.

Внизу открылся круглый люк, и из него выкатилась, разворачиваясь, лестница. Похититель бросился было кней, потом обратно к саквояжу.

— Отдайте! — кричал он. — Это мое! Я не могу без него возвращаться.

Он рвался ко мне, и я отступил на несколько шагов. Сорокалет старался остановить его.

Похититель наставил палец на Сорокалета, и тонкий луч света ударил изобретателю в лицо. Тот зажмурился.

— Я знаю тебя! — сказал тогда похититель. — Я понял. Отдайте мой накопитель, и я верну вам ваши мысли.

— Нет, — сказал Сорокалет. — Нам нужно все.

— Я убью вас!

Но тут из черного круга раздался тревожный звонок. Короткий и требовательный.

И я увидел, как люк начал медленно закрываться.

— Отдайте! — крикнул похититель. — Я вам заплачу. Я не могу вернуться без добычи! Меня ликвидируют!

— Вы не только вернетесь без добычи, — сказал Сорокалет, и я даже удивился, потому что никогда не слышал

у него такого твердого голоса. — Вы еще скажете тем, другим, которые хотят поживиться у нас, чтобы Землю они облетали стороной. В следующий раз мы не только отнимем украденное. Мы еще...

Договорить Сорокалет не успел, потому что звонки с корабля стали звучать все чаще, короче и настойчивей.

— Спешите, — сказал тогда Сорокалет, видя как похититель мечется между люком и нами. — Если не хотите остаться здесь и дать ответ за все, что вы натворили...

Похититель как-то странно пискнул и буквально взлетел в воздух.

Он успел втиснуться в люк в самый последний момент. И тут же черная громада космического корабля начала медленно подниматься к облакам, затем все скорее, скорее и исчезла в них.

Я только тогда понял, что стою с задранной головой.

— Вот и все, — сказал Сорокалет. — Один-ноль в нашу пользу. Но игра еще не кончена.

Он первым пошел обратно.

Я за ним.

Он обернулся.

— Не тяжело? — спросил он.

— Нет, — сказал я.

Мы молчали. Мы оба очень устали. И я не знал, что делать дальше.

Мы спустились мимо скамейки, где нашли сестру, затем прошли еще ниже, к дереву, где должны были ждать нас Настасья с Русланом. Но их не было. Они уже ушли. Я не беспокоился. Когда рядом Руслан, ей никто не страшен.

Сорокалет прошел еще несколько шагов, до скамейки под фонарем.

И сел.

Как будто весь день дрова колол, — сказал он. — Давай сюда саквояж, поглядим.

Мне и самому уже не терпелось открыть саквояж. Но я понимал, что Сорокалет больше меня разбирается в таких вещах. Хотя в таких вещах не разбирался ни один человек на Земле.

Сорокалет открыл саквояж, вытащил сверху тугую плиссину и положил рядом с собой на сиденье.

— Очень любопытный тип робота, — сказал он. — Тым мы еще займемся.

Его пальцы легко, словно ощупывая, бегали по кнопкам на панели внутри саквояжа.

— Может отнесем завтра в институт кибернетики? — спросил я. — А то как бы не сломать.

— Я осторожно, — сказал Сорокалет.

Я вспомнил, что он тоже многое забыл за сегодняшний день. Может вчера он как великий изобретатель разобрался бы во всем, но сегодня он неполноценный гений. Как и я. Смешно даже, шел к изобретателю, как коллега к коллеге, чтобы рассказать ему о моей системе экологической гигиены, о корабле, который собирает грязь, о очистителе воздуха... и тут я представил этот очиститель воздуха с такой ясностью, будто изобрел его только пять минут назад.

Я не сообразил, что же произошло. Но не удержался и сказал:

— Кстати, я вам сегодня хотел рассказать о моей системе...

И я увидел, что Сорокалет смеется.

— Вы чего?

— А система будет работать?

— А почему нет? — спросил я. — Ее принцип прост и надежен...

— Значит все в порядке, — сказал Сорокалет и еще сильнее повернул рычажок.

И в этот момент я вспомнил все и даже представил себе то, о чем думал последние дни и не мог решить.

— Вот так, — сказал Сорокалет. — Завтра я настою, чтобы вновь собрали Ученый совет. И покажу им, скептикам, где раки зимуют!

— Ура! — сказал я негромко. — Мы победили.

— Не обольщайся, — сказал Сорокалет. — Нам еще предстоит трудная работа, чтобы убедить скептиков в опасности, которая совсем не исчезла. Мы не знаем, может на Земле орудуют сейчас и другие ловцы мыслей и чувств. И наше счастье, что у нас есть этот саквояж. Это называется: вещественное доказательство.

— Правильно! — сказал я. — Без него нам никто бы не поверил. А я с ним — куда денешься! Вы только не забудьте этого складного инкассатора. Он нам тоже пригодится.

— Любопытно, — сказал Сорокалет, будто и не слушая меня. — Я все ломал себе голову, как они решают, какие мысли им нужны, а какие нет. Какие чувства стоят украсть, а какие можно игнорировать.

— И что же?

— Тут есть индикатор интенсивности. Чувств и мыслей. Если содержание мысли выше определенного уровня, она уже представляет интерес. То же касается и чувства...

— А они нас не завоюют? — спросил я.

— Ого, — сказал Сорокалет, — интенсивность твоих чувств выше нормы.

— А вдруг они будут мстить?

— Судя по всему, не завоюют. Они избрали с их точки зрения самый рациональный путь. Мысли и чувства —

важное ценное в Галактике. Это добыча получше всего золота мира.

Он поднялся и сказал:

— Пора, коллега. Поздно. Парк уже, наверное, закрыли. Придется вылезать через забор. Пошли.

Мы быстро шли по парку. Мы были совершенно одни. Мы все время говорили, потому что нам было о чём поговорить, несмотря на разницу в возрасте и образовании. В одном мы только не сошлись. Я был уверен, что с этими пришельцами надо бороться как с самыми страшными преступниками. А Сорокалет начал доказывать мне, что как только они поймут, что нас голыми руками не возьмешь, мы можем достичь понимания и даже сотрудничать. Мы сможем добровольно делиться с ними мыслями и взамен тоже многое узнаем.

— Нет, — сказал я, когда мы уже подходили к выходу из парка, — это вампиры. И не нужны мне их достижения. Мы сами все придумаем. Только не надо нас грабить.

К счастью, ворота парка еще были открыты.

Мы вышли на площадь. Впереди была видна одинокая машина, оставленная пришельцем. Наверное, ее хозяин с ума сошел, разыскивая ее. Найдет, ничего. И я представил, как сейчас украденные мысли летят над городом, возвращаясь к владельцам, и люди, которых ограбили и которые не подозревают, что их ограбили, вдруг вспомнили забытую формулу или редкий язык, конструкцию станка или план дома. Или смотрят на свою жену и думают — как я мог не любить такую замечательную женщину?

И тут я увидел наших глупых влюбленных.

Они сидели неподалеку, сбоку, на ступеньках и не заметили нас.

Руслан тоже не заметил. Он спал, вытянувшись во весь рост на асфальте..

Они сидели, обнявшись, прижавшись друг к другу и тихо ворковали.

Будто расставались на пять лет и случайно встретились вновь.

И мне, хотя я и не одобряю этих нежностей, было приятно на них смотреть.

Руслан почуял нас, проснулся, медленно поднялся и радостно рявкнул. Так, что листья с деревьев полетели. И самое удивительное — Настасья с Артемом этого не услышали.

ГЕРКУЛЕС И ГИДРА
Фантастическая повесть

1

На южном берегу Азовского моря воды мало, и удобств для отдыхающих нет. Иначе бы давно застроили эти места пансионатами и санаториями. Может быть кому-то это бы понравилось, а я рад, что наши места довольно пустынны. Если мне очень захочется цивилизованной жизни, я всегда смогу сесть в автобус и доехать до Керчи или до Симферополя. Это не значит, что я нелюдимый анахорет, прячусь от человечества. Просто не люблю толкотни. После десятилетки я пойду в мореходку. А может быть, в университет, на исторический. То есть еще в прошлом году я был убежден, что пойду в мореходку, а этой весной к нам, на мыс Диамант, в километре от поселка, приехала экспедиция профессора Манина и круто изменила мою жизнь. Кстати, это относится не только ко мне, но и к Макару Семенцову из моего класса. Он вообще не хотел идти в институт. У него масса концепций. Одна из концепций относится к паразитизму. И звучит так: если ты имеешь возможность отрабатывать долг об-

ществу, начинай это делать как можно скорей. Впрочем, у Макара есть жизненные обстоятельства. Если у меня мать бухгалтер в совхозе, сестра уже работает телефонисткой и отец присыпает деньги, то у него только отец, инвалид, почти слепой. Отец-одиночка, редкий случай. И лет с десяти Макар тянет на себе все хозяйство.

Я рад, что у нас здесь вольно. Можно пройти километров десять по степи и не встретить ни души. За соленым озером подняться на высокий пологий холм, где остались каменные плиты древнего, татарского кладбища, потом узкой лощиной, где растет несколько старых тополей, добраться до заброшенной армянской часовни, за которой кусок обвалившейся стены. Наши археологи ездили к этой часовне и так и не столовались, кто строил стену. Манин думает, что она осталась от генуэзцев, а Борис уверен, что ее построили готы. Удивительный у нас край. Кто только здесь не жил. Наш поселок Ключи тоже старый. Говорят, что его основали при Екатерине, то есть в восемнадцатом веке, когда Крым присоединили к России и поселили тут солдат-инвалидов. Солдаты научились ловить рыбу, ее тогда в Азовском море было много, стали разводить виноград и давить вино. А Ключами поселок назвали из-за источника. Он испокон века бьет из-под скалы. Это место обложено хорошо отесанными плитами. Лет пять назад неподалеку пробили артезианскую скважину. Только ошиблись. Скважина работает неравномерно, а в источнике воды убавилось. Типичный случай нарушения баланса в природе. Так что у нашего поселка так и не появилось возможности вырасти и обзавестись санаторием или заводом. Зато тихо, свободно.

А вот Томат недоволен. Я еще вчера, во время очередного спора, сказал своей сестре, Люсе: Если не нравится, чего приезжает третий год подряд? Разумеется, Люся от-

кечать мне не стала. Соврет — я начну смеяться, скажет правду — умрет от стыда. Дело в том, что Люся до сих пор надеется, что этот Томат на ней женится. Честное слово! Ну хоть бы он дал ей понять, насколько пусты ее глупые надежды. А он хитрит. Ему куда выгоднее жить у нас под видом почти жениха. И мать покормит, и Люся бельишко постирает. Только я никогда и ничего для него делать не буду. Это вопрос жизненных принципов, потому что Томат дутая величина, а я не выношу лжи. Простите, но это так.

Разумеется, в свете истории, которая произошла в последние дни, мои слова могут показаться кокетливым бредом, притворством и лицемерием. Я выступал в ней последним лжецом и подонком. Но разве не бывает так, что человек, который не выносит кипяченого молока, вынужден глотать его, чтобы не расстраивать любимую бабушку? Со мной такое было, в детстве.

Я не знаю, с какого момента вести отсчет этой истории. Может быть, с весны. Может, с приезда Томата. Так как весна была раньше, я начну с нее.

Манин приезжал сюда прошлым летом, но меня в то время в поселке не было. Я устроился в строительный отряд и уехал на два месяца в Таганрог. Мне было четырнадцать лет, но я выгляжу на все шестнадцать из-за акселерации. Так вот, Манин приезжал на разведку и решил, что они будут копать городище на мысе Диамант, возле которого, спускаясь к морю, и разместился наш поселок. Мыс Диамант вдается довольно далеко в море и обрывается к нему почти стометровым обрывом. Из травы там высовываются углы каменных плит, а внизу под обрывом, который море понемножку размывает, иногда можно найти обломок кувшина или даже монеты. У меня долго лежал довольно красивый обломок амфоры — размером с две

ладони. На нем был нарисован почти белый сатир с копытами, он гнался за нимфой, к сожалению, ее голова была за пределами обломка. Люся подарила этот обломок Томату еще в прошлый приезд и мне ничего не сказала. Я может и забыл бы о нем, если бы не Манин. Когда весной появилась экспедиция, Манин спрашивал, нет ли у кого в поселке вещей с мыса Диамант. Некоторые принесли. Я тоже хотел принести, но обломка не было. И тогда Люся сказала, что подарила Томату. Думала, что мне не нужно. Можете представить, какую сцену я ей устроил.

Наверное было бы романтичней, если бы экспедиция жила в палатках над морем. Но они предпочли снять здание нашей восьмилетки. Там поставили раскладушки.

Разумеется, мне хотелось поработать на раскопках. Я люблю читать исторические книги и всегда интересуюсь нашим прошлым. Так что для меня приезд экспедиции был везением. А то, что Манин набирал рабочих — стало везением номер два. Ну из кого ему было набирать рабочих в нашем не очень многолюдном поселке? Разумеется, из старшеклассников. Так мы и попали на раскопки Тавманта. Правда, я вам должен сказать, что даже Манин не уверен, Тавмант мы копаем или нет. В Крыму еще много загадок, особенно когда это касается античных времен. Какой-нибудь Херсонес или Пантикопей известны на весь мир, да и тогда тоже были известны. А вот небольшие городки, разбросанные по берегам Черного и Азовского морей, порой не попадали в исторические труды. Или если попали в Перипл, это что-то вроде лоции, их не так уж легко определить. Тем более мы уже в первые две недели обнаружили, что верхние слои городка относятся к периоду хазарского каганата, а люди ушли оттуда только к концу десятого века. В общем, сказочно интересная работа. И люди мне понравились. Мне с ними было хорошо.

Я понимаю, приезжает на новое место коллектив. В нем старые знакомые, ученые, много студентов-историков. У них общие интересы, они и в Москве знакомы. Поэтому рабочие, такие как мы, обычно остаются в стороне. Например, Солодко, из соседнего дома, она отработала свои часы и спешит на огород или по дому заниматься. Для нее это только приработок. Но, что касается нас с Макаром, получилось иначе. Сначала я сблизился с Борисом, потому что мы друг другу понравились. Хотя он и кандидат наук, есть в нем молодость души, если вы меня понимаете. Макар не так быстро сходится с людьми, как я. Может, это из-за разного физического развития. Я играю за район в баскет и стометровку проплываю со скоростью вельбота дяди Христо. В общем у меня нет комплексов. А Макар держится только на чувстве собственного достоинства. Он толстый и мягкий. И близорукий. Ну прямо чудак ученый из романа. Что ему помогает жить на свете — это его талантливость. Он удивительно талантливый человек, иногда наши преподаватели просто разводят руками. Но при том он невероятно стеснительный и поэтому бывает очень грубым. Понимаете? Так вот и через две недели стал в экспедиции своим человеком. Костя, где ты? Костя, сгоняй за пивом на «рафике» (у меня юношеские права). Костя, достань лодку, вечером в море пойдем... Костя здесь, Костя там, но я не обижаясь, потому что ничего обидного в этом нет. Я сам себя так поставил. Да они и не обижают. В конце концов я могу большинство студентов положить на лопатки в сорок секунд. Это ничего, что я такой худой. Возрастное. Когда мне не хочется возвращаться домой и глядеть на Томата и слушать его банальные речи, я остаюсь в школьном здании ужинать, потому что вечером начинается самое интересное. И песни под гитару, и споры и даже танцы. И еще

лучше, если разговорится Манин. Совсем необязательно он говорит об археологии. Знаете, он из тех людей, которых все волынет. Он и о летающих тарелочках будет рассуждать, и об охране природы, и о литературе. Его выдвинули в члены-корреспонденты и может быть даже изберут. Я бы его давно избрал, хоть он и сравнительно молодой.

Макар поначалу в экспедиции не задерживался. Прямо с раскопа, не заходя в школу, шел домой клепать свой телевизор. Он вроде бы придумал принципиально новую схему, какой еще нет ни на одном заводе. Не знаю, что у него выйдет, но времени он потерял на этом — месяцев семь. Если настойчивость — свойство таланта, то Макар — самый талантливый человек на Азовском море. И самое любопытное то, что это не только мое мнение. Его разделяет со мной Игорь Маркович. Игорь Маркович Денин — это новое лицо в нашей экспедиции и личность таинственная. То есть он таким мне показался сначала. Представляете, недели через две после начала работы, когда мы только-только сняли хазарский слой и пошли на антику, приезжает крытый фургон. День был жаркий, парило, море казалось свинцовым, а небо словно выцвело. Работать не хотелось, в раскопе было душно и пыльно. Поэтому, когда приехала машина, мы все полезли наружу.

Из кабины вылез очень высокий изможденный человек в темном костюме и при галстуке — самое нелепое сочетание, какое можно только придумать. Этот человек постоял под раскаленным солнцем, всматриваясь в пыль. И тут из раскопа вылетел наш круглый маленький, крепкий Манин, в майке и шортах, понесся по солнцу к машине с диким воплем:

— Игоречек! Игореночек, Игорюшка, ты мой спаситель, я тебя люблю!

Имощденный человек сделал два больших шага вперед и принял нашего профессора в объятия. Голова Манина утыкалась в живот Игоречку и тело сотрясалось словно от рыданий. Потом из раскопа вышел сутулый Борис, поправил указательным пальцем очки на переносице и спросил:

— А как же ты нас нашел?

— Ах, не говори, — сказал Игоречек печальным голосом.

Так в нашей экспедиции и появился Донин с его машиной. Машина занимала весь фургон, ее разместили в пустом школьном гараже. Отец дяди Христо, Константин, стал сторожем при гараже, а монтировали ее сам Игоречек и его техник по прозвищу Кролик, тяжелоатлет с красными глазами и всегдашним желанием улечься в гоньке и заснуть минут на шестьсот.

С приезда машины жизнь моего Макара изменилась. На второй день он заглянул в гараж, потому что у него мюх по части всякой техники, и там остался. Я теперь даже не знаю, спит он когда-нибудь, ходит ли домой — он превратился в придаток этой машины. Но не в бесполезный придаток, а в самого главного человека. Кролик теперь может спать спокойно — машина в надежных руках. Сам Игоречек говорит, что ему сказочно повезло. Найти пятнадцатилетнего технического гения в деревне Ключи — это и есть сказочное явление.

Макар — человек немногословный, сам о себе ничего не рассказывает. Но если бы у меня были комплексы, я бы убил его от ревности. После Манина Макар стал самым популярным человеком в экспедиции. Тут у нас, в прошлую пятницу приезжала корреспондентка из Симферополя написать о перспективах раскопок, что мы найдем в этом сезоне. Сама задача нелепая — если бы мы знали, то

не искали бы. Манин ее уверил, что надо писать не о раскопках, а о Макаре. Только корреспондентка не оценила хитрости нашего профессора, который боится корреспондентов, и всерьез написала целый очерк о Макаре, начиная с его успехов в первом классе. Правда, она больше домыслила, так как от Макара монологов не добьешься.

Поэтому в событиях прошлой пятницы Макар сыграл очень важную роль. Тем более, что Кролик, извините за выражение, запил и из фургона не вылезал. И основная тяжесть подготовки нашей установки выпала на Игоречка с Макаром.

Следовательно, мы имеем деревенского гения Макара, меня в роли всеобщего друга и прислуги за всех, Игоречка, Манина, двадцать студентов и столько же рабочих из нашего поселка. И имеем Томата. Тут Томат и выходит на сцену.

Томат появился в нашем доме в позапрошлом году.

Появился он в своих «Жигулях» второй модели, подтянутый и страшно скучный. Он умудрился с первых же слов впечатлить полное доверие моей матери, трепетание чувств в Люсе и неприязнь во мне.

Все в нем нормально. Бывает же такой нормальный человек. И зубы у него целы, и глаза не косят, и печень не беспокоит. Он сразу сообщил моей матери, что родом он из Подмосковья, по профессии экономист с заграничными перспективами, машину купил на собственные сэкономленные деньги и намерен отдыхать в нашем поселке, так как слышал от надежных людей о нашем целебном воздухе и море, а также узнав о нашей здешней дешевизне на фрукты и овощи. К нам его направили из крайнего дома, так как у нас пустует комната, а мы нуждаемся в деньгах. Он же нуждается в приведении своего тела в бодрое и загорелое состояние (без излишеств, ни боже мой!), отлича-

ется добрым нравом, тихим характером, не употребляет спиртных напитков, притом холост и ищет жену из хорошей семьи с положительными душевными данными. Моя мать была сражена этими сведениями, будто ей предложили сдать комнату ангелу небесному.

Самое обидное, что при всей моей ненависти к этому человеку, я ничего не могу сказать о нем плохого. Томат гладок, ему лет тридцать, он спокоен, в самом деле не пьет и не курит и не терпит, когда в его присутствии это делают другие, он обожает эстрадную музыку, но не современную, а с опозданием лет на десять-тридцать, ночью не храпит, ловит рыбу на удочку и отдыхает изо всей силы. Отбыв у нас месяц, он уехал обратно на своем сверкающем жигуленке с тремя запасными колесами, прислал нам поздравления к седьмому ноября и новому году, а потом заявился вновь на следующее лето. И в третий раз — на той неделе.

Больше всего на свете я боюсь, что он в конце концов женится на Люсе и будет жить в нашем доме, или увезет Люсю в свое Подмосковье. Люся не красавица, но привлекательней ее я девушки не знаю. Даже студенты из экспедиции со мной совершенно согласны, а они в Москве видели всяких девушек.

Люся неглупый человек, все понимает и сомневается, но общественное мнение поселка ее уже выдало замуж за Томата и она тоже с этим смирилась. Жалко мне ее смертельно, но поймите — в нашем поселке с женихами просто катастрофа, не ехать же ей в Симферополь в поисках семейного счастья, если она любит Ключи и хочет здесь жить, а в то же время ей уже двадцать два года, критический возраст, уже почти старая дева.

Томатом я его зову по простой причине. У него фамилия Пасленов, а помидоры относятся к этому семейству.

И щечки у него красные, вот-вот лопнут. Видите, как я его не выношу. И наверное прав Макар, который утверждает, что я не люблю его не за объективные отрицательные качества, а потому что на каждую мою отрицательную черту у Томата есть положительная. Всё мои минуты в сумме не дают плюса, а все его плюсы превращаются в такой огромный плюс, что он для меня как флюс (каламбур — игра слов).

Но есть у Томата одно отрицательное качество, я его именую вещизмом. Он обожает вещи. Разные. Особенно свои. Он обожает свою машину, она у него лучшая в мире, он обожает денежки, он обожает наш поселок, потому что в нем отдыхает и очень дешево, он, боюсь, обожает и мою сестру. Только решить вопрос о женитьбе он не может так вот сразу, за три года. Я думаю, он еще лет пять у нас постолуется, а потом или женится или найдет себе другое тихое недорогое место.

У него, как у человека бережного, скажем даже жадного, есть удивительное умение хвалить свои вещи. Вот он привез с собой пластинку ансамбля «Абба». Большой диск. Дефицитный. Говорит, что купил его в Орле и переплатил три рубля. Все может быть. Он привез эту пластинку в подарок Люсе, но как и все свои подарки (их накопилось штук пять) он бережет так, как будто от их порчи с ним случится инфаркт. В прошлом году привез банку французского крема, самого лучшего, по его словам. А сейчас приехал и спрашивает: «Как мой крем, пользуешься?» Люся покраснела и отвечает, что крем весь кончился. Вы бы видели его физиономию. Он, наверное, думал, что Люсенька будет всю зиму этот крем нюхать и только. Люся так смутилась, что принесла ему пустую баночку. Он долго вертел ее в руках, будто удивлялся, какая Люся транжирка, она чувствовала себя преступницей, но

молчала. А он ничего больше не сказал, только взял пустую баночку с собой на море, там ее тщательно вымыл и чистенькой поставил на полку в своей комнате.

Раз вы теперь понимаете, какой человек Томат, то тогда понятней будет мое смертельное легкомыслие.

В общем, в четверг вечером, как раз перед тем, как проводить испытание установки Игоря, был день рождения у Шурочки Андреевой. Она аспирантка у Бориса, милое создание, только мне совсем не нравится, потому что шумна и жутко разговорчива. Мы в экспедиции решили, что устроим большой праздник, Манин не возражал, а я думал, что бы такое сделать для ребят, и потом притащил им целое ведро черешни, а когда уходил из дома, увидел, что пластинка лежит прямо на столе, наверное, Томат любовался ею перед уходом с Люсей в кино. И я решил ее прихватить. Все равно будут танцы, а пластинок всего пять штук, и все надоели.

Вечер прошел неплохо. Тем более, что была очень хорошая погода, а завтра предстояло испытание машины Игоречка и Макар с утра не вылезал из гаража, его даже на праздник еле приволокли. Так что настроение у всех было приподнятое, как перед запуском в космос. Это значит, что все мы в тот момент представляли, как работает машина — Манин и Игоречек люди, как ни странно, сусверные, и оба, как оказалось, боялись, что опыт провалится, хотя в Москве его ставили уже много раз.

Шурочка танцевала со мной и уговаривала меня поступить в Москву на истфак.

Она, как всегда, говорила без умолку, черные завитые химией, волосы падали ей на лицо, и она все время надувала щеки, чтобы отдувать локоны в сторону. Вообще-то она была очень милой. Это вопрос не моей личной привя-

занности. Хотя я и акселерат, мне еще только пятнадцать лет и женский вопрос меня практически не волнует.

Потом Манин, Игоречек и, конечно же, Макар скрылись в гараже и там колдовали, но меня это мало интересовало. Мне было хорошо. И было бы еще лучше, если бы не эта пластинка. Я вдруг представил, что Томат вернулся из кино и сразу бросился искать пластинку, а ее нет. Представляете, что тогда поднимется за скандал! Тихий такой скандал, вежливый, лучше утопиться! Я сидел и смотрел, как неосторожно эту пластинку ставят на проигрыватель, но взять ее и унести было неловко. Не могу же я показать, что боюсь какого-то Томата.

Но все на этом этапе обошлось.

Часов в одиннадцать Манин, вернувшись из гаража, приказал нам расходиться, потому что подъем в семь, а в половине восьмого всем приказано быть готовым к эксперименту.

Я с облегчением забрал пластинку, сунул ее в конверт и, позвав Макара, пошел домой. Мы с Макаром живем недалеко друг от друга, на другом от школы конце улицы. Светила луна, было тихо, даже собаки не брехали.

Макар молчал, был погружен в мысли. Я спросил его, нравится ли ему Шурочка, он даже не понял моего вопроса.

— Игорь Маркович обещал меня взять к себе в институт, — сказал он, и я понял, что любые разговоры с этим чудаком обречены на провал.

Сами понимаете, я свою улицу знаю как пять пальцев. Я могу пройти по ней с завязанными глазами в любое время года. И знаю на ней каждую рыхтину.

— Ну ладно, — сказал я, — с тобой каши не сваришь.

— И вообще, — ответил Макар, который оказывается запомнил мой вопрос о Шурочке, — как ты можешь задавать вопросы о Шурочке, если завтра ты умрешь?

Если бы он при этом улыбнулся или еще что, я бы так не удивился. Но он сказал это неожиданно и так серьезно, что я споткнулся о колоду, лежавшую у ворот дяди Христо, и полетел вперед, приземлившись точно на пластинку, и в ночной тишине поселка услышал, как она раскололась. Я лежал в ужасе. А он остановился надо мной и смотрел на меня сверху. И я глупо спросил:

— Почему умру?

— Потому что, — ответил он спокойно. Как будто и не заметил, что я лежу на земле. — Ничего подобного ни ты, ни археология еще не видели.

И с этими словами он повернулся и пошел через дорогу к своему дому.

А я, про себя проклиная его последними словами, поднялся, поднял превратившуюся в кучу осколков пластинку и побрел домой, моля бога, чтобы Томат еще не вернулся из кино.

Из кино он вернулся, но уже лег спать и вежливо, аккуратно посыпал в своей комнатенке.

Я прошел к себе, спрятал разбитую пластинку под кровать и лег спать. И даже, несмотря на мое расстройство, сразу заснул.

2

Утром Томат встал затемно и отправился с Христо ловить рыбу. Так что пропажи пластинки он не заметил. Я вздохнул с облегчением, потому что я умею забывать о неприятностях, если они случаются не немедленно, и пошел к школе.

Хоть было лишь начало восьмого, все уже поднялись. Все были возбуждены, как будто нашли на раскопке статую Венеры. Двери в гараж были широко открыты, там суетились Макар с Кроликом, Игоречек разговаривал с Маниным.

Потом Манин обратился к нам.

— Коллеги, — сказал он. — У нас есть несколько минут, и я хочу сейчас сделать вам сообщение. Давайте пройдем в столовую:

Мы пошли за ним в школьную столовую и расселись на небольших стульях у покрытых пластиком столов. Манин встал у раздачи, где стояли горой еще не мытые тарелки, закурил, потом сказал:

— Не обижайтесь, что я раньше вам обо всем не рассказывал. Хотя многие уже слышали об опытах нашего гостя. Но все еще покрыто туманом неизвестности. Сегодня же он должен рассеяться.

Туман неизвестности — это Манин хорошо сказал. Я люблю таинственные слова. Меня и археология привлекает своей таинственностью. Ты никогда не знаешь, что тебе откроется за поворотом. Сами понимаете, нам всем хочется открыть какой-нибудь храм или богатое захоронение. Все археологи любят посетовать: ах, не дай бог нам богатое захоронение. Мы ненавидим эти золотые украшения и бриллиантовые короны. Сразу приедет финанс-инспектор, надо охрану ставить, и это проклятое золото затмевает чисто научное значение наших раскопок. Одна надпись, даже неполная, дороже всего золота мира. Но я думаю, что они лицемерят. В самом деле тому же великому Манину всегда приятно, когда про него говорят: это тот человек, который откопал волшебный клад в кургане Седая могила. Там было восемь ваз и так далее... А кто читает археологические отчеты? Только такие любители,

как я. Кстати, Манин обещал мне осенью прислать свои статьи за последние годы. Думаю, не обманет.

Ну вот, я и отвлекся. Я и на уроках отвлекаюсь. Я как-то плыл на МРТ в Таганрог, стоял на палубе, задумался и мне показалось, что я на берегу. Я сделал шаг вперед и нырнул в воду. Хорошо еще, что я плаваю, как рыба.

— Принцип изобретения нашего дорогого гостя, — продолжал между тем Манин, — заключается в том, что при изготовлении любого предмета нарушается не только форма исходного сырья, но и неуловимые обычными приборами связи в самих молекулах. Вот эта амфора, которую вчера отыскал наш Костя, — тут я немного покраснел, потому что приятно, когда Манин помнит о твоих скромных заслугах, — когда-то была куском глины. Потом ее замесили, положили на гончарный круг, вылепили, затем сунули в печку, обожгли, раскрасили. В принципе это все тот же кусок глины. Но в ином облике. По химическому составу амфора не отличается от глины, из которой она сделана. Но эта глина помнит, какой она была когда-то.

С философской точки зрения тут что-то было. Я так и сказал, хоть не к лицу простому рабочему, не достигшему совершеннолетия, перебивать профессора. Но у нас демократия.

— Давайте не будем углубляться в философию, — сказал Манин, выслушав меня. Шурочка почему-то хихикнула, можно подумать, что вчера вечером она со мной вовсе не танцевала. Ну я и закрылся в себе.

— Мне важен принцип, — сказал Манин, — я хочу, чтобы вы его поняли так, как его понял я. Технических деталей процесса мы не поймем.

Это вы не поймете, хотел бы я добавить, но, разумеется, промолчал. Хватит с меня Шурочкиных улыбок. Но ведь Макар-то понял лучше любого профессора. Иначе бы эту установку готовил к работе Манин, а не Макар.

— Каждая вещь, — сказал Манин, — имеет память. Это не память в понимании живых существ, а память молекулярная. Моя рубашка помнит, что была когда-то кропоткой хлопка, этот стол помнит, что рос в лесу, даже песчинка на берегу помнит о том, что была частью расплавленной магмы.

Эта идея всем понравилась, и некоторые студенты начали шутить, потому что люди такого склада всегда стараются шуткой скрыть свою растерянность перед сложностью мира. Я замечал это и раньше. Я же становлюсь совершенно серьезен. И сразу перехожу к сути дела.

— Если бы предметы помнили о своем прошлом, то теоретически можно их заставить это прошлое нам показать, — сказал я.

Некоторые засмеялись вслух, а Манин сказал:

— Костя, оттого, что Макар тебе рассказал все раньше, не исходит, что ты можешь демонстрировать так называемое знание.

— Чего! — я даже возмутился. — Макар мне ни слова не сказал. Я сам догадался.

Тут все на меня зашикали. В человеческом обществе все теоретически равны, но попробуй только оказаться умнее окружающих. Сожрут. Так что я окончательно и бесповоротно замолчал и даже хотел уйти, но пересилил себя. И остался.

— Ладно, — сказал Манин, — пошли в гараж.

Шурочка подошла ко мне, потому что я отстал. И сказала:

— Скажи, вы, акселераты, обязательно должны свой нос всюду совать?

— Я думал, — ответил я с достоинством, — что нахожусь в демократическом коллективе и получил по носу. Заслуженно.

— Демократия не означает неуважения, — заметила Шурочка. — Мальчикам не следует стараться быть умнее, чем академики. Всему свое время. Тебе надо еще учиться, учиться и учиться...

— Ладно, шутки в сторону, — сказал я, потому что не умею долго обижаться.

В самом деле, мне было очень интересно узнать, какое можно придумать практическое приложение идеи о том, что все вещи мира имеют память.

Как вы знаете, у меня пятерки по истории, геометрию я тоже люблю, но в математике и предметах, где надо иметь дело с голыми цифрами, я профан. Свет я конечно в доме починить могу, но уже приемник для меня всегдашняя загадка. Мне проще прожить без приемника, чем копаться в безымянных проводах и схемах. Так что описание их установки было бы, наверное, смешным, если бы я за него взялся. Они перетащили сюда все, что уместилось в фургоне, и в расположении приборов, ящиков и панелей не было никакой логики. К тому же все было смонтировано неаккуратно. Провода провисали, под один из контейнеров был положен кирпич, а в другом была вмятина. Разумеется, этого никто кроме меня не заметил. Все стояли, открыв рты. Гуманитарии, но далекие от искусства.

Манин уже снова взобрался на трибуну. В переносном смысле. Он взял в руки нечто вроде подноса, на котором лежал наш Геракл.

— Вот, — сказал он.

Надо снова отвлечься, вы уж меня простите. Геракла нашли при мне. Правда без моего участия. Шурочка тогда подошла к одной нашей девочке, что обскребывала ножом угол каменной плиты и вдруг закричала ей: «Стоп!»

Все, разумеется, прекратили работу. Такой крик мог означать лишь одно — бесценный клад!

Но это был не клад. Просто зоркий взгляд Шурочки уловил в желтой породе инородное вкрапление. Это большое искусство. В первые дни мне могла попасться какая-нибудь ценная керамика, и я бы ни за что не догадался, что это не обычная порода. У тех, кто ездит в экспедицию не первый год, вырабатывается буквально чутье на такое. Чуть потемнее или чуть посветлее. Чуть другая фактура, какая-то полоска, которую вряд ли могла пропечертить природа...

Оказалось — голова небольшой статуэтки. Вернее, половина головы — кто-то ударил по ней молотком. Потом показалась рука. Шурочка работала щетками и кистью, а прибежавший Манин почему-то ведел собирать на поднос всю пыль, ни крошки не выбрасывать. Тогда я еще не знал, что Манин предусмотрел сегодняшний день. Свойство большого ученого — предусматривать.

И вот сейчас на столе перед машиной лежал поднос. На подносе осколки статуэтки, которую мы отыскали в тот день, и еще кучка породы — крошечек мрамора и песка, что лежали на той же плите, что и статуэтка. Состояние ее было настолько прискорбное, что даже такой знаток античности, как Борис, сказал: «Вернее всего, Геракл. Но не гарантирую. Может быть, и Дионис». Представляете, какой разброс? Воинственный герой или бог виноделия.

— Сейчас, — сказал Игорек, который, почесывая седую бородку, возился в панели. — Одну минутку.

— На что мы надеемся, — Манин воспользовался паузой. — Мы надеемся, что вот эти мраморные крошки и осколки хранят память о своем прошлом...

— О куске мрамора? — спросил кто-то из ребят.

— А почему должна быть только одна память? — ответил вопросом Манин. — Вот вы, например, неужели вы помните только тот день, когда пошли в школу? А первый урок по алгебре, поездку в пионерский лагерь, первый поцелуй под тополем...

Кто-то засмеялся. У нас умеют ценить профессорские шутки.

— И каждый предмет может помнить несколько страниц своего существования. Серебряная ложка могла раньше быть монетой или несколькими монетами, из которых ее переплавили. А еще раньше она могла быть серебряным кубком... и лишь в самом начале своего существования на поверхности земли она была слитком серебра. Понятно?

Всем было понятно.

— Значит если у нас появилась возможность, — Манин широким жестом сеятеля показал на машину, — восстановить память предмета и попытаться ее активизировать, то есть вернуть ему ту форму, которую он имел когда-то, то мы должны научиться варировать эти слои памяти...

Тут машина зажужжала, включилась, Игорек сказал Манину, что можно переходить к практической демонстрации, Макар был серьезен, словно запускали спутник номер один с любимой девушкой на борту, даже Кролик проснулся.

Игоречек вставил поднос с осколками Геркулеса в печку. То есть это была не печка, но у меня возникло ощущение, что я смотрю на русскую печь. Жужжание усилилось,

и Игоречек с Кроликом уселись за пульт и начали колдовать.

Вообще-то времени прошло немного. Наверное, минут десять. Мне они казались бесконечностью. Ведь когда человеку показывают фокус, ему обычно не дают опомниться. Чтобы не увидел ниточек или запасной колоды. Здесь нам ничего не показывали, но и не спешили. Мне все хотелось пошутить, сказать, что у них там лежит запасной Геркулес. Я понимал, что это непозволительная шутка. Еще Борису можно так пошутить, а мне не простят. Поэтому я молчал. Мать вечером мне рассказала, что напряжение в сети село, видно Игоречек не учел возможностей нашей станции. Но в основном все прошло незамеченным. У нас происходило событие космического значения, а они, видите ли, ничего не заметили. Хотя, наверное, до сих пор где-нибудь в Новой Гвинее есть племена, которые не подозревают, что люди уже побывали на Луне. Ведь может так быть?

В гараже было жарко, воздух снаружи был неподвижен. Восемь часов, а жарко как в обед. Я подумал, что завтра-послезавтра погода должна испортиться. У меня на этот счет предчувствия.

Игоречек встал со стула, притащенного из школы, и сказал:

— Вот вроде бы и все.

Манин погасил папиросу в банку из-под сардин, но остался стоять. Я понял, что он трусит. Для него это открытие важнее, чем для многих других людей.

— Ну, — сказал он, наконец. Как будто бы был обижен на Игоречка.

А Игоречек сказал:

— Макар.

И только Макар вел себя так, словно ничего не произошло. Он спокойно поднялся, подошел к русской печке, подобрал свой живот, вздохнул и достал поднос. И поставил его на стол.

На подносе лежал на боку Геракл с поднятой дубиной. Он, видно, хотел пришибить этой дубинкой животное на львиных ногах с девятью головами, из которых три головы валялись у его ног на подставочке. Вся эта скульптура была ростом сантиметров в тридцать. А чудовище на львиных ногах, как я потом узнал, называлось гидрой. Отсюда и пошла «гидра контрреволюции».

Макар глядел на Геракла, почесывая ухо. Все остальные оставались на своих местах, потому что не знали, что делать.

И наверное прошла минута, не меньше, прежде чем начался шум. Он поднимался по кривой, становясь все сильнее, потом уже все кричали «ура!» и, выбежав на улицу, вытащили Игоречка, качали его и уронили в пыль. А Манину и Макару с Кроликом удалось убежать.

На свету мы рассмотрели Геракла получше. Он, к сожалению, оказался не идеальным. Видно, каких-то крошек и кусочков не хватило. Дубинка была обломана, на одной руке не было пальцев и коленки не хватало. И у гидры не было ноги. Но, сами понимаете, разве это важно?

Манин объявил, что работы сегодня не будет.

Вы бы послушали, как все возмутились и добились все же от профессора разрешения работать после обеда. И я понял, почему. Потому что я и сам требовал, чтобы работать. Каждый из нас надеялся, что именно сегодня он отыщет разбитую чернолаковую вазу или килик, а может статую Венеры или раздавленный камнем золотой клад.

А пока суть да дело, Манин взял плавки и отправился купаться.

Надо знать Манина. Когда у него неприятности или какой-нибудь скандал, он всегда таким образом себя успокаивает. Берет плавки и идет купаться. Психотерапия.

Разумеется, сегодня никаких неприятностей не было. Но нервное потрясение такое, что стоило десяти неприятностей.

Я убедился в этом, когда вылез из моря и улегся на песке, раздумывая о последствиях нашего изобретения для науки. Но раздумывать было трудно, потому что не поднявеку, вылезши из моря, разговаривал Манин с Игоречком. Они не таились, больше того, двое или трое археологов даже подползли к ним поближе, чтобы лучше слышать. Но я не подползал. Мне и так было слышно.

— Я тоже переживал, — говорит Донин. В его седой бородке набился песок, и он выскребывал его тонкими сухими пальцами. Совсем не похож на научного гения. — Одно дело испытания в институте. Мы могли их вести еще месяцами. И директор категорически запретил нам вывозить установку на юг.

— Значит, ослушался? — спросил Манин лениво. Он лежал животом кверху, закрыв глаза.

— А твоя телеграмма? — спросил Игоречек. — А твои звонки в президиум. А твои пробивные способности?

Манин ничего не ответил, и тогда Игоречек заговорил снова.

— В институте можно умом все понимать, а вот почувствовал я только здесь. Знаешь, я смертельно боялся, что сорвется. Мне было бы стыдно. Понимаешь?

— Угу.

— Ничего ты не понимаешь, самодовольный индюк!

— Угу.

— С сегодняшнего дня твоя наука станет иной.

— Сколько же вы делали опытный образец? — Манин вдруг сел и открыл глаза.

— Ну, несколько лет...

— Вот именно, — сказал Манин. — Значит дождемся мы таких установок дай бог через десять лет. Правда?

— Но ты — раньше.

— Не знаю. Пока наступит то светлое время, когда твои восстановители будут продаваться по безналичному расчету, миллион организаций и десять тысяч ученых прослушат про эти возможности.

— Ну и что?

— А то, что археологов оттеснят на одно из последних мест. Склейвайте древним способом, скажут нам.

— Преувеличиваешь, Валентин, — сказал Игоречек.

— Не настолько, чтобы отступить от правды.

— А я думаю, что это не так важно. Важны перспективы. — сказал Борис. — Как-нибудь поделимся и с реставраторами.

— Если бы реставраторы только...

— Ты уже завидуешь, — сказал Игоречек.

— Еще бы не завидовать! Как профессионал я вижу принципиально новое будущее археологии. За исключением редчайших везений, нам попадаются осколки, ошметки из прошлого, и мы занимаемся тем, что складываем загадочные картинки по крохам. И потом еще спорим туда ли положили песчинку.

— Сколько будет целых сосудов и статуй! — сказала Шурочка.

— Узко мыслишь, — сказал Манин. — А текст, смыслый тысячу лет назад, чтобы снова использовать лист пергамента? А запись, затертая врагами? А спекшиеся куски ржавчины? А картины, записанные новым слоем

краски? А иконы, которые приходится месяцами расчищать? А окислившиеся безнадежно монеты? Я могу продолжать этот перечень до вечера. Понимаете, наша наука завтра может стать точной наукой, как математика... и теперь мы должны ждать, пока твою установку выведут из бесконечной стадии экспериментов, утвердят, одобрят, пустят в производство, а потом она археологам не достанется.

Манин был разумным пессимистом. Он сам так всегда говорил.

А Игоречек был оптимистом. Поэтому он ответил:

— Паровозов тоже сначала было один-два, и пассажиры на них не ездили. К нему не подпускали.

3

После обеда мы все пошли на раскоп, но никто ничего стоящего не нашел. Так наверное и должно быть.

Потом мы все вернулись в школу и еще минут десять любовались Гераклом, который поражал Гидру Лернейскую. И придумывали, что еще можно сделать с помощью машины. Правда, Игоречек сказал, что после испытания установку надо проверить, и мы снова займемся восстановлением вещей только послезавтра.

Я пошел домой один, потому что мой друг Макар, разумеется, остался в гараже, его от установки трактором не оттащишь. Сначала я думал о великом прогрессе науки и о том, что стану археологом, но чем ближе подходил к дому, тем больше у меня портилось настроение. Сначала я даже не мог догадаться, почему оно портится, но потом вспомнил о пластинке и стал думать, как бы незаметно съездить в Симферополь и поискать ее там в магазине. Но

откуда у меня целый день на это? Может лучше сознаться?

Мои самые плохие предчувствия оправдались.

Томат был дома. Чистенький, гладенький, в джинсах и безрукавке с Микки Маусом на груди. Просто не человек, а мечта о положительном человеке.

Люся еще не возвратилась с телефонной подстанции, а мать возилась в огороде. Мне показалось, что он меня давно ждет. Уж очень у него загорелись глазки, когда я вошел в большую комнату. Он в тот же момент возник на пороге.

— Здравствуй, Костя, — сказал он ласково. — А я тебя жду. Что, трудный день выпал?

— Обыкновенный день.

Не будь его дома, я бы матери и сестре весь вечер рассказывал о Геракле. Но при нем у меня буквально рот не раскрывался.

— Что задержался?

Он ведет себя у нас в доме, словно жил здесь всегда. Ему так нравится. Я подозреваю, что ему в его Подмосковье некого было угнетать и учить. Вот и приезжает к нам отдыхать таким образом.

— Работал, — сказал я.

Я вдруг понял, что смертельно устал. День-то был фантастически длинным и с фантастическим приключением.

— А я рыбачил, — сказал он. — гляжу с моря, а вся ваша экспедиция лежит на пляже. Представляешь? Никто не работает, все лежат на пляже. Мне далеко было, я не разглядел, был ты там или нет. Но ведь это все равно? Государство вкладывает огромные деньги в освоение нашего культурного наследия. И если люди, которые отвечают

за это освоение, будут лежать на пляже, что станет с государством?

— Рухнет, — сказал я убежденно. Не объяснять же ему, что у всей экспедиции был эмоциональный стресс.

— А ты заходи, заходи ко мне, — сказал Томат. Вы знаете, он если купается, потом завязывает волосы плащком, чтобы сохранять прическу?

Я зашел. Я понимал, что все эти слова — вступление к войне.

В его комнатке, где раньше жил мой отец, стоял его верстак, странное сочетание девичьего порядка и лавки старьевщика. У Томата страсть к вещам, которые могут пригодиться. Вот он идет с пляжа, волочит шар — стеклянный поплавок, который выкинуло на берег. Зачем человеку может понадобиться стеклянный поплавок?

— Это удивительная находка, — сообщает он нам вечером, за чаем. — Вы представляете, что из этого можно сделать?

Мы, разумеется, не представляем.

Тогда он подождет, насладится нашей тупостью и сообщит что-нибудь вроде:

— Мы прорезаем в нем отверстие и изготавляем светильник. Для нежилых помещений.

Не изготовит он этого светильника, но весь вечер счастлив: приобрел. И вроде бы не больной человек, почти столичный житель, а ведет себя как провинциальная баба. Садится в машину (меня с собой никогда не берет), едет в Керчь: там что-то дают, — от баб услыхал на базаре. Привозит японские плавки. Ну зачем ему японские плавки? Нет, давали! Он бензина истратит на десятку, еще куда заедет, еще чего возьмет, потом нам же будет говорить, что бензин такой дорогой, хорошо еще он свои жигули на семьдесят шестой переделал, с грузовиков покупает. И

считает, сколько сэкономил. Ну вы видите, я опять завелся: просто не люблю я такую породу людей. У него внутри все время идет процесс покупки и продажи. Заодно и тебя может продать.

— Вот, — сказал он, заведя меня в комнату. — Я в уголке помыл. Наверняка там есть внутренний слой. Представляешь, сколько это будет тогда стоить?

Он показывал мне на облезлую икону — у какой-то бабки на пути к нам выцыганил. Теперь любовался, скреб в уголке, надеялся, что там внутри есть какой-то шестнадцатый век. Я даже вспомнил слова Манина о реставраторах. Нет уж — скажешь ему, побежит в экспедицию, чтобы ему поглядели, что там внутри иконы. Какой она когда-то была. Неприятностей не оберешься. И стыдно. Все-таки как-никак моя пустоголовая сестра Люся имеет на него планы. И тут позор на весь поселок.

Я вежливо поглядел на икону — можно угадать, что на ней изображена богоматерь. Ничего интересного.

— Да, кстати, — сказал Томат невинным голосом. И у меня все внутри оборвалось. — Ты случайно не видел мою пластинку?

Вот так он всегда начинает свои допросы.

— Какую пластинку? — меня тоже голыми руками не возьмешь. Я вообще-то ненавижу врать, да и не нужно. А с ним как будто наступает игра без правил. Вру и не краснею.

— Пластинку ансамбля «Абба», приобретенную мною на пути сюда. Дефицитную пластинку, за которую в Москве дают не менее десяти рублей.

Надо сказать, что когда он начинает волноваться, то почему-то переходит на какой-то античеловеческий канцелярский язык. Это как бы сигнал для меня: «Внимание: опасность!»

— Видал, конечно, — сказал я. — Только не помню когда.

Вот так всегда. Стоит начать врать, дальше приходится врать всё больше. Цепная реакция.

— Вчера вечером, когда мы с твоей сестрой Людмилой находились в кинотеатре, пластинка лежала в большой комнате на столе. У меня хорошая зрительная память, Костя.

— Ну и что? — спросил я.

— Достаточно немного подумать, как это сделал я, чтобы прийти к безошибочному выводу, что пластинка была взята тобой для твоих неизвестных мне целей. Ну?

Я пожал плечами. Я на голову его выше и если бы не мать и Люся в жизни бы не пустил его к нам в дом. А теперь я злился на него втрое, потому что в самом деле был виноват. Надо было с самого начала сознаться и сказать, что выплачу ему деньги, пускай даже по этой самой подмосковной цене. А вот начал врать, теперь уже не остановишься.

— Более того, — сказал он совершенно спокойно. Так наверное удавы разговаривают с кроликами. — Вчера поздно вечером по возвращении из кинотеатра мне слышались звуки музыки, а конкретно именно ансамбля «Абба», доносящиеся со стороны школы, где поселилась ваша так называемая археологическая экспедиция.

— Не брал я вашей пластинки, — сказал я упрямо. Ну что мне оставалось сказать?

Тут я услышал, что пришла мать. Она зазвенела ведром в прихожей. Ну как, подумал я с надеждой, прекратит допрос? Ничего подобного. Мать догадалась, что я пришел, и прошла прямо к нам.

— Костя, — спросила она. — Ты ужинать будешь?

И тут же почувствовала неладное. Она буквально экст-расенс. Все чувствует.

— Костя, — спросила она. — Ты что натворил?

— Ничего я не натворил, — сказал я. — Томат, то есть Федор, спрашивает меня, не видел ли я его драгоценной пластинки. А я ее не видел.

— Тем не менее, — сказал Томат зло и тихо. Видно его оскорбило прозвище — он никогда еще не слышал, чтобы я его называл Томатом. — Тем не менее пластинка пропала вчера вечером со стола. И если Костя отказывается в том, что он ее похитил, мои подозрения неизбежно падают на других обитателей этого дома.

— Другими словами, — спросил я, — вы хотите сказать, что мать свистнула вашу пластинку?

— Костя! — возмутилась мать.

— Ни в коем случае я не намерен кидать подозрения на Лидию Степановну, к которой я отношусь с близкой, можно сказать, сыновней нежностью. Я методом исключения доказываю, что пластинку взял ты.

— Или Люся?

— Твоя сестра находилась со мной в кинотеатре.

Нет, у него намертво отсутствует чувство юмора. Это непростительней, чем глупость.

— Ну ладно, — сказал я. — Пойду телевизор посмотрю.

— Костя, — сказала мать. — Ты что сделал с чужой пластинкой?

— Ну вот, — ответил я. — Сейчас еще явится Люся и добавит масла в огонь.

И как назло в этот момент явилась Люся и подлила масла в огонь.

— Что еще? — спросила она трагическим голосом.

Люся не похожа на нас с матерью. Мы белые, узколицые и легко загораем. А она черноволосая, в отцовскую родню, с большой примесью греческой крови. Заводится она с пол-оборота.

— Мы о пластинке, — сказал тихо Томат. Ну просто овечка.

Я понял, что, когда я вчера уже спал, он ей плешь проел этой пластинкой.

— Что? Не вернул? — спросила она.

— Я не брал, — сказал я.

— Врешь.

— Ой и надоели вы мне все, — сказал я в сердцах. Вообще-то я выдержаный человек. Но такое вот падение от счастья присутствовать при великом событии до дрязг из-за пластинки, которой цена два рубля, кого угодно выведет из себя. Особенно, если ты признаешь, что сам во всем виноват.

— Мама, — сказала Люся трагическим голосом и грудь ее начала судорожно вздыматься, — мама, я не вынесу. Это такой позор!

— Товарищи, — сказал тогда Томат. Он своего добился, муравейник разворошен. — Я постараюсь забыть об этом происшествии. Я полагаю, что пластинка была похищена у Кости, и он, как подросток, не приученный к высоким нормам морали, в чем я не упрекаю вас, Лидия Степановна, которой приходится воспитывать детей без помощи отца, боится в этом сознаться. Я переживу эту болезненную для меня потерю...

— Костя, — рыдала Люся, — как ты мог!

Я понимал, ей казалось, что сейчас ее драгоценный Томат собирает свой чемодан и не видать ей Подмосковья, как своих ушей.

На этом этапе беседы я ушел из комнаты и хлопнул дверью. Хватит с меня. В самом деле. Переночую у Макара. А в крайнем случае, в школе с археологами. Они еще пожалеют, что меня выгнали из дома. Хотя я, конечно, в глубине души понимал, что никто меня из дома не выгнал.

Макар еще не спал. Он к счастью был даже не дома, а сидел на скамейке у ворот. Я знал, он любит так сидеть, потому что в доме всегда душно и жарко, его отец боится сквозняков, к тому же за день соскучится дома и начинает разговаривать, вспоминать прошлое, и Макар от этого сбегает. Он на этой скамейке, может быть, уже в общей сложности три года просидел. Дом у них крайний на улице, отсюда со скамейки виден залив и мыс Диамант. Зрелище удивительное.

— Ты чего? — спросил он тихо.

— Пришел просить политического убежища, — сказал я, — Заели.

— Люся?

— Люся, но больше, конечно, ее Томат.

— Потерпи, он скоро уедет, — ответил мой разумный Макар.

— Боюсь, что на этот раз решит навсегда к нам переселиться. Может быть, он даже готовит операцию по моему изгнанию из дома.

— Я бы не удивился, — сказал Макар спокойно, и от его спокойствия мне стало тошно. Я, надо сказать, очень люблю свою мать и сестру. К отцу я равнодушен, он приезжал к нам в прошлом году на три дня. А так отдельывается алиментами и подарками к празднику. Но мать с сестрой я люблю. Поэтому так психую из-за Томата. Люсю жалко.

— Я бы ее за кого-нибудь из археологов отдал. Она красивая, — сказал я.

— Борис женат, — ответил Макар. — Донин тоже. А остальные младше ее.

— Знаю, — ответил я.

— А из-за чего война?

Я ему рассказал про пластинку. Правду рассказал.

— Сам виноват, — сказал Макар, когда я кончил. — Надо было сразу взять огонь на себя.

— Теперь поздно.

— Признаться никогда не поздно, — ответил Макар, а потом стал говорить, что Донин обещает его взять к себе в институт, и о том, какой Донин гениальный. Как будто моя история с пластинкой не имела жизненного значения.

И я слушал его, представляя себе, что твориться дома. Как рыдает моя дуреха Люся, как молчит мать. Рожу Томата представлял. Убить его был готов. И вот тогда мне в голову пришло решение. Оно, наверное, сидело у меня в голове давно, но кристаллизовалось только сейчас.

— Слушай, Макар, — сказал я. — Ты эту машину уже хорошо знаешь?

— В каком смысле?

— Ты мог бы ее сам запустить?

— Это несложно.

— И мог бы такого Геракла сам восстановить?

— Не знаю.

— Почему не знаешь?

— Сложность в настройке. Боюсь, мне самому не настроить.

— Ну а если не настроишь?

— Могут произойти ошибки.

— Но вообще-то можешь?

— А что тебе?

— Я понял, что надо сделать. Я сейчас схожу домой, принесу эту пластинку, а ты ее починишь.

— Как?

— Ну, сунешь ее в машину и восстановишь. Ведь пластинка помнит, какой она была недавно.

— Нет, — сказал Макар, подумав немного. — Донин не разрешит.

— Разумеется, не разрешит, — согласился я. — А ты его не будешь спрашивать.

— Ты с ума сошел! Ты что, хочешь, чтобы я машину сломал?

Я понял, что надо попробовать другой подход.

— Пойми, Макар, — сказал я. — У тебя такой возможности может больше и не будет. Я тебе даю возможность самому провести эксперимент мирового значения. Неужели тебе не интересно самому попробовать?

— Нет, не интересно.

— Врешь. Я же знаю, какой ты азартный. Я помню, как ты поспорил, что приемник починишь дяде Христо. Телефункен, трофейный, на который все давно рукой махнули, потому что ламп нет. А ты два месяца возился, так его переделал, что наши лампы подошли. Разве забыл?

— Но приемник мне сам дядя Христо дал. А установку нельзя. Она вообще одна в мире.

— А я что, прошу ее сломать? Я прошу помочь мне и моей сестре Люсе. Ты не представляешь в каком она состоянии.

Мои последние слова были нечестными, коварными и гадкими. Я был ниже пояса.

Мой друг Макар уже скоро год, как безнадежно влюблен в мою родную сестру, но не скажет об этом даже под пытками. Только потому, что я его наблюдаю каждый день, я знаю, что это так. А Люся его не замечает. А как

она может его заметить, если она не понимает, что он технический гений, а для нее он только дружок ее младшего братишки, то есть мальчик, малыш, младенец.

— При чем тут Люся? — спросил Макар.

— А при том, что этот Томат ее охмуряет. И сейчас, если пластинку мы не вернем, он сделает так, что она станет его союзником против меня. Он — страдалец, понимаешь? А я негодяй! Мы обязаны выбить это оружие из его подлых рук.

Макар замолчал надолго, и поэтому я побежал домой, влез к себе через окно — никто не заметил. В доме было тихо, как бывает, когда пришла беда. Я вытащил из-под кровати пакет с обломками пластинки и побежал обратно, к Макару, чтобы сомнения его не одолели.

4

В школе все уже спали. Экспедиция, если нет какого-нибудь праздника или мероприятия, ложится рано. В школьном дворе не было не души. Макар мрачно молчал. Он не одобрял наших действий, но ничего не мог поделать. Получилось, как будто его попросила сама Люся, ну и дружба наша тоже играла в этом не последнюю роль.

Правда, операция чуть было не провалилась из-за пустяка. Гараж был заперт, и ключа у нас не было. А идти красть его у Кролика было невозможно. Пластинка такого риска не стоила.

Тогда я нашел выход из положения. Я обошел гараж и увидел, что с обратной его стороны под крышей есть окошко. Я отыскал лестницу, поставил Макара на страже, сам залез наверх и, перебравшись по балкам вперед, спрыгнул на пол у самой двери. На наше счастье замок в

гараж был не навесной. Он открывался изнутри. Я открыл дверь. Макара не было видно.

— Макар, — позвал я его.

Темная тень отделилась от стены школы. Уже почти совсем стемнело — оказалось за боями и разговорами прошел весь вечер.

— Ну что тебе? — прошептал Макар.

— Заходи, — сказал я, — гостем будешь.

В этот момент скрипнула школьная дверь. Кто-то выходил на улицу. Я еле успел втащить в гараж неуклюжего Макара и захлопнуть дверь. После этого нам пришлось просидеть больше часа в темноте, выслушивая бред, который нес один из студентов одной из студенток, который, оказывается, был в нее еще с зимы влюблен, страшно ревновал ее к какому-то Ричарду, оставшемуся в Москве, и кроме того, хотел обсудить с ней вопросы мироздания. Хорошо еще, что его возлюбленную заели комары (которые и нас не жалели), и в конце концов они ушли со двора.

Настроение Макара упало ниже нуля. Ему хотелось только одного — скорей вернуться домой. Мне почти силком пришлось волочить его к пульте, самому отыскивать поднос. К тому же он боялся зажигать свет, и с каждой минутой ему становилось все более жалко установку и все меньше — меня и Люси. А я находился во власти упрямства. Мне казалось тогда, что не восстанови мы пластинку, весь мир обрушится. Я понимаю, как все это нелепо звучит для постороннего человека. Какой-то подросток испугался справедливого возмездия из-за пустяка и ради собственных эгоистических выгод решил под угрозу поставить эксперимент мирового значения.

Теперь-то я и сам это понимаю. Но в тот момент — совершенно не понимал. Я был как танк. А Макар попал мне под гусеницу.

Когда машина зажужжала, мне показалось, что она шумит так сильно, что сейчас все прибегут из школы. Макару тоже так показалось. У него буквально руки опустились. Я опомнился быстрее.

— Дурак, — сказал я ему. — Чем дольше мы здесь сидим, тем больше опасность, что нас застукают. Давай, действуй.

Макар молчал. Надулся. Он считал меня извергом и мерзавцем. Таким я и был, конечно.

Я высыпал на поднос осколки пластинки, и Макар подошел к пульту, чтобы откалибровать слой воспоминаний.

Свет мы включили не весь, только лампочку под потолком. Картина была зловещая.

Самое трудное оказалось — ждать, пока что-нибудь получится.

Я уже даже смирился с мыслью, что ничего не получится.

Я стоял у двери, выглядывая сквозь щель, не идет ли кто-нибудь.

Почему-то на втором этаже загорелось окно. Я замер. Я представил, как Донин встает с постели, спускается во двор... Я смотрел на дверь и ждал, когда она откроется. И даже не услышал, как замолчала установка и голос Макара, хриплый, будто простуженный, сказал:

— Бери свою чертову пластинку и пошли.

Я даже подпрыгнул от неожиданности.

За моей спиной стоял Макар и протягивал мне совершенно целую пластинку.

Я еще сохранил достаточное присутствие духа, чтобы поглядеть на этикетку. Этикетка была в полном порядке. «Ансамбль «Абба», Швеция. Апрелевский завод грампластинок. Фирма «Мелодия». Все как надо. Потом взял со стола конверт с четырьмя певцами, которые одинаково улыбались, осторожно сунул в него пластинку и первым вышел из гаража.

Макар захлопнул дверь и сказал мне:
— Спокойной ночи.

И быстро пошел вперед, не оглядываясь. Был зол на меня и на себя. Я его понимал. Но догонять не стал. Мне надо было идти осторожно. Лучше сломать ногу, чем еще раз разбить пластинку, которая так дорого обошлась.

Я должен сказать, что никакого раскаяния я не чувствовал. Хотя был вдвойне, втройне преступником. Не только сам, но и друга толкнул на преступление.

Но, наверное, даже у самых закоренелых преступников бывают период морального облегчения. Когда они надеются, что совершили самое последнее преступление, что сперь начнут светлую, чистую, честную жизнь. Что небо расчистилось от туч. Но обычно преступник такого рода ошибается. Ему кажется, что о преступлении можно забыть. Но тяжелая костлявая рука прошлого тянется за ним и толкает к новым бедам. Так случилось и со мной.

Я вернулся домой, когда наши пили чай. У нас чай пьют поздно.

В большой комнате гудели, мирно переливались голоса. Я остановился в прихожей. Наш кот посмотрел на меня строго, потом сиганул на бочку с водой, чуть в нее не свалился. И я тогда еще подумал — ну почему я не свалил преступление на безгласного кота? Ну бросил бы пакет с разбитой пластинкой на пол и стоял бы на том, что виноват кот. Что коту? Коту на наши подозрения плевать. Ну

ладно, дело сделано. Куда теперь положить пластинку, чтобы завтра нашли?

В прихожей оставлять ее нелепо. Ага, понял!

Я вышел на улицу, подошел к окну Томата, окно было приоткрыто. Я осторожно растворил его, подтянулся, влез в комнату и беззвучно положил пластинку под кровать Томата. Я вспомнил, что завтра мать на работу не идет, начнет как всегда уборку, выметет пластинку из-под кровати Томата и наш жилец будет посрамлен.

Сделав все, как задумал, я вновь вошел в дом, спокойно проследовал в большую комнату и сказал нормальным голосом:

— А мне чаю дадут?

Мое появление их заставило замолчать. Они никак не ожидали, что я вернусь таким спокойным и даже веселым. Люси окинула меня уничтожающим взглядом, а мать молча достала из буфета чашку и налила мне. Томат смотрел мимо меня, общение с таким низким существом доставляло ему неудовольствие. Но я-то был спокоен. Ведь я был единственным здесь, кто знал, чем кончится завтра наш детектив. И как человек с дополнительным знанием, мог сдержанно улыбаться.

А матери хотелось, чтобы дома был мир и порядок. Чтобы все друг друга любили. Она всегда устает, она всегда в заботах, даже теперь, когда мы выросли и нет в том большой нужды, она все равно носится по жизни как угорелая и ей кажется, что завтра мы останемся голодными и необутыми.

— Вот я Федору Львовичу предложила, — сказала она, глядя на меня материнским взглядом, — что я с получки отдаю всю стоимость. А он отказался.

— Никогда, — сказал Федор.

— Мама, ну что за чепуху ты несешь! — воскликнула Люся, которая почти совсем разучилась разговаривать с матерью нормальным голосом.

— Да не волнуйся, мама, найдется эта пластинка.

— Может быть, — задумчиво произнес Томат. — Я уже высказал подозрение, что Костя подарил ее какому-нибудь своему дружку, и если дружок изъявит добрую волю, он может вернуть ее обратно и незаметно куда-нибудь подсунуть.

— С него хватит, — поддержала своего кавалера Люся.

— А потом, когда Федор Львович после всех переживаний наткнется на нее, мой братишка с чистым взором заявит, что в глаза ее не видал.

Как они были близки к истине! У меня даже пальцы на ногах похолодели. Черт возьми, ведь завтра ее найдут и скажут: мы же предупреждали! И стоило тогда идти на такие приключения! Лучше бы свалить на кота и дело с концом. Но я взял себя в руки и ничем не показал своего расстройства. И был благодарен матери, которая по своей должности примиренца перевела разговор на наши дела.

— Уж ваша экспедиция, — сказала она. — договор с совхозом заключили на продукты, а деньги не переводят. Наш Филин собирается в Симферополь писать. У них в экспедиции такой счетовод, просто удивительно, что из Москвы.

— Мама, ты опять о пустяках, — сказала Люся раздраженно.

— А что тогда не пустяки? — спросила мать.

— Моральный уровень моего брата!

— Ого, чужим языком заговорила, — сказал я печально. Потому что печально слышать такие слова от собственной сестры. Как будто предательство от собственных солдат в разгар боя.

— Я полагаю вопрос исчерпанным, — сказал вдруг Томат. Не знаю, почему он решил нас примирить. — Есть много других тем для разговоров.

Но тем как-то не находилось. Мы пили чай в молчании. Я уже собирался идти спать, как Люся стала при мне рассказывать Томату, что в экспедицию привезли машину, весь гараж заняли. А машина эта будет заниматься склейкой всяких статуй, которые найдут.

— Зачем? — удивился Томат. — Зачем нужна машина, если можно обойтись kleem? — и он посмотрел на меня.

— Не склейкой, — сказал я, — а реставрацией.

— Это очень любопытно, а по какому принципу?

— Вы у Макара спросите, — сказал я, — он на ней работает.

— Ну уж чепуха! — сказала Люся. — Твой Макар маляхольный. Он в восьмом классе учится.

— Интересно, чтобы сказал Пушкин, если бы ты отвергла его стихи, написанные еще в лицее? — сказал я.

— Пушкин — гений, — сказал Люся. Пушкина она читала только то, что задавали в школе. Правда, память у нее хорошая, лучше моей, и она все это помнила наизусть. И могло показаться, что она в самом деле понимает. А что он гений, это ей тоже в учебнике написали.

После этого я не стал больше отвечать на вопросы Томата, потому что и не смог бы ответить. Но сказал, что хочу спать. И ушел.

5

На следующий день поднялся горячий ветер, на раскоп несло пыль, работать было совершенно невозможно. Манин посадил несколько человек в зале на первом этаже разбирать находки и заниматься описанием. Геракл, по-

ражающий гидру, стоял посреди комнаты на столе, и все могли им полюбоваться. Что удивительно, на нем не было ни одной трещинки. Выбоины были, потому что не нашлось некоторых деталей, а трещин — ни одной.

После обеда, раз уж ветер не кончался, мы поиграли в шахматы, подождали и разошлись по домам пораньше. Только Макар остался с Дониным у машины. Я весь день опасался, что кто-нибудь догадается, что машиной пользовались. Но никто ничего не сказал, Макар был мрачен словно туча и со мной не разговаривал. Ну и я его не беспокоил. В конце концов он взрослый человек, знал на что идет.

Домой я возвратился часа в три. Томата еще не было, он уехал в Керчь, наверное, там чего-нибудь давали. На столе в большой комнате лежала пластинка. Мать сообщила мне, что нашла ее под кроватью у Томата, когда убиралась.

— Как хорошо, — сказала она. — А то я беспокоилась. Ведь такая ценная вещь.

Потом сделала красноречивую паузу и спросила:

— Ты ее туда не клал?

Сил врать у меня уже не оставалось, поэтому я только отрицательно покачал головой.

Не знаю, поверила ли мне мать или нет, но я пошел к себе, лег на кровать и стал читать третий том историка Соловьева. Очень интересно. Правда, я все время отвлекался. Я думал о машине, о том, какой в общем неплохой человек Макар, и как машину буду использовать дальше. У меня даже появились кое-какие идеи и я не услышал, как вернулся мой дорогой Томат.

Угадал я, что он приехал по его удивленному возгласу:

— Откуда здесь эта пластинка?

И голос матери:

— Федор Львович, какое счастье. Знаете, где я ее нашла?

— Догадываюсь, — сказал Томат. — Костя принес ее обратно.

— Вот и не догадались! — мать старалась спасти честь нашего семейства. — У вас под койкой лежала. Видно, упала, и вы не заметили.

Томат откашлялся. Я с интересом ждал, что он скажет.

— Возможно, — сказал он. — Возможно и под кроватью. Но дело в том, что я вчера производил розыски пластинки в разных помещениях. В том числе заглядывал и под кровать. Могу вас заверить, что сделал это тщательно.

— Но она же лежала!

— Как вчера правильно заметила Людмила, — сказал этот негодяй, — в характере вашего сына было подбросить мне похищенную вещь, чтобы избежать справедливого наказания.

— Ну знаете! — я изобразил возмущение, но оно было не очень, как вы понимаете, искренним.

Я встал и вышел из комнаты, чтобы лицом к лицу встретить бурю.

Но бури не было. Томат стоял, внимательно разглядывая конверт, в котором была пластинка. Затем подцепил пальчиками ее за край и вытащил на свет. Пластинка приятно поблескивала под лучом солнца, проникшим в окно. Наконец он удовлетворенно сказал:

— Вытер. Надеюсь, что не грубой тряпкой, которая может оставить микроцарапины на поверхности диска.

Я ничего не ответил. Мой ответ он бы тут же объявил признанием вины.

— Ну ведь хорошо все кончилось, правда? — спросила мать, и мне захотелось закричать, чтобы она не оправдывалась перед Томатом, не унижалась перед ним.

— Сейчас проверим, — сказал Томат, открыл наш проигрыватель и включил его. Я смотрел на него как мудрец на ребенка. Пусть он цепляется за свои погремушки. До чего, подумал я, мир разобщен и неправильно устроен. Пройди десять минут по свежему воздуху и ты окажешься рядом с гаражом, где стоит машина, способная изменить к лучшему жизнь всего человечества. А здесь сидит мелкий собственник из Подмосковья и сейчас будет проверять, не потерял ли он двадцать копеек на качестве своей пластинки.

Для меня важнее — прогресс человечества. Для него — двадцать копеек.

Мне бы уйти к себе, читать Соловьева, но я остался в комнате. Мать тоже осталась, хотя собиралась готовить обед. Мы были как прикованы к этому проигрывателю. Как свидетели на допросе.

— Мани-мани-мани, — пели шведские певцы. Разумеется, у них, в капиталистическом мире это и есть основная ценность. Но мы же выше этого!

— Мани-мани-мани... — Томат был недоволен. Я его понимал. Ему приятнее было бы услышать треск и всяческие неполадки. А так даже не пострадаешь... Вдруг звук песни оборвался и началась бесконечная пауза. Томат прямо подпрыгнул на стуле. Ох, он сейчас начнет страдать. Что же произошло? Вроде мы все делали правильно.

— ...мленное солнце нежно с морем прощалось. в этот час ты призналась, что нет любви, — запел вдруг противный сладкий голос.

— Чего? — спросил Томат и поглядел на меня.

— Не понимаю, — сказал я искренне.

Тут его слова оборвались и снова загремел оркестр на тему мани-мани-мани. Но ненадолго. Почему-то мани стали перебиваться фортепьянными аккордами. Могучими аккордами, а потом совсем отступили в сторону, исчезли, и загремел шаляпинский бас. Он сообщил нам, что клевета торжествует по всему свету и справиться с ней нет никакой возможности.

— Это что такое? — почему-то Томат обратился с этим грозным вопросом к моей матери. А мать ничего лучше не придумала, как предположить:

— Может брак? Заводской брак, ведь это бывает?

— Брак? А кто вместе со мной с первой до последней строчки прослушивал эту пластинку еще два дня назад? Не вы ли вкупе с вашим сыном и Людмилой? Неужели вы забыли, что два дня назад пластинка играла в совершенстве? Бе-зу-ко-риз-нен-но!

Мысли во мне носились как стая перепуганных мух. Что случилось? Ведь это была та самая пластинка. Никакого сомнения в этом. Я не вынимал из пакета осколков. Только когда высыпал их на поднос. Что говорил Манин о слоях памяти? У вещей есть несколько слоев? Сначала память о том, что было вчера, потом память о более раннем состоянии? Неужели мы ошиблись? То есть этот разгильдяй Макар ошибся? Нет, легче всего теперь обвинять Макара. Сам потащил и сам недоволен.

— Костя, может ты знаешь? — спросила меня мать. Как ей хотелось, чтобы все обошлось.

— Ничего не знаю, — буркнул я.

— А я знаю, — сказал Томат уверенно. — Константин погубил мою пластинку, а потом нашел где-то другую, бракованную. Именно так. Это не моя пластинка.

— Ваша, честное слово, ваша! — тут я мог дать честное слово. Потому что пластинка и в самом деле была его.

— Мне грустно, — сказал Томат, — мне грустно сознавать, насколько человек может изолгаться в таком юном возрасте. Простите.

И ушел, даже не сняв пластинку с проигрывателя. Как Наполеон после битвы при Ватерлоо.

— Костя, ты в самом деле... — начала было мать.

Я не ответил. К чему все эти оправданья? Я снял пластинку с проигрывателя и понес к свету, чтобы посмотреть нет ли на ней трещин или швов. Ничего подобного. Наверное, надо смотреть под микроскопом. Правда, мне показалось, что в некоторых местах бороздки были пошире, в других — поуже.

— Ты чего? — раздался голос под окном.

Там стоял Макар.

— Ты мне и нужен, — сказал я. — Погоди, я к тебе выйду, дома не хочу говорить.

— Он? — спросил Макар.

— В частности.

Я взял с собой пластинку, махнул через подоконник. Я забыл спросить, зачем он ко мне пришел. Так и не узнал. События начали развиваться с такой быстротой, что было не до вопросов. Наверное, и сам Макар забыл, зачем шел.

Макар как увидел пластинку, сразу понял, что дело неладно, но ничего не спрашивал, пока мы не зашли за сарай, где у нас давно, уже лет шесть, как дружим, было свое потайное место. Там лежало старое бревно, наполовину вросшее в землю. Рядом возились куры, негромко переговаривались на своем курином языке.

Я рассказал Макару, что случилось дома. Он взял пластинку, долго рассматривал ее, поворачивая к свету. Потом сказал:

— Твое предположение верно. Когда мы вели восстановление, шкалу я рассчитал неточно. Сам виноват. Задели внутренние слои.

— Но почему на пластинке старые песни? Ведь ее делали на заводе совсем недавно.

— Это все шеллак, — сказал Макар. — Очень редкая смола. Мы ее ввозим. Поэтому бой пластинок до недавнего времени сдавали в палатки вторсырья и из них делали новые. Как книги из макулатуры. Значит когда-то наша пластинка была другой. Может в ней были куски пластинок, на которых пел Шаляпин или еще кто. Вернее всего, так и было. А настройка машины — дело нелегкое. И я ошибся. Так что, если хочешь, пойду к твоему Томату и расскажу ему, что я во всем виноват.

— И что ты ему скажешь? — спросил я не без ехидства.

— Все. Как ты случайно разбил его пластинку, как мы решили ее починить на установке и как ошиблись. Элементарно.

— Элементарно для другого человека. Но не для Томата. Где гарантия, что он не побежит к Манину и не доложит ему, что мы с тобой фактически совершили преступление?

— Зачем ему?

— От склонности к порядку. А потом меня вышибут из экспедиции и не видать мне истфака, как своих ушей, а тебя не возьмут в институт к Игоречку. Вариант?

— А что делать?

— Скажи, вот я подумал, а нельзя ее снова в машину загнать?

— Пластинку?

— Чтобы вернуть ее к самому свежему слою. Понимаешь?

— Понимаю, но бессмысленно. Думаю, пройдет еще несколько лет, прежде чем машина научится гулять по слоям, как по комнате. Это все равно, как если бы ты потребовал от токарного станка, чтобы он обточил деталь, а потом обратно вернул нам заготовку.

— Жалко. Придется тогда терпеть мне нападки этого Томата. А он, можешь поверить, еще поиздевается надо мной. И жалко, отношения с Люсей мне испортит. Это он сможет. Знаешь, эти женщины совершенно не так устроены, как мы с тобой. У них вся шкала ценностей перепутана...

— Не надо было нам начинать с пластинкой, — сказал Макар.

— Сделанные ошибки трудно исправить, — сказал я умную фразу. Не то сам ее придумал, не то вычитал где-то. — Легче не совершать новых.

И тут мы услышали совершенно спокойный голос:

— Я тоже так думаю.

Томат вошел в наш тайный закуток. Предвечернее солнце позолотило редкие волосы на его голове, лицо его было красным и блестело.

— Вы что, подслушивали? — возмутился я.

— Это далеко не самый тяжелый грех, — сказал Томат. — Я не подслушивал, я услышал. Случайно я проходил мимо сарай и услышал ваши голоса. То, о чем вы говорили, было настолько интересно, что я, сознаваясь, остановился и стал слушать дальше.

— Из-за сарай не слышно, — сказал я, но это были лишние слова. Что будешь делать?

Поэтому я протянул ему пластинку и добавил:

— Конверт остался на столе. Я согласен вам заплатить за нее по любому курсу, по государственному или по спекулянтскому, как вы сочтете нужным.

— Очередная грубость, — сказал Томат, но пластинку взял. Он стоял, нависая над нами, очень чистый, спокойный и неотвратимый, как четвертная контрольная по алгебре.

— Пошли, что ли? — сказал я Макару.

— Пошли, — сказал тот.

— Погодите. Значит вы считаете, что машина, которая стоит в вашей экспедиции, восстановить пластинку не сможет?

— Нет, — сказал Макар.

— Помолчи, — сказал я.

— Ваш товарищ прав, — посмотрел на меня Томат. — Он понимает, что дальнейшее укрывательство безнадежно. Если ты не прав, имей мужество в этом сознаться.

— В чем сознаться?

— В том, что вы воспользовались принадлежащей государству ценной и вернее всего секретной установкой в корыстных целях.

— Так чего в них корыстного? — я даже удивился.

— Избежание наказания. Изготовление предмета стоимостью в несколько рублей. Не надо, мне все ясно.

Я тоже поднялся, я был выше его, и от того, что он в два раза меня старше, мне нельзя было применить насилие. Ну вы понимаете в каком смысле. Но вид у меня был грозный.

— Вы что, донести собирались. Давайте, — сказал я.

— Вас жалко.

— Нет, доносите, мне нечего терять.

Вдруг он повернулся и ушел. Сам ушел. И это было совершенно непонятно. Мы с Макаром буквально обалдели. Потом я выглянул из-за саюра. Я подумал было, что он отправился в экспедицию. Сообщать. Ничего подобного. Он вошел в дом. Может сделает это позже? Настроение у

нас с Макаром было поганое. Даже обсуждать эту историю не хотелось. Два мальчика, этакие лопоухие, нашка-дили, а дяденька их поймал. Когда Макар уходил, я сказал ему вслед:

— Даже не представляю, как я завтра на раскоп пойду.

— Я тоже, — сказал Макар.

6

Весь вечер я поглядывал на Томата. И когда он в сумерках вышел из дома, я подошел к забору проследить за ним. Но оказалось, Томат пошел к Федотовым за молоком. Он пьет молоко только от федотовской коровы, говорит, что в нем выше жирность. Иногда за молоком заходит с работы Люся, но в тот день она снова задержалась. Я стоял у забора до тех пор, пока он не вышел с банкой обратно и не отправился к дому. Нет ничего не произошло.

Но успокоиться я не мог. Тяжелые предчувствия, как пишут в романах, меня не покидали. Этот Томат должен был что-то натворить. Что-то варилось в его гладкой голове. И разумеется, нам с Макаром будет плохо. Я не строил иллюзий.

Раза два вечером я заглянул к нему в комнату. На проходе. Он сидел за столом, разглядывая свою икону, я даже подумал, не хочет ли он ее восстановить? Но восстанавливать там было нечего. Икона его была как новенькая. Он же мне сам ее показывал. У меня, как видите, уже тогда возникло подозрение, что такой человек, как Томат, захочет воспользоваться информацией. И может даже решит меня шантажировать. Но у него, насколько я понимал, не было никакой с собой вещи, которую он мог бы восстановить по ее памяти. Не ехать же ему в его Подмосковье. А раз так, то

его замысел заключался в чем-то ином. И самое гадкое то, что я не смог догадаться. Даже голова разболелась.

За ужином не было никаких разговоров о пластинке. И мать молчала. Так что Люси даже и не узнала о том, что пластинка оказалась дефектной. Томат говорил о погоде, о ценах на рынке и потом принял пересказывать какой-то двухсерийный индийский фильм, который видел в Москве.

Со стороны посмотришь — вроде все мирно. Идеальная семья сидит за вечерним чаем. Но все во мне было напряжено.

Надо сказать, что у меня есть одно свойство организма. Может оно иногда и бывает полезным, но в тот день оно сыграло надо мной дурную шутку. Если у меня нервный стресс, то я хочу спать. Я однажды на экзамене заснул, потому что не знал билета. А когда тетка умерла, я ее очень любил, то я целые сутки проснуться не мог. Так вот, в тот день после ужина я вдруг почувствовал, что меня тянет в сон. Что мне хочется заснуть сейчас, а утром проснуться, чтобы ничего уже не было, чтобы все обошлось.

Я решил — полежу немного, но спать не буду.

Лег и заснул.

И во сне мне все время снилось, что Геракл борется с гидрой, только гидра эта живая и все ее головы похожи на Томата.

А я — Геракл и рублю, рублю эти проклятые головы, а на их месте вырастают новые и что-то мне доказывают с сокрушенным видом, вроде говоря: «Нехорошо, Костя, отрубить головы человеку, который вдвое тебя старше и обицает в Подмосковье».

И тут я проснулся. От внутренней тревоги, которая пересилила сонливость.

Я был почти убежден — что-то случилось.

Я вскочил, натянул брюки и кеды и на цыпочках прошел к комнате Томата. Дверь в нее была закрыта. Я ее открыл. Томата не было. Я и не ждал, что он спит. Я был уверен, что его нет.

Я вышел из дома, тихо, чтобы никого не разбудить. На улице тоже было тихо. Светила луна. Времени было больше часа ночи. От Луны по морю тянулась длинная прямая дорога.

Я пошел было к школе. Но через несколько шагов остановился.

Я рассудил, что Томат, даже если решил что-то сделать, один к машине не полезет.

Он же не знает, как машина работает. Значит он побежит к Макару. В случае, если решил воспользоваться установкой. А если нет? Чтобы жаловаться на нас, не надо ждать ночи, чтобы чем-нибудь еще заняться... а чем, прощите, можно заняться в нашем поселке в час ночи?

И я побежал к Макару.

Окно в его комнату было открыто. Я прислушался. Было слышно, как вздыхает, всхрапывает во сне его отец. Но дыхания Макара я не уловил. Я подтянулся, заглянул в комнату. Кровать Макара была разобрана. Самого его — не было. Худшие мои предчувствия оправдались. Значит пока я безмятежно смотрел сны, здесь побывал Томат, каким-то образом заставил Макара пойти с ним к установке, а теперь они восстанавливают... но что?

Пока я пробежал весь поселок, то запыхался, разбудил всех собак, которые подняли истерику — в Таганроге слышно. Поближе к школе я перешел на шаг — зачем будить экспедицию?

Я отлично представлял себе, что между ними произошло. Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом. Мой Макар приблизился к своей мечте. Он увидел настоящую Маши-

ну, он встретил Донина. Ему даже обещали, что возьмут его в институт. Макар был как зерно в земле, которое лежит, ждет своего часа, уже ничем не остановишь. И вот к нему приходит этот Томат. Что-то Томату нужно. И Томат ему говорит: если ты не сделаешь того, что я тебе велю, то я тут же сообщаю обо всем Донину. Тебя, голубчик, выгнан из экспедиции и так далее. А если сделаешь, никто не узнает и все будут друг друга любить... Вообще-то, как потом выяснилось, в своих рассуждениях я был прав. Именно так и случилось.

Томат явился к нему в половине двенадцатого. Макар не спал. В отличие от меня у него сонного комплекса нету. Он читал и переживал от неизвестности. Он ждал этого Томата. Он, как и я, рассуждал, что тот ушел не зря. Вернее, Макар не знал точно, кого ждать — Томата или разъяренного Донина. В половине двенадцатого Томат постучал к нему в окно и вызвал на улицу. На улице он сказал, что ему требуется от Макара одна небольшая услуга. Запустить на десять минут машину. Макар естественно наотрез отказался. Тогда он напомнил Макару, что прошлой ночью он уже ее запускал. Но ради друга! — пытался сопротивляться Макар. И теперь, сказал Томат, тоже ради друга и ради тебя самого. Ты знаешь, что достаточно рассказать экспедиционному начальству, что вы с Костей натворили, придется вам с экспедицией прощаться навсегда. И еще платить за ущерб. Он, Томат, знал, какое плохое денежное положение у Макара и был по самым больным местам. Макар все равно сопротивлялся, как спартанец на Фермопилах, но был обречен на гибель. Томат был беспощаден — ему нечего было терять, а приобрести он, как ему казалось, мог многое. Я так думаю, что у некоторых людей в жизни такая ситуация бывает — надо выбирать между своей честью и своей любовью. И Макар, как большинство, выбрал лю-

бовь. Видно, ему показалось, что все еще обойдется. Тем более, что Томат объяснил ему доступно, что моя судьба тоже в его руках. Вот мой толстый и гениальный Макар покорно поплелся к школе.

По дороге возбужденный, трепещущий от предвкушений Томат показал ему свою икону — ну ту самую, что получил от бабуси и теперь таскал с собой. Он сказал, что убежден, что в этой иконе есть внутренний слой, в смысле старая запись. Может быть шестнадцатого века, и поэтому эта икона совершенно бесценная. Он даже при лунном свете показал Макару эту картину, переворачивал ее обратной стороной и утверждал, что доска очень старая, черная, гнутая. Макар, конечно, ничего в этом не понимал, он шел и проклинал себя. И ничего не мог придумать. И постепенно в Макаре рос гнев. Макар медленно зажигается, но если зажегся — его не остановишь, в этом отношении он как носорог. Томат этого не знал и думал, что он уже победил.

Наверное, вы подумаете, до чего все неинтересно получается. Вы думали, что у Томата какой-то грандиозный план, что он задумал какое-то преступление. А тут — какая-то сомнительная икона. Но, во-первых, у Томата кроме этой иконы не было ничего достойного восстановления. А во-вторых, запомните, что Томат — никакой не преступник, просто не очень приятный человек, корыстный, зануда, но никакой не преступник. Он всегда старается воспользоваться выгодными обстоятельствами. И очень спешит при этом. Потому он так и не разбогател. И не разбогатеет. Масштаба у него нет.

К тому времени когда я добрался до гаража, самое главное уже произошло. Машина была запущена, а икона на подносе уже заложена в нее.

Поэтому когда я заглянул в щель двери гаража, то увидел, что освещенный лампочкой под потолком стоит у

пульта Макар. По его спине было мне понятно, как он взбешен и растерян. Неподалеку стоял Томат и не отрываясь смотрел на руки Макара, словно мог его проконтролировать.

Я не вышел сразу. Несмотря на то, что я все знал заранее, оказалось, что я совершенно не представляю, что надо делать дальше. Вот я угадал, остановился, смотрю на них сквозь щель и не двигаюсь.

Машина щелкнула, и Макар ее выключил.

— Все, — сказал он и обернулся к Томату. И вдруг я увидел, что в его глазах горит опасный огонек. Я бы назвал его огнем торжества. Огнем благородного безумия. И ему в этот момент было плевать на институт, на научное будущее — на все. Он победил.

От удивления я не заметил, как отворил дверь и вошел в гараж. Но все так волновались, что меня не услышали и не заметили. Что же такое удалось сделать Макару, что он победил этого Томата? Чему он радуется?

— Давай! — сказал хриплым шепотом Томат. Его обычно приглаженные волосы растрепались, руки дрожали — он был кладоискателем, который вот-вот откроет крышку сундука. И я понял, что если все у него пройдет нормально, он никогда не остановится. Он будет отыскивать еще и еще для нас задания и каждый раз будет пугать нас...

Макар нажал кнопку, поднос медленно выехал из чрева машины.

Вот это номер!

На подносе лежало небольшое бревно, вокруг — кучка разноцветного порошка.

— Что? — спросил Томат. Он еще ничего не понял.

Я чуть не расхохотался. Как все просто! Если в той иконе и был второй слой, то Макар его игнорировал. Он вскрыл еще более глубокую память иконы — память о том,

как она была просто деревяшкой. Бревнышком, из которого сделали доску.

— Где икона? — прохрипел Томат. — Где она, я спрашиваю?

— Вот она и есть, — сказал Макар и имел еще наглость улыбнуться. — Вот ее второй слой.

— Убийца, — сказал Томат и взял бревно с подноса. И даже перевернул его в руке, заглядывая на другую сторону, словно там могла сохраниться первоначальная живопись.

— Чего хотели, то и получили, — сказал Макар.

— Ну нет! — И вдруг Томат поднял бревно и замахнулся им. — Заговорщики! Вредители!

Макар испугался за машину и бросился к нему, но Томат был сильнее. Он отбросил Макара в сторону и бросился к машине.

До того момента я стоял, как пришпиленный к месту. Я был как во сне, как зритель, который знает, что вмешаться в то, что видишь, невозможно. Анна Каренина все рано бросится под поезд. Но когда Макар со стоном упал на пол, а Томат бросился к машине, я пришел в движение. Бессознательно.

Я даже не помню, как мне удалось подставиться под удар, направленный на пульт. Он просто чудом не сломал мне плечо — ведь был он, как сумасшедший, изо всей силы. Рука сразу онемела, но я все равно закрывал собой машину и старался при этом одной рукой вырвать у него дубинку-икону.

Не знаю, чем бы это кончилось — но на помощь ко мне пришел Макар и сонный Кролик. Оказывается, он услышал шум в гараже и пошел проверить.

Когда мы скрутили Томата, к этому времени уже пол-экспедиции сбежалось к полю боя. Рука болела страшно. Томат никак не мог прийти в себя, он все еще ругался и со-

вал всем в лицо дубинку, крича, что это — Андрей Рублев. Дубинку у него отобрали. У меня жутко болела голова, а про руку и говорить не приходится. Я даже плохо соображал. Как сквозь воду, ко мне доносился сбивчивый рассказ Кролика, в котором все получалось наоборот. Оказывается, это злоумышленник Томат ворвался в гараж, а я, оказывается, жертвуя собой, спас эту машину.

Кто-то побежал за врачом, Донин смотрел на меня как на героя и мне очень хотелось оставаться героем, но я понимал, что это будет уже слишком. Поэтому я сказал:

— Да не спас я ее, а чуть не погубил. Я во всем виноват.

— Бредит, — сказал Кролик. — По голове ему дали, вот и бредит. Я сам видел, как он машину спасал.

— Это я уже потом, — сказал я. — Потом, понимаете?

— Такой худенький, а герой, — сказала Шурочка.

— Нееет! — закричал я.

Но они меня не слушали.

Только на следующий день все стало на свои места.

Это был не очень приятный день.

Но два утешения все же были.

Во-первых, из экспедиции нас все же не выгнали.

Во-вторых. Томат уехал. И полагаю, навсегда. А Люся переживает. А завтра она пообещала, что придет на танцы в экспедицию.

СО СТАРЫМ ГОДОМ

Почти закон: под Новый год в Москве оттепель. Две недели природа засыпает город снегом и инеем, машет простынями метелей, украшает окна и витрины белыми узорами — и вот, за несколько часов все это великолепие размокает.

С неба сыпется мокрая крупа, сугробы съеживаются и темнеют, насморк и кашель набрасываются на население столицы — но новогоднему настроению эти неприятности не мешают.

Люди — мастера обманывать себя надеждами, что наступающий год в два счета покончит с бедами, обманами, болезнями, разочарованиями — утром проснешься и все уложено, даже умирать никто не будет.

Способность человечества к самообману просто фантастична. Казалось бы, за миллион лет пора бы повзростились, набраться печального опыта...

Примерно так размышлял Егор Чехонин, поджидая автобус в Медведкове и наблюдая за тем, как скользит, топорится к остановке толстяк в дубленке, волочит сетку, полную зеленых кубинских апельсинов, а под мышкой

зажал бумажный сверток, из которого жестко торчит хвост горбуши.

Рассуждения о человеческой наивности не были данью минутному настроению. Если кто-нибудь в Москве имел право осуждать предновогоднюю суэту — им был Егор.

Подошел автобус. Он был неполон, но казался полным, потому что женщины предпочитали стоять в проходе, бегрели платья, не садились. А мужчины стояли из солидарности. Только толстяк уселся перед Егором, положил сетку на колени, а горбушу держал на весу — хвост к потолку.

В автобусе пахло духами. Озабоченно смеялись женщины. Кто-то ахнул: Неужели забыли? Чего забыли?

Егор смотрел в мокрую темноту за окном автобуса и заново переживал разговор с Гариком, причем теперь-то он находил нужные, ядовитые слова и неотразимые аргументы. Но что за радость махать шашкой вслед умчавшемуся врагу?

...Целый час Егор ждал Гарика на лестнице. Уже давно стемнело, хлопали двери, отовсюду сбегались съедобные запахи, а Егор с утра ничего не ел.

Он забыл о голоде, пока разыскивал новый адрес этого Гарика, ехал сюда, бродил среди одинаковых корпусов, репетировал мысленно, что он скажет Гарику и что ответит ему Гарик, как Гарик будет врать и изворачиваться и как он прижмет Гарика в угол и как Гарик, в конце концов, сдастся и принесет магнитофон. Но Гарика все не было и жуткий, терзающий голод завладел Егором и может быть именно он лишил его аргументы убедительности и силы. Потому что, когда Гарик, наконец, пришел — распахнул дверь лифта, расстегнул дутое, словно кремом наполненное пальто, доставая из фирменных джинсов ключ, увидел вскочившего с подоконника Егора, узнал,

махнул толстой рукой, приглашая заходить, в этот момент Егор совершенно забыл, как следовало говорить с Гариком.

Потом они стояли посреди пустой комнаты — только неубранная койка в углу, рок-звезды из журналов на стенах, проигрыватель с громадными выносными динамиками, кипы дисков на журнальном столике. Они стояли, Гарик скучал, потому что знал, чем кончится разговор, а Егор никак не мог пробиться сквозь эту скуку и тоже догадывался, чем разговор кончится.

— Но ты же брал, брал же?! — Егор запомнил лишь свои слова, ответы Гарика начисто вылетали из головы. — Ведь ты обещал отдать? Не помнишь?.. Я напомню. Отцовский магнитофон, «грундик», двухкассетник, стерео, я его с собой в школу взял, головка полетела. Смирницкий из десятого «Б» мне твой телефон дал. Ты обещал за три дня сделать, позавчера вернуть. Я тебе две кассеты за это отдал. Отдал ведь?.. — А Гарику было скучно слушать Егора, ведь он не знает никакого магнитофона, ничего не знает и вообще ему пора уходить, а может, он ждет гостей... А вот это Егор запомнил.

— Ты бы расписку взял, — Гарик говорил сочувственно. — Хоть какой-нибудь документ. Разве можно так легкомысленно людям доверять? Ведь никто не видал, как ты мне ящик передавал.

Потом разговор как-то еще продолжался. Почему-то Гарик пошел на кухню, поставил чайник, открыл холодильник, начал считать в нем бутылки. А Егор стоял в дверях кухни и говорил, хотя ему было стыдно говорить и просить. А Гарик не шумел, не бил себя в грудь, не выталкивал Егора из квартиры, терпел и скучал и занимался своими делами.

— У тебя совесть есть?

— Жалкие остатки, в ближайшее время постараюсь от-
делаться. — Гарик говорил искренне, он смотрел на Егора
сверху — он был на голову выше незванного гостя, а Егор
жалел, что у него нет пистолета. Вынуть бы пистолет и
увидеть страх на этом самодовольном розовом лице.

Потом Егор ушел. Как — тоже вылетело из головы.

Он не сразу поехал домой. Наверно, целый час брел по
улице, скользил по мокрому снегу, и снова повторял уже
ненужный разговор с Гариком, находя куда более убеди-
тельные слова, но возвращаться было поздно.

А потом Егор вдруг увидел на столбе часы. Часы пока-
зывали без пяти десять.

И тогда, хоть в этом не было никакого смысла, Егор
поспешил к автобусной остановке.

Между ним и другими людьми в автобусе возникла
стеклянная перегородка. Сквозь нее плохо проникали
звуки. Почему-то не отпускал голод. Хотелось вытащить
за хвост горбушу из бумажного пакета и сожрать с чешу-
ей. Егор вышел из автобуса и стеклянная перегородка ос-
талаась вокруг. Навстречу шел человек с худосочной ел-
кой, елка задела Егора за рукав и несколько иголок
осталось на рукаве — а как же елка прорвала стеклянную
перегородку?

Идти домой было бессмысленно. Мать спросит: «Куда
пропал? Где хлеб? Мы что же, без хлеба на Новый год ос-
танемся?» Хлеба он не купил — до встречи с Гариком
было не до этого, а после поздно, все булочные уже за-
крылись. Отец загремит: «Ты принес магнитофон?» Маг-
нитофон был любимой, дорогой, новой игрушкой отца и
тут уже ни возраст, ни солидность — ничего в расчет не
идет. Может быть когда-то и Егор был самой новой и до-
рогой игрушкой отца, может, и мать когда-то побывала в
таких игрушках. Но сегодня самая любимая игрушка —

магнитофон. И магнитофона нет. Когда утром отец спохватился — вышла сцена, которую невозможно описать. Не потому что она была шумной — наоборот — весь разговор шел на полутонах. Цепочки лжи, придуманные Егором, были неубедительны, фальшивы и противны ему самому. И все это «ну, поверь, папа», «я обещаю, папа», «даю слово, папа» — были лишь жалкими попытками оттянуть время и даже убедить самого себя, что он, наконец, отыщет этого Гарика и все кончится хорошо...

Все кончилось плохо.

... В метро то же, что и в автобусе. Казалось, что вагон движется не только в пространстве, но и во времени. Он несет всех этих возбужденных, веселых, задумчивых людей к границе, стоит перейти которую — начнется новая жизнь. И граница не вымышленная. Она реальна для всех этих людей и важна, потому что если бы не Новый год, отец бы мог смилостивиться, хотя бы снизойти до попытки понимания. И не было бы тех слов: «Без магнитофона можешь не возвращаться».

Вагон несется в будущее, к границе года и все, как туристы, подготовили фотоаппараты и записные книжки. — «Ах, как интересно, мы этого еще не видели!». А почему!?, А Егор должен ехать с ними? Ему там нечего делать. У него нет фотоаппарата и записной книжки, ему некому сказать: «Смотри, как здесь красиво!». Ему даже показалось, что если подождать, пока все выйдут, а самому остаться, то можно вырваться из этого проклятого обязательного движения к следующему году — как вагону, который отцепили от поезда и забыли на запасном пути. Он помедлил — все уже вышли, унося тревогу, ожидание и нетерпение — но тут механический голос произнес: «Просьба освободить вагоны. Поезд дальше не пойдет», в

окно заглянула дежурная в красной шапочке помахала ему — чего же ты, все спешат...

Егор покорно вышел и побрел к эскалатору. Вдруг родилась надежда, что наверху прорвет подземную реку и голубой холодный поток рванет к туннелям, сметая всех вниз, первым делом его самого — и тогда можно будет не возвращаться домой.

Даже если не погибнешь, можно будет сказать, что магнитофон унесло потоком в глубины Земли. Отец тогда скажет: «Бог с ним, с магнитофоном, главное — ты выкарабкался!»

Подземная река в тот день не прорвалась. И ничего не помешало Егору подняться наверх.

В вестибюле у телефонов-автоматов, у стены, облицованной желтой, веселенькой плиткой, стояла худенькая девочка, лет десяти. На ней было тонкое, перешитое, затертое на рукавах и животе сиротское клетчатое пальтишко. Из-под повязанного по-взрослому платка выбивались прямые темные волосы, тонкими брови были высоко подняты.

Девочка стояла прямо, напряженно, готовая побежать навстречу. Она ждала кого-то, и ее не замечали те, кто спешил веселиться — им не хотелось, да и некогда было ощутить ее одиночество и тщетное ожидание. И Егор понял, что девочка — единственный человек, который, как и он не принадлежит празднику и не спешит пересечь границу. Он хотел было подойти к ней, но конечно этого не сделал. Что ты скажешь ребенку — только испугаешь.

Было десять минут двенадцатого.

До дома — шесть минут. Тысячи раз измерено, проверено, испытано за шестнадцать лет жизни. Шесть минут он растянул минут в пятнадцать. Еще пять минут простоял на дворе, глядя на мелькание теней в своих окнах —

уже гости съехались, собирают на стол, мать беспокоится — не из-за него, а потому что он не купил хлеба, а как скажешь гостям, что нет хлеба, не пойдешь же к соседям в новогоднюю ночь занимать три батона. А отец уже в который раз спрашивает, словно именно мать где-то прячет Егора: «Интересно, как ты намереваешься провести праздник? Вообще без музыки?». Словно музыка — какой-то документ, паспорт, с которым пускают за ту границу. В глубине души Егор допускал: мать могла решить, что он попал под машину и заставляет отца звонить в милицию. Права на беспокойство Егор давать родителям не хотел. Даже хуже, если они звонят в милицию — стоит ему войти в дом, как к негодованию хлебному и магнитофонному присоединится негодование за опоздание. Это будет третий и самый непростительный грех: «Ты заставил нас всех волноваться!»

И тогда Егор понял, что никуда он не пойдет. Не перейдет он с ними границу. Лучше остаться на дворе, бродить по улицам что угодно... Но ведь если он не вернется, рухнет праздник не только у родителей, у всех гостей — они будут всю ночь носиться по моргам, пугать звонками приятелей и знакомых... Мстительного чувства Егор не испытывал — загубить им праздник, значит, лишить себя права на жалость к самому себе. Вернуться домой — невозможно. Не вернуться — нельзя. Но как получить отсрочку?

Он отыскал в кармане две копейки, подошел к автомата

— Сергей? — хорошо еще, что Сергей сам подошел к телефону. — Это я, Егор. У меня к тебе просьба.

— Ты из дома? Перезвони мне, а то в дверь тарабанят. Гости идут.

— Открой им и возвращайся. Я не из дома.

— Беда какая-нибудь?

— Скорей же.

Мимо автомата прошли Семиреченские. Когда-то они были тетя Нина и дядя Боря. Теперь как-то превратились в Нину и Борю — разница в возрасте стирается. Одно дело, когда им по двадцати три, а тебе три. Другое — когда тебе уже шестнадцать, а им сорока нет.

— Я слушаю, — сказал Сергей.

— Позвони моим, скажи, что я только что от тебя вышел, бегу домой.

— Ты с ума сошел! От меня до тебя больше чем полчаса ехать. Ты что, Новый год хочешь на улице встретить?

В голосе Сергея искренняя тревога. Он такой же как все. Ему немыслим вариант, при котором твой друг не принимает участия в торжественном переходе границы вместе со всем прогрессивным человечеством.

— Позвони, а то они беспокоятся. Я тебе потом объясню.

— Слушай, что случилось? Это с магнитофоном? Не получилось? — Сергей предлагал поехать вместе. Но это ничего не меняло — Гарика без миномета не проймешь.

— Не получилось. Да ты звони, а то Новый год пропустишь.

— А ты?

— Мне уже все равно.

— Не психуй! Хочешь, приезжай ко мне. Я своих стариков мобилизую тебе в поддержку.

Егор бросил трубку. ... Без двадцати двенадцать. Окна отсюда не видны, надо выйти из автомата и пройти до конца заснеженного газона. Егор нашел еще две колейки. Сначала надо перезвонить Сергею.

Было занято. С третьего раза пробился.

— Ну что?

— Твоя мамаша волнуется. Собиралась уже в милицию звонить, Ты вообще — псих или как?

— Спасибо, Сережка. Я пошел.

— И поскорее. В новогоднюю ночь легче получить индульгенцию, чем в другой день. Так что бросайся им в ноги, может, поймут. Послушайся моего мудрого совета.

— С наступающим!

Щелкнул рычаг. Длинный гудок.

А что дальше?

А впрочем, известно, что дальше. Надо подняться на верхний этаж. Там площадка перед чердаком, иногда там целуются пришлые парочки. Вряд ли кому придет в голову забираться туда в новогоднюю ночь.

У лифта никого не было — рука сама нажала на кнопку пятого этажа, пришлось жать на «стоп», и снова — уже на девятый.

Егор вышел из лифта. Четыре квартиры и железная лестница наверх. Он задержался на площадке, стараясь среди торопливых — последние минуты — звуков угадать те, что доносились с пятого этажа. А зачем? Он никому не нужен. Даже Сергею, который уже, наверное, забыл о его существовании.

Егор на пошел наверх, на чердак. Он начал спускаться по лестнице. Восьмой этаж, седьмой... Этажом ниже остановился лифт застучали запыхавшиеся шаги — звонок в дверь — торопливый и нервный, дверь открывается и на всю лестницу — переполох голосов:

— Успели все-таки! Какое счастье! Успели!

Они-то успели. Теперь поедут со всеми вместе. Что ж, если это кажется кому-то счастьем...

Егор подождал, пока дверь захлопнулась и отрезала звуки, затем пошел дальше. Нет, он не думал, что войдет к себе — только до двери и тут же обратно. Он не прини-

мал решений — какая-то тупость овладела им, ноги шли, вот он им и подчинялся.

А ноги принесли к своей двери. Он остановился. Ничего не было слышно — только гул голосов. Гул показался Егору тревожным — может, они все-таки решили не управлять без него? Может, они — бывают же движения души — поняли, как ему гадко?

Рука сама достала из кармана ключ, сунула его в скважину, повернула. Дверь отворилась. В прихожей было много пальто и шуб — они перегрузили вешалку и лежали грудой на стуле, а внизу как в магазине, в ряд женские сапоги.

Теперь можно было различить отдельные голоса. О нем ли?

Голос Бори Семиреченского:

— Ну, у всех налито? Артур, телевизор включил?

— Включил.

Голос отца:

— А то упустим!

А мать? Вот и ее голос:

— Боря, положи себе рыбки, ты имеешь манеру не закусывать.

Вот о чем она думает в эту минуту! Из телевизора доносятся ровный морской шум Красной площади.

Егор так и стоял с ключом в руке. Никто не почувствовал, что он здесь. И при чем чувства? Они сейчас подходят к границе. Впереди замечательные туристские дали, в которых они отлично обойдутся и без него. Все обойдутся без него. Весь мир.

И тогда он понял, что может не идти с ними. Надо повернуться, выйти из двери и остаться на платформе, отпустив поезд. Пусть едут, будьте счастливы...

Били куранты. Он помедлил, дожидаясь первого удара часов.

Раз... два...

Егор осторожно затворил за собой дверь. Щелкнул замок.

Он медленно пошел вниз по лестнице, зная, что к тому времени, как он достигнет первого этажа, часы перестанут бить и диктор задушевно скажет: «С Новым годом, товарищи!»

Он не услышал последнего удара и этих слов. В доме было тихо. Словно шум, запахи, звуки музыки за дверями, удаляясь и тая, уехали за пограничный столб, а он, Егор, остался на опустевшем перроне с неуверенно поднятой рукой — все равно никто уже не глядит из окон вагона.

Снег стаял за те минуты, пока Егор бродил по лестнице. Было не очень холодно, как ночью в сентябре и асфальт был серым, чуть влажным.

И была не ночь. И не день. Небо стало серым, его заслонило тяжелыми беспроблескными тучами.

И еще: ни в одном из окон дома не горел свет. Окна катились слепыми, стекла не блестели. Никто в этом доме не жил.

Это не удивило Егора. Было удовлетворение. Удалось! Иму удалось. Он этого, кажется, хотел?

Потом возникло удивление. Он, разумеется, никогда не задумывался, каково оказаться вне человечества, одному по сю сторону границы, но все равно удивился тому, что в прошлом году остались дома, асфальт, небо — какие-то признаки обыкновенной жизни. А как должно было быть? Впрочем, ничего удивительного нет. Дома ведь не движутся сквозь время вместе с людьми — они и в прошлом и в будущем. А животные? А растения?

На второй вопрос ответ нашелся сразу. Деревья, чахлые саженцы, посаженные в прошлом году посреди двора, исчезли. Лишь одно из них, что засохло еще осени, осталось над покосившейся скамейкой.

Тогда пришло любопытство.

А что дома? Подняться наверх и поглядеть?

Почему-то не хотелось. Не то чтобы страшно, но не хотелось. Улица — ни к чему не обязывающее безликовое место. А дома, даже если там никого нет, надо встречаться с чем-то, принадлежавшим тебе.

Егор вышел из ворот.

Улица была пуста, как бывает в предрассветный час, весной или осенью, в беспогодье. Нет еще троллейбусов и дворников, а запоздавшие пешеходы добрались до дома. И легли спать. Егор даже улыбнулся, потому что пешеходы не легли спать — а лягут завтра, в следующем году.

Вместо сквера по ту сторону улицы была серая пустота, через нее тянулись в два ряда скамейки.

Егор подошел к скамейке, пощупал рукой ее холодную, чуть влажную спинку — вдруг ее на самом деле нет? Но скамейка была.

Можно даже сесть на нее.

Егор сел. И понял, что за последние несколько минут он устал так, словно весь день таскал мешки на овощной базе.

Ты живешь шестнадцать лет в обыкновенном мире. Ты точно знаешь, что чудес не бывает и если летающие тарелочки где-нибудь приземляются, то конечно же не на твоем дворе. В книгах бравые капитаны летают на Луну или сражаются с пиратами. В жизни ты получаешь пару за сочинение и отец решает, что это замечательный предлог, чтобы отказаться от своего обещания купить тебе велосипед. Если бы ты прочел где-нибудь о молодом человеке

Е., который не захотел идти со всем человечеством в следующий год, потому что у него были сложные отношения с родителями и неким Гариком, ты бы улыбнулся и вернее всего отложил в сторону такой рассказ, потому что к фантастике, в отличие от многих других подростков, ты совершенно равнодушен. И вот тебе на!

Егору захотелось зажмуриться и он зажмурился. Потом потер зажмуренные глаза. Потом, дернув головой, резко открыл их...

Вокруг была та же серая пустота, беззвучная и оттого вязкая и тяжелая.

Сейчас я закричу, сказал себе Егор, словно угрожал кому-то. Он попытался крикнуть, но получился шепот, потому что нельзя кричать в такой пустоте. Вместо этого Егор сильно ударил кулаком по мокрой скамейке, и кулаку стало больно. Оставалась последняя надежда, что все происходящее — временное умопомешательство, психоз. Но и на это было мало надежды — сумасшедшие никогда не знают, что они сумасшедшие.

Значит, чудеса бывают, значит, мир совсем не такой прост как на уроке обществоведения, и надо потерпеть, пока он вернется в свои границы — так попавший в наводнение человек отсиживается на крыше дома.

Это обязательно кончится, сказал себе Егор. Это скоро кончится. Только не надо психовать. Я совершенно спокоен. И считаю до ста и поднимаюсь со скамейки.

Егор досчитал до пятидесяти и ему надоело сидеть и считать.

Он поглядел на часы. Часы стояли на двенадцати. Стояли. Хотя утром он заводил их. Егор покрутил завод до упора. Но часы не пошли. Егор потряс в воздухе рукой. Пустое дело.

Время остановилось, потому что его нет, и часам нечего измерять.

Все это не сон. Значит, здесь придется оставаться, жить, есть, спать, просыпаться... и одному? Запас злорадства, какой-то гордости от того, что можно, оказывается, утехи от всех, испарялся. И стало неуютно. Вернее страшно. Егор вскочил — ему показалось — что-то ползет между дальними скамейками. Нет, это поднявшийся ветерок гнал по земле тряпку.

Страшно. Словно в ночном лесу. Любой человек боится черного леса и не может объяснить, почему. Грабителей нет в этом лесу. Волки давно перевелись. Леших и привидений не бывает. Но страшно. Это, наверно, самое древнее из чувств, сохранившихся в человеке — с тех времен, когда лес был смертельно опасен, ночами по нему бродили пещерные волки и тигры, а человек был перед ним беззащитен.

Но ведь лес кончается. Из него можно убежать. И там, за краем леса обязательно будет деревня, или просто домик, в которой живут люди. А здесь?

...Скамейки отлетали назад как столбы за окнами поезда. Егор поскользнулся, чуть не упал, выбегая на мокрую мостовую — он бежал к метро, словно там должна была быть какая-то избушка, должен кончиться лес. От того, что в городе не было ни единого звука, ни крика птицы, ни звона трамвая, ни далекого гудка — звук, топот, грохот шагов Егора заполняли истосковавшийся по звукам воздух, который пережевывал их, смаковал, выпускал наружу, гонял над крышами, дробил на части и снова кидал в уши Егору. Егор замедлил шаги, старался идти тише, но ничего из этого не вышло — воздух чутко прислушивался и не упускал ни единого звука.

Деревья и кусты вокруг метро «Университет» тоже исчезли, оставив темную землю, полоски асфальта и окруженную киосками асфальтовую площадку. Киоски нарушили безжизненность города и Егор поспешил к ним, вспоминая на бегу, что раньше было в ближнем из них. Мороженое? Правильно, мороженое. Странно, что совсем не хочется есть... Киоск был пуст, словно приготовлен к ремонту.

В следующем, цветочном, стояла пустая ваза, в журнальном висели выцветшие бумажки и старый номер журнала «Пчеловодство» внутри киоска было темно, свет не достигал туда и можно было только угадывать, что в глубине — вороха бумаги, неразобранные стопки газет. В кондитерском обнаружилась полуоткрытая коробка из-под круглого торта, совсем пустая, даже без крошек, с жирным темным пятном от крема на стенке.

Как удалось некоторым случайным вещам вывалиться из потока времени и очутиться в этой пустоте. Кто последним держал в руке эту коробку?

Егор стоял, разглядывая коробку, как загадку, которую требовалось решить, и от этого зависело, перейдет он в следующий класс... И тут он услышал далекие, четкие шаги — они доносились со стороны проспекта, оттуда, где заворачивались кольцом трамвайные пути.

Егор не испугался этих шагов, но и не испытал радости как древний путник в лесу он понял, что нельзя бездумно убегать прочь. Важнее, не выдавая себя, узнать, кто идет.

У дальнего угла, за трамвайными путями шел человек. Вот-вот он скроется за углом. Егору захотелось его остановить...

— Эй, погодите!

Но крик оказался слабым, собственный голос обманул Егора. Человек не услышал.

— Эй! — снова крикнул Егор, уже на бегу. Он споткнулся о рельс, чуть не упал.

За углом никого. Проспект голый, без деревьев и оттого куда более широкий, чем раньше, уходил в туман. Может, почудилось.

Тупое разочарование овладело Егором. Как после встречи с Гариком. Также сначала была надежда, а теперь — полное одиночество.

Возвращаясь к метро, Егор пытался представить себе, каким же он был — тот человек? Высокий и худой. А как он был одет? В темное. Пальто? Наверно, пальто.

Еще одна неожиданность: сквозь стекла дверей метро был виден теплый свет.

Егор толкнул дверь, она послушно открылась. В ряд у стены стояли разменные автоматы, напротив — театральный киоск с приклеенными изнутри к стеклу пожелтевшими афишами, за проемом — круглый зал, откуда спускаются эскалаторы. Над залом горел светильник.

Егор прошел внутрь.

У выхода, у телефонов-автоматов, стояла та самая девочка с острым лицом. Из-под повязанного по-взрослому платка торчали темные косички. Между Егором и девочкой был металлический барьер.

— Ты чего здесь стоишь? — спросил Егор.

Девочка поглядела на него и не ответила. Она обратила взгляд к пустому, замершему, уходящему в темную глубину эскалатору, словно надеялась, что он снова двинется и привезет к ней того, кого она ждет.

Егор перепрыгнул через барьер и подошел ближе.

— Я когда тебя увидел, — сказал он, — сразу подумал, что тебе Новый год до лампочки.

— Чего! — спросила девочка, не оборачиваясь. Будто Егор ей мешал и она терпеливо дожидалась, когда он уйдет.

— Что ты тоже останешься, — сказал Егор. Он не мог объяснить ей, что рад ее здесь видеть.

Девочка пожала плечами. Клетчатое пальто было ей коротко, а ноги — как палки. Лампа над головами начала тускнеть, словно кто-то вспомнил, что пора выключать свет.

— Больше никто уже не приедет, — сказал Егор.

— Да?

— Ты чего же стоишь? Пойдем отсюда. Здесь темно.

— Я не пойду.

— Глупая, там же никого нет.

— Он обещал.

— И метро уже не работает, — сказал Егор терпеливо. Здесь был человек, который слабее его, о котором надо будет заботиться, а это важно в мире, в котором все неизвестно.

Лампа часто замигала и погасла. Лишь слабый свет проник снаружи сквозь стеклянные двери. Девочка сделала несколько шагов вперед, словно хотела заглянуть вниз. Егор не мешал ей, но она остановилась перед непроницаемой темнотой и вдруг спросила:

— Ты где?

— Здесь я, — ответил Егор. — Пошли.

Они вышли в серый воздух. Девочка шла рядом, вцепившись Егору в рукав пальто, словно очнулась и испугалась.

— Светает уже, — сказала она.

— Здесь всегда так, — сказал Егор, хоть и не был в этом уверен.

— Светает, — упрямо повторила девочка.

— Да ты посмотри, — сказал Егор, — снега-то нет.

— Снега нет.

Они стояли у входа в метро. Впереди был виден пустой вагон трамвая, трамвай был старый, такой Егор видел в кино про войну.

— Как тебя зовут? — спросил Егор.

— Люська, — сказала девочка. — Люська Тихонова.

Она поглядела на Егора и он увидел какие у нее высокие, тонкие и правильные, словно циркулем наведенные брови. Брови поехали вверх.

— Ты чего? — спросил Егор.

— Ну, я пошла, — сказала Люська Тихонова.

— Куда ты пойдешь?

— Домой, — сказала она, но после слова был маленький знак вопроса.

— Не ходи, — сказал Егор. — Я думаю, что здесь никого нет. Только ты и я.

Брови опять убежали наверх. Зрачки у Люськи были светлые и прозрачные. Она была готова поверить ему.

— Ты не хотела со всеми в Новый год идти, — сказал Егор. Он не спрашивал, а объяснял.

Люська кивнула.

— Вот все ушли, а ты осталась.

Люська снова кивнула, словно тысячу раз такое проделывала. А на самом деле ничего не поняла, потому что сказала:

— Ну, я пошла. Домой.

— Ты далеко живешь? — спросил Егор.

— За углом, вон в том доме.

— Пойдем вместе, сама посмотришь, что никого нет.

Люська быстро пошла к трамвайным путям. Егор вспомнил, что там недавно был человек — тогда, за себя он не так боялся — он мог бы убежать. Но теперь с ним

девчонка. Егор оглянулся, палку бы найти, но ничего не увидел.

Люська вдруг замерла, глядя вверх.

— Это твои окна?

— Спят они, — сказала Люська.

— Ну ты идешь?

— Нет.

— Испугалась?

— Не хочу.

— Слушай, я тебе русским языком говорю — никого там нет. И вообще в Москве никого нет. Все ушли.

— Куда ушли? — брови побежали вверх.

— Вперед ушли, в следующий год.

— А мы?

— А мы остались.

— И Константина нет?

— Какой Константин?

— Это ужасный человек! — Брови изобразили крайнюю степень удивления: как можно не знать Константина? — Он у нас живет. Раньше приходил, а теперь совсем живет...

В тумане, затянувшем подворотню, возникла странная, даже зловещая фигура. Егор не сразу догадался, что этого человека он видел несколько минут назад.

Сразу бросилось в глаза, что он нес в руке тяжелый, черный лом. Потом Егор увидел, как странно этот человек одет — в распахнутое черное пальто без одного рукава, вместо него оранжевый рукав рубашки. И уж в последнюю очередь обозначилось лицо — мятое, серое, все висит: нижняя губа, щеки, и даже нос, — дай им волю — вообще бы сползли на грудь.

Егор попытался закрыть собой Люську, а Люська не усмотрела в человеке никакой опасности, укоризненно сказала:

— А сам говорил — никого нету!

Человеку было тяжело волочить лом, он остановился, закинул его на плечо. Только тут Егор увидел, что человек бос.

— Пыркин, — спросила Люська, — ты куда пошел?

— Люська? Помнишь меня?

— Как же не помнить — ты мне конфеты давал.

— Не помню, — сказал Пыркин и пошел мимо. Лом скашивал его в сторону, плечо задралось.

Егор с Люськой невольно пошли следом. Пыркин вдруг замер поглядел на них и спросил:

— Собачонку мою не видали? Собачонка моя пропала. Жулик пропал. Не иначе как ублюдки сманили.

И тут же поспешил прочь, словно не нуждался в ответе.

— Ты его знаешь? — спросил Егор.

— Я всех во дворе знаю, — ответила Люська. — Он у нас в доме жил. В прошлом году пропал. Как раз под Новый год. С милицией искали, собаку приводили, овчарку, честное слово, черная совсем, а брюхо серое. Не веришь?

— И не нашли? — Вопрос был глупый. Если он здесь, конечно не нашли.

— Не нашли. Он же алкоголик. Лечился даже. Мать говорила, счастье, что его от нас забрали.

— Ты говорила, что он сам пропал.

— Как будто пропал, а некоторые думали, что забрали. С придурью он.

— Так он что же, уже целый год здесь?

— Он здесь всегда жил, — Люська не поняла вопроса. Издали, набирая силу, словно надвигающийся гром, пошел грохот и звон.

— Ой, это Пыркин. Всегда так, напьется и хулиганит, — сказала Люська. — Ужасный человек.

Пыркина увидели на другой стороне улицы, где на первом этаже большого желтого дома раньше был продовольственный магазин. Громоздкий дом стоял в глубине, за сквером, теперь сквер пропал и длинная черная фигура Пыркина видна была издалека. Он снова поднял лом и как копье вонзил его в витрину. Витрина вдребезги. Грохот покатился над улицей и угас вдали — без эха, без отзыва.

— Ой, что будет, что будет, — приговаривала Люська, топотча сзади Егора. — Опять в милицию загремит. Такая витрина, наверное, тысячу рублей стоит...

В Люське сочеталась девчонка, наивная и беззащитная, с трезвой старушкой, которая все уже видела и все знает.

Когда они подбежали к магазину, Пыркина на улице не было. В груде стекла валялся лом. Пирамиды консервных банок в витрине были разрушены, а изнутри, из темноты доносилось шевеление и треск.

— Пыркин, вылезь, — сказала Люська строго. — Милиция приедет.

Пыркин отозвался не сразу.

— Не приедет, — сказал он. — Рад был бы увидеть ихнюю шинель. Нет здесь никакой милиции.

Он показался в витрине, словно портрет в раме. К груди он прижимал ящик, из которого торчали горлышки бутылок.

Поглядев на ребят, он развернулся задом и, опустив босую ногу, старался нащупать ею асфальт.

— Обрежешься, — сказала Люська. — Тут же стекла.

— Нет, — сказал Пыркин, — не обращай внимания.

Стекла захрустели под ступней.

— Пошли, — сказала Люська Егору, — ты его не знаешь. Обязательно милиция приедет.

— Да сколько тебе говорить! — воскликнул Пыркин, опуская ящик на кучу стекла. — Нет здесь милиции, и вообще неизвестно, где мы пребываем, вернее всего за грехи на том свете.

Пыркин вытащил из ящика бутылку водки, подцепил желтыми зубами блестящую крышечку и выплюнул на мостовую.

— Ну, с праздничком, — сказал он и опрокинул бутылку над раскрытым ртом. Водка лилась туда, словно в воронку, но, наполнив рот, она хлынула по подбородку на черное пальто.

Пыркин с отвращением фыркнул, остатки водки фонтаном брызнули изо рта.

Он забросил бутылку за скамейку.

— Вот так всегда, не выпьешь, не закусишь.

Он наступил на груду стекла и осколки расползлись из-под него в разные стороны, протянул грязную руку к ящику, вытащил еще одну бутылку, открыл и начал медленно лить водку на асфальт.

— Чепуха и сплошной обман.

Он запахнул пальто, на котором не было ни одной пуговицы.

— А вы-то чего? — спросил он, — пошли со мной. Чего вам здесь в пустоте гулять.

Егор с Люськой переглянулись.

— Если думаешь, что у тебя кто дома есть, — добавил Пыркин, — то ошибаешься. Никого у тебя дома нет.

— А я и не хотела туда идти, — сказала Люська, ссыкаясь с места и спеша за Пыркиным. — Я туда и не пойду. Там Константин. Я к отцу поеду.

— Никуда ты не поедешь, — сказал Пыркин.

Егор шел сзади. Непонятно, что делать дальше. Навалилась экзаменационная тупость, когда не знаешь билета, и нет ни одной мысли в голове.

Подошли к перекрестку. Светофор смотрел черными пустыми глазами.

— Не оглядывайтесь, — сказал Пыркин. — Нет здесь троллейбусов.

— А сколько сейчас времени? — спросил Егор, чтобы спросить чего-нибудь — уж очень было тихо — только тяжелое дыхание Пыркина, да стук Люськиных каблуков.

— Парень взрослый, в армию скоро, а не понял, — сказал Пыркин. Егор кивнул, он понял.

— А мы вас с милицией искали, — сказала Люська. — Собаку привозили, черную овчарку.

— У меня тоже собачка была, Жулик, — сказал Пыркин. — Сманили.

За новым цирком до самой реки тянулась обширная и пустая равнина. Посреди нее две избы, маленькие окошки выбиты, вокруг утоптано, словно избы поставлены для декорации. Пыркин немного прихрамывал, горлышко бутылки высовывалось из кармана пальто. Люська семенила рядом. Егор несколько раз щурился, чтобы разогнать это видение, но открывал глаза — и снова в десяти шагах черное пальто Пыркина с оранжевым рукавом рубашки, босые серые пятки, А рядом клетчатое пальтишко Люськи, стоптанные каблуки ее ботинок. Что сейчас дома творится — подумать страшно...

Дорога нырнула вниз, отлого прорезая обрыв к реке — они пошли над туннелем, забирая влево.

— Нам немного осталось, — сказал Пыркин, поджидая Егора, — Можно сказать, пустяки, но большие опасности.

Вон там, где эскалатор вниз был — они и сидят. Подстегают. Мы их обойдем. Ясно?

— Кого обходит? — спросил Егор.

— Этих, — коротко ответил Пыркин. Он вынул из кармана бутылку и взял ее как гранату за горлышко, — без оружия нельзя. Вообще здесь даже беспокойней чем у нас.

Он прижал палец к губам, чтобы молчали. Люська вдруг раскашлялась. Пыркин весь сжался, щеки порозовели от негодования, он замахал бутылкой и зашипел как змея.

И тут, по краю откоса, пробежала серая, почти не видная, быстрая тень, замерла и исчезла.

— Все, — сказал Пыркин. — Мы обнаружены.

— Это фашисты? — спросила Люська.

— Хуже, — сказал Пыркин. — Ну, будем прорываться или отступим?

Бутылка дрожала в руке.

— Будут жертвы, ой, будут жертвы, — сказал Пыркин.

— Детей жалко, — он показал грязным пальцем на Люську.

— А зачем мы туда идем? — спросил Егор. — Вы же ничего не объясняете.

— А ты куда хотел? — удивился Пыркин. — Там свои.

Три или четыре тени выглянули на секунду из-за откоса.

— Поджидают, — заявил Пыркин. — Поджидают нас, а это прискорбно, потому что они перекрыли все подходы. И Жулика нет. А то бы помог.

Ребята стояли, не знали, слушаться Пыркина или нет — никакой он не защитник.

Сзади была серая пустыня с избами. До них уже метров триста.

Пыркин пошел к спуску, бутылка с водкой в отстав-ленной руке. Люська припустила за ним. Егор тоже по-шел, стараясь не отставать.

Они остановились над крутым склоном к Москве-реке.

Склон был голым, бурым. Егор уже был готов к тому, что не увидит здесь деревьев, но все равно удивительно, насколько изменился вид. Лишь несколько голых деревьев видны на всей широкой излучине реки от метромоста до окружной дороги. Вода в реке была темной.

Вниз вела тропинка.

— Самый короткий путь, — сказал Пыркин. — Побе-жали.

Никого не было видно.

Пыркин бросился вниз, к реке, мелко перебирая пятка-ми и тормозя в крутых местах свободной рукой.

Это было похоже на детскую игру в войну.

Минуту или две Егор ничего не видел — думал только, как бы удержаться, не покатиться кубарем и не сломать шею — впереди мелькало клетчатое пальтишко, ноги за-ныли от слалома... И вдруг этот полет прервался. Егор врезался в Люську, крепко схватил ее, чтобы не свалить вниз. Еще ниже на земле сидел Пыркин, высоко подняв руку с бутылкой.

— Долой! — кричал он. — Уничтожу!

Призраки поджидали людей здесь, посреди спуска, когда некуда деться: наверх и вниз метров на сто, такой же крутой склон — только здесь площадка, окруженная тре-мя старыми пнями.

Они были призраками, но не театральными, где все как у людей, только загробный голос. Их даже нельзя срав-нить с людьми — тени чего-то, детские наброски, кусочки студня...

Они стояли полукругом молча и хотя лиц у них не было, казалось, что улыбались.

Люська уткнулась лицом в куртку Егора, чтобы не видеть.

— На прорыв! — закричал вдруг Пыркин, метнул бутылку перед собой, она вдребезги, водка темным пятном отметила землю, толпа призраков отшатнулась было — скорее от неожиданности, чем от страха и тут же подвинулась еще на шаг.

Егор попытался отступить, прижимая к груди Люську, но, оглянувшись, увидел, что сзади уже тоже собирались призраки, подпрыгивали, переливались, покачивались, сливаясь воедино, делились снова...

И тут раздался очень громкий в этом безмолвии собачий лай.

Сверху, разорвав цепь призраков, несся черный, маленький, лохматый пес.

Пыркин поднялся с земли.

— Подкрепления прибыли, — сказал он. — Где тебя, сукин сын, носило?

Призраки исчезли. Растворяли в тумане. Словно их и не было.

Пес прыгал, крутился среди людей, показывая радость от встречи с хозяином, от знакомства с Люськой и Егором..

— Не выносят они собачьего духа, вот ведь нечисть какая. А он, стервец, чует. Как увидит, сразу гонять начинает.

— Кто они были? — спросила Люська, чуть живая от страха.

— А бог их знает, — сказал Пыркин равнодушно, словно забыл о приключении. Он потянул носом, принюхался к слабому спиртовому запаху, шедшему от пня, тяжело вздохнул и побрел вниз, осторожно переставляя ноги, пес за ним.

— А почему вы их боялись?

— Они электричеством боятся, а потом высасывают.

Егор вел Люську за руку, она все оглядывалась назад, ей казалось, что призраки идут сзади. Егор подумал, хорошо, что она рядом, и есть кого защищать.

Они вышли на асфальтовую дорогу, которая наискось резала склон. Пыркин прибавил шагу, Жулик вернулся, проверил иду́ли, и снова убежал. Он был здесь свой, ничего не боялся.

Минут через пять они оказались на террасе, которая выходила на набережную. Справа скелетом кузнечика тянулся метромост, за рекой из дымки поднимались кубики домов.

— Эй! — позвал Пыркин и его голос расползся по террасе и заглох где-то неподалеку. — Принимайте гостей.

В дальнем конце террасы, у обрыва, раньше скрытого деревьями, а теперь голого, чернела ниша, а перед ней в сером сумраке светил слабый огонек костра. Рядом кто-то стоял.

Пыркин затрусиł к костру, махая руками, рукав светился, словно одна рука у него была схвачена огнем. Ребята шли медленней, а Жулик остался с ними, чтобы не робели.

У костра стояла очень толстая завитая женщина в лыжном костюме, поверх которого висели в несколько рядов бусы. Пальцы ее рук, словно перетянутые ниточками на суставах, были унизаны кольцами, в которых отражались отблески пламени.

— Гляди-ка, — сказала женщина басом, — молодежь пришла.

— Смена и надежда наша. — Второй человек полулежал на куче одеял, — мы вас давно поджидаем...

Человек был облачен в остатки черного камзола.

— Подходите, не бойтесь, — сказала толстуха. — Чего уж, все свои.

— Это соседка моя, — сказал Пыркин, ткнув пальцем в Люську. Он нагнулся над костром и протянул руки вперед, потирая ладони, словно замерз, но это было неправдой, как и охота за водкой в магазине — никакого холода здесь не было. Тепла тоже не было.

— Что? — спросил человек в камзоле, что лежал у костра, — ублюдки напали?

У него было бледное, острое лицо с очень черными бровями и длинные, по плечам космами, волосы.

— Жулик разогнал, — сказал Пыркин. — Я-то что, я ничего, ребята перепугались.

— Кто-нибудь пускай принесет дров, — послышался голос из глубины ниши. Голос был надтреснутый, дрожащий, но привыкший командовать.

— Новенькие у нас, — хрипло сказал человек в камзоле.

— Слышу, — ответил голос. — Сходи, Де-Воляй, за дровами. Почему я должен повторять!

— Да все вокруг обобрали. Далеко идти придется.

Человек поднялся. В нем сочеталась заторможенность и суетливость. Толстуха кружила, разглядывала Егора, как статую. Из ниши вышел широкоплечий карлик в черном костюме поверх вышитой косоворотки.

Он держал в руке зеркальце, какие бывают в женских сумочках, гляделся в него и причесывался массажной щеткой.

Он сказал толстухе:

— Удивительное дело — не должен бы, а лысею.

— Это вам только кажется, — сказала женщина тягуче и ласково. — Вам любой молодой позавидует. Кудри-то, кудри...

Человек со щеткой поморщился. Кудрей у него не было — жидкие, редкие волосы лежали вплотную к голове.

У него было гладкое, но очень старое лицо. Лицо молодого человека и древнего старика. Молодой старичок.

Лениво, словно избалованный, капризный деспот, молодой старичок кинул щетку в сторону. Егор невольно проклинал за ее полетом. Щетка упала в высокую, по пояс, кучу щеток, гребней, расчесок.

Старичок сказал:

— Каждый имеет право на слабость. У меня она безобидная. Я никогда не причесываюсь два раза одной щеткой.

Он щелкнул пальцами. Толстуха метнулась в темноту и вытащила из ниши потертое низкое кресло с вытравленной на спинке лилией. Карлик подпрыгнул, не оборачиваясь, и опустился в него. Поерзал задом, поболтал ногами в блестящих сапогах.

— Давайте знакомиться, — сказал он. — Приятно видеть в нашем обществе новые лица. Признаться, я ждал вас, очень ждал. Нужна нам молодая, энергичная смена, товарищи.

Толстый палец уперся в грудь Егору.

— Егор Чехонин, Георгий, — сказал Егор послушно.

— А ты, крошка?

— Меня Люська зовут.

Егор почувствовал как ее теплые пальцы отыскали его руку.

Пыркин грузно опустился на одеяло, и стал похож на груду тряпья.

— Ну что ж, — сказал молодой старишок, — а меня зовут здесь...

— Вождем, — подсказала толстуха. — Это наш вождь.

Молодой старишок укоризненно покачал головой, словно толстуха была расшалившейся девочкой.

— В этом прозвище, — сказал он, — есть некоторая доля иронии. Не всем это понятно. А вам?

По берегу брела тонкая поникшая фигура. Сначала Егор решил было, что возвращается человек, посланный за дровами, но нет — фигура женская.

— Я не могу даже устроить ужин в честь вашего приезда. Здесь нет еды...

— Они уже знают, — зашевелился Пыркин. — Я при них водку употреблял.

Вождь наклонил голову, терпеливо пережидая, а когда Пыркин умолк, продолжал:

— И тем не менее у нас праздник, Новый год. И для каждого из нас — юбилей.

— Как вы только догадываетесь, ума не приложу, — подивилась толстуха. Она достала из кармана лыжной куртки сережки с жемчугом, протянула Люське. — Это тебе подарок, от меня.

— Спасибо, не надо, — сказала Люська, — у меня уши не проколотые.

— Мне дана способность, — сказал вождь, — измерять время, которого нет. Я знаю, когда ждать гостей, а когда недругов. И я рад, что это именно вы. В прошлом году мы получили сомнительный подарок — Пыркина.

Пыркин поднял голову, подмигнул и сказал:

— А что? Не нравится, отправляй обратно, а то... И замер, словно забыл, что надо говорить дальше.

— Помолчи, — недовольно поморщился вождь. Женская фигура приблизилась. Это была девушка в короткой распахнутой шубке. Волосы выбивались из-под синего платка, лежали прядями по плечам, ниспадали на спину и на грудь.

— Иди к нам! — крикнула толстуха. — У нас праздник, кадровое пополнение.

Девушка прошла мимо, не обернувшись.

— Долго не протянет, — сказал вождь.

— А здесь умирают? — спросил Егор.

— Вопрос, не лишенный смысла, — сказал вождь. —

Мне приятно встретить живой ум. Я лично беру над тобой шефство.

Это было как в театре. Вождь играл роль, Пыркин играл роль, теперь они хотели, чтобы и Егор играл.

Люська отпустила его руку. Она стояла, глядя на удаляющуюся девушку.

— Здесь можно умереть, — сказал вождь. — К тебе это не относится. Причина, приведшая тебя сюда, вернее всего пустяковая. — Губы вождя улыбнулись, глаза не умели улыбаться. — Такие как ты, не топятся, они, как остынут, опомнятся, начинают предпринимать тщетные попытки покинуть их пост и вернуться туда. — Вождь показал пальцем в гору. — Хотя всем известно, что настоящий мир здесь, а там только сон, видимость!

— А чего, — сказал Пыркин. — Бросайся в речку и потонешь. Как в аптеке. Тогда узнаешь, где видимость, а где напиться можно рабочему человеку.

Фигурка девушки уже скрылась во мгле. Навстречу ей брел человек, что ходил за сучьями. Он волок деревянную голубую дверь. Приостановился, что-то сказал девушке, та не ответила.

— А почему она здесь? — спросила Люська.

— Она потеряла любимого человека, — ответил вождь.

— За несколько часов до Нового года.

Он обернулся к толстухе.

— Когда это было, Марта?

— Давно, — сказала Марта. — И все ходят, ходят. Хоть бы утопилась поскорее.

Де-Воляй подтащил дверь к костру.

— Я ее к нам позвал, — сказал он улыбаясь. — А она молчит. Какая-то неполноценная.

— Молодец, Де-Воляй, — сказал вождь. — Дров надолго хватит.

Де-Воляй встал на край двери и потянул на себя другой конец, чтобы сломать, но не одолел доску. Егор стал помогать ему.

— Что-то сегодня ублюдки суетятся, — сказал Де-Воляй, убедившись, что Егор справится без него.

— У них тоже прибавление, — сказал вождь.

— Мы его Де-Воляем зовем, — сказал Пыркин, — он про свой аппетит рассказывает. Какие штуки в ресторане жрал.

— Не жрал он в ресторане, — сказала Марта. — Я во всех ресторанах была, никогда его не видала.

— Тебя в такие и не пускали, — огрызнулся Де-Воляй.

— Мои рестораны до революции процветали.

Видно, спор был давний, самим спорщикам надоел.

Егор подумал, что если Пыркин здесь уже год, то другие пришли куда раньше.

— Давай, по-дружески допросим новенького, — сказал вождь — Что же тебя привело к нам? Оскорбленное самолюбие? Обида? Несчастье?

Егор пожал плечами. Отсюда, издали, это было уже не важно Прав был маленький вождь. Если бы знать путь обратно — ушел бы домой. Но он не смел спросить, есть ли такой путь, потому что боялся, что пути нет.

— Как хочешь, — сказал вождь. — Мы тебя не торопим. У нас впереди пожизненное заключение.

Марта громко засмеялась.

— Все равно расскажешь, — сказал Пыркин. — Я, например, сюда вывалился по причине пьянства.

— И добился счастья, — захихикал Де-Воляй. — Пей теперь свои бутылки. Хоть по тыще в день. Желаете коньяк — вот вам коньяк, хотите ликер из спецбуфета? Будет вам ликер.

— Это кому как, — возразила Марта. — Не тебе решать, кому ликер, а кому квас. Будет решение товарища вождя — получишь.

— А я разве чего беру? — сдался Де-Воляй.

Вождь наблюдал за своими товарищами с усмешкой.

— А ты, девочка? — спросил он потом у Люськи. — Ты почему не захотела со всеми в будущий год?

— Я отца ждала, — сказала Люська.

— Она с моего двора, — сказал Пыркин. — Папаша их бросил а мать нового завела, Константина. Проще треугольника.

— Он бил тебя? — спросила Марта. — Он бил тебя, крошка? Расскажи, как он тебя бил.

Она готова была заплакать.

— Не бил он ее, — сказал Пыркин, — хотя последнее время не знаю. Вообще-то он непьющий.

Люська молчала.

— А отец для тебя, — спросил вождь, — был руководящей силой?

— Пустой человек ее папаша, — сказал Пыркин. — Без всякого характера.

— Он обещал приехать. Я ему на работу звонила, — сказала Люська.

— Бедное дитя, — сказала Марта. — Ты будешь жить со мной. У меня отдельная трехкомнатная квартира, я ее сама обставила. Ты не представляешь! Все удобства.

— На кой ляд тебе все удобства? — сказал Пыркин. — Если ты ими не пользуешься?

— Она в этих, простите, удобствах, устраивает музыкальные вечера, — сказал Де-Воляй. — Мяукает как кошка. Все засмеялись.

— Подлец! — закричала Марта. — Пошляк!

Де-Воляй устроился на одеялах и правдоподобно задремал, даже стал похрапывать.

— Удивительный аттракцион, — сказал Пыркин, — до сих пор удивляюсь. Вот дрыхнет человек, которому ничего в жизни не нужно. Его отсюда и калачом не выманишь.

Вождь усмехнулся.

— Под моим руководством вверенные мне кадры достигли полного счастья. Они уже все имеют. Какая потребность есть — удовлетворена.

— Только потребностей здесь не бывает, — буркнул Де-Воляй натягивая на нос рваное одеяло.

— Неправда, — возразил вождь. Улыбка чуть тронула его тонкие губы, когда он изящным движением поднял правую руку и щелкнул пальцами. В ответ на этот жест толстая Марта нырнула в пещеру, вытащила оттуда новенькую щетку для волос.

Вождь, простоявший полминуты, пока Марта выполняла его пожелание, с поднятой рукой, тут же начал причесываться. И продолжил свою мысль: — Неправду говорят те, кто утверждает, что в нашем единственном настоящем, счастливом мире нет потребностей. Эти люди забывают о главной потребности — потребности жить!

Тут вождь сделал паузу, изогнулся, стараясь подглядеть под одеяло, увидеть лицо Де-Воляя. Это ему не удалось, вождь с осторожением отбросил использованную щетку для волос и тонким голосом завопил:

— Мы поможем скептикам и маловерам сообразить, что жизнь которую я дал вам однажды, нужно ценить и лелеять! Молчать! Не возражать!

Никто не возражал вождю, а Егору стало скучно и противно как в гостях у Гарика. И уж на что они были различными — фарца Гарик и властитель призрачного царства, в котором нет времени, они оказались жутко похожи. Они захватывали право определять жизнь других людей с одной лишь целью — сделать свою жизнь от этого удобнее и теплее. А от уверенности в безнаказанности, они получали дополнительное удовольствие, глядя, как другие мучаются, выпрашивают у них магнитофоны или право на жизнь.

— Жалко, что вы, ребята, Федю не застали, — сказал Пыркин. — Вот артист был. Ну прямо Райкин! Все анекдоты знал. Тысячу как минимум. Нет его, и анекдоты мы забыли, а новых выдумать не умеем. Скучно стало.

— Где он сейчас? — быстро спросил Егор. У него вдруг возникла надежда, что этот неизвестный Федя смог вырваться отсюда и вернуться в настоящую жизнь. Ведь если есть путь сюда, может, им известна дорога отсюда? Если Пыркин скажет сейчас, что Федор ушел...

Но Пыркин сказал совсем не то, что хотелось услышать.

— Я и говорю, — произнес он, глядя в костер, — может быть и зря товарищ вождь его ликвидировал? Скучно стало.

— А я ничего не делаю зря, — сказал вождь, совсем не рассердившись. — Я долго думал. И понял, что своими шутками и анекдотами твой друг Федя подрывал единство нашего народа!

Вождь широким жестом обвел берег, и Егор понял — народ состоит из шести человек, включая их с Люськой.

— А от этого, — продолжал вождь, — возникала опасность, что он подорвет мой авторитет, и позовет на нашу землю врагов, которые таятся за холмами и мечтают покорить нас и даже поработить, я не боюсь этого слова.

— А как его убили? — вдруг спросила Люся. — Разве вы умеете?

— Мы умеем, умная девочка, — сказал вождь. — Мы всегда можем помочь человеку, которому здесь не нравится. Или у которого недостойные мысли и замыслы. Марта, покажи!

Марта начала хихикать и вертеть толстыми бедрами, будто собиралась танцевать какой-то восточный танец. Но тут Егор увидел, что ее рука утонула в боковом кармане шаровар старомодного лыжного костюма и она шарит там, где-то в районе коленки.

— Смотри, — сказала она наконец.

В руке у нее был пузырек с темной жидкостью.

— Это яд, — сказал вождь. — И сейчас мы его продемонстрируем на примере...

Вождь замолчал и начал медленно поворачиваться на высоких каблуках, останавливая колючий взгляд на всех по очереди. Когда взгляд вождя дотянулся до Егора, тому вдруг стало страшно, как ни разу за весь день, потому что он понял, что власть этого сумасшедшего диктатора — самая настоящая, беспредельная, и никто не сможет возразить ему.

Люся прижалась к бедру Егора и тот обнял ее за плечо, чтобы девочка не боялась.

— Бросьте так глазеть! — сказала строго Люська. — Зачем людей пугаете?

— А здесь людей нет, — ответил вождь. — Здесь привидения. И ты привидение. Поняла?

— Нет, — сказала Люська, — не поняла. И никогда не пойму. И уйду я от вас. Обратно уйду, все лучше, чем на вашем свете.

— Ну как, будем травить? — спросила Марта.

— Спрячь пока, — сказал вождь. — Присаживайтесь к костру поближе, поговорим, вспомним славное прошлое, утрясем планы на будущее. Зачем раздоры, зачем угрозы? Садитесь, садитесь, и ты, Де-Воляй, просыпайся, не время спать.

Марта шустро подвинула кресло поближе к костру и вождь не оборачиваясь, вспрыгнул на него.

— Тебе, наверное, кое о чем спросить хочется, — улыбнулся вождь, глядя на Егора. Будто и не было только что угроз.

— А вы давно здесь? — спросил Егор.

— По-разному, — сказал вождь. — Кто как. Например, Де-Воляй сам не знает, когда ему захотелось покинуть человечество. Ты не помнишь?

— Предпочитаю не помнить, — согласился Де-Воляй.

— И теперь это уже не играет роли.

— А Марта?

— Марта у нас очень боялась потерять молодость. Чего только не делала.

— Я красивая! — сказала Марта. — Я и сейчас не хуже, чем раньше.

— Ты красавица, ты лапушка наша!

— Она боялась состариться? — спросила Люська.

— Да, я боялась, — сказала Марта. — И мне повезло. Я теперь всегда молодая. И меня вождь любит.

— Люблю, люблю, — сказал вождь. — А если вы хотите спросить, как сюда попал я, то это — государственная тайна. Вот так! Я попал сюда по заданию. Я выполняю особое задание партии и правительства.

— И давно?

— Давно, — отрезал вождь.

— А когда вы его выполните? — спросил Егор.

— Ну что ты говоришь? — взмахнула толстыми руками Марта. На кого он нас оставит? Он не может уйти — у него государство на плечах.

— Да, — вздохнул вождь. — Эта женщина права. У меня на плечах государство.

— А есть другие государства? — спросил Егор.

— Все вопросы, вопросы, вопросы... — сказал вождь. — Хватит.

— Есть другие государства, — ответил за него из-под одеяла Де-Воляй. — Только далеко. Есть и большие и маленькие, есть и без государств — просто живут тени... Сколько лет существует человечество, столько лет в нем водятся люди, которым больше всего на свете хочется уйти, исчезнуть... Каждый год у нас пополнение...

— А говорят, даже война была, — сказал Пыркин. — Там, за Волгой. Их много стало, вот и воевали. Может, врут.

— Врут, — сказал вождь. — Нет никого больше, кроме нас. Никого! Запомнили?

— Запомнили, — откликнулась Марта.

— Меня не твой голос интересует!

Тогда все остальные сказали, что запомнили. И это вождя удовлетворило.

— Ой! — сказала Люська.

— Что там?

Роясь, словно комары в теплый вечер, по берегу приближались призраки. Жулик ощерился, вскочил.

— Придержи собаку, Пыркин, — сказал вождь.

— Гнать их надо, — сказал Пыркин. — Чего пугают?

— Глупец, — сказал вождь, — ты отлично знаешь, что они безвредны. Любопытны, назойливы, но безвредны.

— А Ломбарда в реку загнали, — сказал Пыркин.

— Туда ему и дорога, — сказала Марта. — А то бы он все ювелирные магазины обобрал.

— Он сам бросился в воду, — сказал вождь. — Его за-гнала больная совесть.

— А зачем электричеством дергаются? — спросил Пыр-кин.

Привидения приблизились, но, как и на склоне, Егор не мог разглядеть их лиц.

— Кто они? — спросил Егор.

— Садись, — сказал вождь. — Мне ты нравишься. Я воспитаю из тебя своего первого заместителя. Тебе нравит-ся такой вариант? Мне надоели нелюбопытные глупцы. — Вождь посмотрел на набережную, где сутились призраки.

— Даже эти ублюдки сохранили способность удивляться. Странно, не правда ли?

— Почему странно? — спросил Егор. Он сел на край одеяла. От одеял пахло плесенью. — Кто они такие? Я же не знаю. Мы от них бегали, а от кого, не знаю.

— Бегать не стоит, — сказал вождь. — Привыкнете.

— Как привыкнем? — спросила Люська. — Мы домой пойдем.

— Зря это доверие, — сказал Пыркин. — Они опасные.

Толстая Марта затряслась от смеха:

— Вот повезло. Не думали, не гадали, а будете вечно жить.

— А я бы сейчасолжизни отдал, чтобы сесть за столик в «Метрополе», — сказал Де-Воляй.

— Иди и садись, — сказала Марта. Опять дотянулся давнишний спор. Надоел уж, а кончить нельзя, вечно будут спорить. — Час ходу, проводить могу, там не заперто, по-сишишь, поглядишь.

Вечно жить, подумал Егор, и все дозволено. Можно пройти через весь город, зайти в любой дом, спать на любой постели. И это всегда.

— Только веди себя достойно, — сказал Де-Воляй Егору. — А то наш вождь тебя запросто может приговорить. Он у нас — распорядитель вечности.

— Врешь, — сказал вождь лениво и улыбнулся молодыми, упругими губами, а глаза были старые, пустые.

— Шучу-шучу, — Де-Воляй скалился как злой щенок.

— И все та же ложь, зависть и глупость, — сказал вождь.

Призраки крутились по соседству, не уходили, словно ждали подачки. Некоторые что-то держали в руках.

Марта замельтешила пухлыми руками:

— Брысь, проклятые, надоели до смерти!

Призраки не послушались.

— Жулик, — сказал Пыркин, — гони их, ублюдков.

Жулик лениво поднялся с одеяла, рявкнул и затрусили к призракам, те отступали перед ним, но недалеко.

— У этих призраков какие-то вещи, — сказал Пыркин.

— Всегда так, — сказала Марта, — чего только не таскают с собой.

Жулик прибежал обратно, покрутился у гаснущего костра, ожидая, видно, похвалы, не дождался, улегся у ног вождя.

— Ублюдки — не люди, — сказал вождь, — я до них доберусь.

— Привидения? — прошептала Люська.

— Называй их как хочешь. Точнее — это части людей, — сказал Де-Воляй.

— Ага, части, — согласился Пыркин. — И моя совесть здесь шастает. Один тут за мной как тень ходил.

— Люди слабы, — сказал Де-Воляй. — И не в силах справиться с собой. Но случается, кто-то, в Новый год, понимает, что не может дальше жить со своей трусостью...

— А один пить бросил от невозможности напиться. — Это Де-Воляй, конечно, о Пыркине.

Марта захихикала. Де-Воляй продолжал:

— Ты можешь избавиться от большой совести, от честности, от горя, и сам не заметишь, как это случилось. Только мы здесь заметим.

— И мы не заметим, — сказала Марта. — Их тут тьма-тьмущая.

Один из призраков возник неподалеку, жался к откосу, будто ждал кого-то. Пыркин подобрал камень и бросил в него. Камень прошел сквозь призрака и дробно, громко зацокал, скатываясь по асфальтовым ступенькам к воде. Плеснуло...

— Сегодня у нас праздник, — сказал вождь. — Новый год. Всем веселиться!

— Праздник! — закричала Марта. — А я опять забыла. Мы будем плясать вокруг елки. А где елка-то?

Она полезла в темную нишу, чем-то там загремела.

Егор кинул в костер доску, потом нашел палку, чтобы помешать головешки. Он подумал, сколько раз уже горел здесь костер и стало страшно, что и он будет приходить к этому костру... Он неудачно наклонился, потерял равновесие и чтобы не упасть оперся руками в угли. Не обжегся, Люська зря вскрикнула, но измазался.

— Как неаккуратно, — сказал вождь, — иди, вымойся.

— Он ублюдков боится, — сказал Пыркин.

— Не боюсь, — поспешил ответить Егор. Он вскочил и пошел к реке.

Он чувствовал, что все смотрят ему вслед. Надо идти. Раз уж он не оставил свою трусость в прошлом году...

Сзади послышались быстрые шаги.

Люська. За ней Жулик.

— Я с тобой, — сказала она.

Они спустились к реке.

— Пошли домой, — сказала Люська тихо.

— Ты же слышала, — сказал Егор. — Отсюда не уходят.

— Не может так быть, — сказала Люська. — Мы же не хотели.

— Хотели, — вздохнул Егор. — Очень хотели.

У воды их поджидал призрак с чем-то черным в руке.

Жулик обогнал их, отогнал призрака, но тот далеко не ушел. маячил где-то рядом.

— Пойдем отсюда, — сказала Люська, — ты не хочешь, что ли.

— Хочу, — сказал Егор. — Все хотят.

— А они не хотят, — сказала Люська, — неужели ты не понял? Они будут говорить, что хотят. Я в людях разбираюсь. Это ужасные люди.

— Ничего в них ужасного, — сказал Егор, смывал сажу.

По поверхности воды к нему медленно двигался призрак с черным в руках. Жулик залаял, бегая по берегу. Призрак остановился неподалеку.

— Пошли хоть куда-нибудь, — умоляла Люська.

Егор пожал плечами, вытер руки о куртку. Люська была права. Хоть куда-нибудь.

Де-Воляй стоял у костра, сказал:

— Смотри, теперь у тебя, как у Пыркина, свой есть.

Призрак шел за ними.

— Ты его гони, Жулик, ату его! — крикнул Пыркин. Засвистел в два пальца.

Но Жулику надоело бегать, он лег у костра и принял грызть щепку.

Марта вытащила из ниши кривую нейлоновую елку, увенчанную стеклянными, частью битыми шарами и пытаясь воткнуть ее в землю.

— Сделай шаг в сторону, там дырка от прошлого раза осталась, — сказал Де-Воляй. — Тысячу лет пройдет, а ты не запомнишь.

— Надо бы кому-нибудь сходить в магазин, взять новых игрушек, — сказал вождь.

— Вот гости и сходят. — сказала Марта. — Они молодые.

— Нет, — сказал вождь. — Им надо привыкнуть, смириться. Первое время молодые люди будут неотлучно при мне.

Марта принялась медленно приплясывать вокруг криво воткнутой елки. Браслеты и серьги нестройно звенели.

— Жалко патефон сломали, — сказала она. — Где теперь новую пружину искать? Это все ты, Де-Воляй, своего баха крутил.

— Неужели отсюда нельзя уйти? — спросил Егор.

Вместо ответа вождь спросил Марту:

— Ты бы ушла?

— Вы с ума сошли! — сказала Марта, не переставая раскачиваться, словно слон в цирке. — А потом ищи дорого обратно. Здесь у меня вечная молодость. Тра-та-та, тра-та-та... Егор, иди ко мне, станцуем.

— А ты, Де-Воляй? — спросил вождь.

— Мне там делать нечего. Хотя, впрочем, взглянул бы и обратно. По вашему счету лет двадцать прошло. Может, амнистия...

— Нет тебе амнистии.

— А я бы пошел, вот кем мне быть, пошел бы, — сказал Пыркин. — Насосался бы у первой пивной — только вы меня и видели.

— А можно уйти? — настаивал Егор.

— Нет, — сказал вождь. — Нельзя. Перестань мельтешить, Марта. Я устал. Дай мне зеркало.

Марта перевела дух, протянула вождю зеркало.

— Как вы хорошо сохранились, — воскликнула она.

Вождь подпер изнутри щеку языком и долго рассматривал родинку. Потом отложил зеркало и сказал Егору:

— Первое время вы будете жить со мной, в нише. Это приказ. Даже самый скромный из вождей должен поддерживать порядок. Иначе он останется один.

— Мы все равно уйдем, — сказала Люська.

— Что ждет тебя дома? — спросил вождь. — Вопрос праздный, ты никогда уже туда не вернешься. Но все-таки, подумай.

— Мама моя беспокоится. Может, плачет.

— У нее есть Константин. Ты никому не нужна.

— Пускай, — сказала Люська. — Я к тетке поеду, под Курск. Она добрая, тетка. Она меня звала...

— Чепуха, — усмехнулся вождь. — Ложные надежды. Никто никому не нужен. А здесь тебе рады. Подумай на досуге. А нам с Мартой пора на прогулку. Даже если ничто не угрожает твоему здоровью, о нем следует заботиться. Де-Воляй, например, уже ноги не держат. Егор, присматривай за костром!

Вождь встал с кресла, потянулся, захрустел пальцами.

— Пыркин, Де-Воляй, вы с нами?

Те отказались.

Егор смотрел вслед вождю. Он шел размеренно, высоко поднимая худые ноги. Марта плыла сзади, словно утка.

Пыркин скрчился на одеялах. Де-Воляй сидел неподвижно на корточках у костра. Было очень тихо.

— Ты меня слышишь? — спросила Люська.

— Да, — сказал Егор.

— Пойдем, пока его нет, — сказала Люська. — А то не пустит.

— Девочка права, — сказал Де-Воляй, не оборачиваясь.

— У нашего властелина каждый подданный на счету.

— А Константин не такой плохой, — сказала Люська. — Не пьет совсем. Мне платье подарил, честное слово, не вру. Я только это платье не носила. Ножницами изрезала и выбросила.

— А он? — заинтересовался Де-Воляй.

— Он ничего, промолчал. Мать меня отпустила.

— Тебе здесь не место, Люся, — вздохнул Де-Воляй.

— Это точно, — отзвался Пыркин. — Никому здесь не место.

— Пускай уходят, — сказал Де-Воляй, — А то затянет. Вождь что-нибудь придумает.

— Не может быть, чтобы нельзя уйти! — сказал Егор, — не верю я вашему вождю.

— И правильно делаешь, — сказал Пыркин. — Врет он все.

— Мы знаем людей, которые уходили и не возвращались. Если бы они не нашли выхода, то вернулись бы, — сказал Де-Воляй.

— Я же говорила! — Люська вскочила, потянула Егора за рукав. — Ну вставай же!

— А куда идти? — спросил Егор, поднимаясь.

— Идите по набережной, — сказал Де-Воляй, — те, кто ушел, шли по набережной — направо. Идти надо быстро. И верить, что вы уходите отсюда навсегда. И если получится, вы сами поймете...

— Я с вами, — вдруг сказал Пыркин, — сил моих больше нет.

— Тебе не дойти, — сказал Де-Воляй.

— Это мне-то?

— Ну, как знаешь. Я с тобой не прощаюсь.

— А вы? — спросила Люська.

— Мне нельзя.

— Знаете, может, лучше все-таки...

— Не тратьте времени зря. Вон уж вождь возвращается...

— А как вас зовут? — спросил Егор. — Может, что-нибудь передать?

— Ни в коем случае, — сказал Де-Воляй. — Меня давно нет.

Асфальт был влажный, темный. Впереди бежал Жулик. Пыркин шагал рядом и все повторял:

— Как же я раньше не догадался?

Шли быстро.

— Мы обязательно дойдем, да? — спросила Люська. Егор оглянулся. У нейлоновой елки стоял маленький Де-Воляй. Он поднял руку, прощаясь.

Из-под метромоста к ним тянулись призраки, но увидели Жулика и спрятались.

За старым монастырем дорога расширилась. Пыркин отстал.

— Отдохнем, что ли? — спросил он.

— Так нам никогда отсюда не выйти, — сказал Егор и даже прибавил шагу. За ним увязался призрак с чем-то черным в руке. Его Егор узнал — уже видел у реки. В упорстве призрака было что-то зловещее.

— Чего тебе надо? — крикнул ему Егор.

Призрак остановился.

— Я больше не могу! — взмолился Пыркин. — Одышка у меня. Здоровье не позволяет. Соседка, ты бы хоть меня пожалела.

— Ты лучше возвращайся, — сказала Люська безжалостно. — И сам не дойдешь и нас не пустишь.

— Значит, не годен я вам? — озлился вдруг Пыркин. — Так я и знал, с самого начала вашу сущность определил! Бросаете старого человека.

Он остановился.

— Иди обратно, — сказала Люська, — тебе там лучше. Дома опять в милицию попадешь.

— Вы простите нас, но мы больше не будем останавливаться, — сказал Егор. — Мы хотим к людям.

Но они с Люськой не уходили. Все-таки неловко бросать человека. Пыркин вдруг наклонился, поднял с земли камень и кинул в Егора, камень больно ударил по руке.

— Вы чего?

— Скатертью дорожка! — крикнул Пыркин. — Чтоб вас ублюдки сожрали.

Он повернулся и неуклюже побежал обратно, к костру.

— Пошли, — сказала Люська. — Тебе не больно?

— Нет. Глупо как-то получилось.

Призрак обогнал их и встал на пути. Сквозь его жижу словно просвечивало знакомое лицо. Жулик кинулся к нему и призрак, отпрянув, уронил на асфальт то, что держал в руке.

Это был магнитофон. Портативный магнитофон...

Егор понял, что за лицо просвечивает в призраке. Лицо Гарика. Егор нагнулся. Рука прошла сквозь магнитофон. Подарок тоже оказался привидением. Привидением магнитофона.

— Это твое? — спросила Люська.

— Отцовский магнитофон, — сказал Егор.

— А ты этого, который подкинул, знаешь?

— Он как будто похож на человека, из-за которого я здесь.

— Это не он, — сказала Люська уверенно. — Это его совесть. Он ее здесь оставил. Или стыд. Или страх... Помнишь, как вождь говорил.

— Может быть, — сказал Егор.

Магнитофон стоял у его ног. Как настоящий. Даже странно было оставлять его здесь.

— Пошли, — сказала Люська. — Уже поздно. Думать потом будешь.

Жулик уже бежал впереди. Видно, решил остаться с ребятами. Они шли еще минут десять. Почти бежали.

— Здравствуйте, — услышал Егор.

Наверху, на склоне, сидели мужчина и женщина, совсем старые, седые.

— Здравствуйте.

— Не останавливайся! — крикнула Люська.

— Вы были у вождя? — спросил старик.

— Простите, мы спешим, — сказал Егор.

— Ради бога, мы вас не задерживаем, — сказала старуха.

— Счастливого пути, — сказал старик. — Вы правильно идете. Только умоляю, не останавливайтесь.

...Не хватало воздуха.

— А ты глубже дыши, — сказала Люська. — Смотри, как я.

Она оказалась железным упрямым человечком. Егору даже стало смешно.

— К тетке спешишь, под Курск? — спросил он, сбивал дыхание.

— Дурак, — обиделась Люська.

Больше они не разговаривали. Сил не было.

Лет через сто они оказались на площадке, где замерли карусели и люльки-самолеты. Егор давно бы плонул на все, но все равно бежал, потому что бежала Люська.

Вроде бы стало темнее и холоднее. Мимо, как за окном поезда, проплывали какие-то темные здания. Егор протянул Люське руку, и она крепко схватилась горячими пальцами. Егору показалось, что на небе луна, но сил не было поднять голову, поглядеть еще раз.

Жулик тоже устал, высунул язык чуть не до Земли, наверно, уже раскаивался, что увязался за такими странными людьми.

Егору почему-то казалось, что он несет магнитофон и от этого ему тяжело бежать. Но бросить его он не мог, пальцы не слушались.

...Впереди, за широкой площадью, поднимались колонны. Вход в парк. Неужели они уже пробежали от Метромоста до входа? А сколько еще бежать?

Конечно, Де-Воляй их обманул. И сейчас посмеивается. Никуда отсюда не деться. Ты совершаешь в жизни одну ошибку, главную, которую нельзя исправить. Егор хотел остановиться. Люська заметила, дернула за руку. Егора охватила злость на эту девчонку, он хотел было сказать...

Жулик отчаянно залаял и понесся вперед.

От входа к нему навстречу бежала белая собачонка.

Между колоннами входа видны были фонари улицы, перечеркнутые косо летящими снежинками.

— Гляди, — прошептала Люська. — Да гляди же!

Там, под фонарями, медленно ехал ночной троллейбус. Слышно было как он тормозит у остановки. Его окна желтели как окна теплого дома.

— А теперь смотри назад!

Люська торжествовала, словно все вокруг было делом ее рук Сзади, за площадью, устланной мокрым снегом, чернели аллеи черных деревьев, а от них по снегу, через всю площадь тянулись две цепочки человеческих следов, а ря-

дом, зигзагами, собачьи. ...Они стояли между колоннами входа. Примораживало. Егора била крупная дрожь.

— Отойдем подальше, — сказала Люська, — на улицу.

— Не бойся, — сказал Егор. — Мы уже пришли.

Жулик пробежал мимо, бок о бок с белой собачонкой, оглянулся на Егора, чтобы тот не ушел без него.

— Ты сильный, добежал, — сказала Люська с одобрением. — Я думала помру, чуть-чуть не померла.

— Ты смешной человечек, Люська.

— Нет, правда, без тебя бы я не добежала. Ну куда мне одной? Тебе далеко домой ехать?

— Нам вместе.

— У тебя мелочь есть на метро? — спросила Люська. — А то у меня ни копеечки.

— Наверно, метро еще не работает.

По той стороне шли ребята, человек десять, с гитарой.

— С Новым годом! — крикнул один из них, заметив Егора с Люськой.

— С Новым годом! — Люська притоптывала, чтобы согреться.

— Проводить тебя до дому? Я скажу твоей матери, что ты не виновата.

— У меня обойдется, — сказала Люська. — Ты не переживай. Вон автомат стоит, позвони домой, соври им, что у товарища загулял.

Голос у Люськи был взрослый, многоопытный и такой серьезный, что Егор рассмеялся.

ИНОПЛАНЕТИЯНЕ
Фантастическая повесть

О том, что прилетели пришельцы, Донат Проныкин узнал первым. И не потому, что верил в них или ждал прилета, а наоборот — у Доника, как говорит химик Волин, трезвый научный ум, не допускающий мистической чепухи, потому что она лежит за пределом опыта. Доник с детства преклонялся перед вольными мыслителями восемнадцатого века, а бабушка говорит, что уже в три года он не хотел слушать сказки и требовал правды о том, как размножаются цветы и куда прячется на ночь солнце.

История про цветы, неосторожно рассказанная бабушкой при гостях, сильно повредила Донику, потому что Катька разболтала об этом всему дому. Даже в свободной стенной газете, 7-го «Б» был нарисован букет с подписью: «Групповое изнасилование ромашки»..

Катька, хоть ей и замуж пора, верит в любого шарлатана. У нее свой аргумент: «Но ведь его по телевизору показывали».. Пришельцы размещаются у нее в области религиозного сознания, о них не надо рассуждать — в них надо верить. А они за это в самый критический момент прилетят на землю, погрозят пальчиками и велят нам не взрывать

атомные бомбы или не расстреливать в либерийской церкви беженцев.

Пришельцы высадились в среду около десяти вечера, в сквере на той стороне 4-й Охотничей улицы, и все произошло так буднично и тихо, что ни один поклонник инопланетян в это бы не поверил. Для них причество инопланетян — это эффектное зрелище с фейерверком, выступлениями на митинге в пользу космического братства, телевизионным репортажем и конечно же портретами пришельцев — чем страшнее, тем убедительнее.

Минут за пятнадцать до высадки Доник позвал Барбоса погулять. Барбоса, правда, и звать не надо было, он давно сидел у двери.

Барбос с детства воспитывался как собака, потому что Доник мечтал о щенке, а ему купили котенка. Доник внушил котенку собачьи правила поведения. В частности, вечерние и утренние прогулки. Собак Барбос не боялся, а на котов не обращал внимания, не считая их за людей.

Доник с Барбосом перешли в сквер на той стороне улицы, и в этот момент опустился инопланетный космический корабль.

Если спросить Доника или Барбоса, какой он был из себя, они бы не ответили, потому что он был темным и его очертания скрадывались ночью и кустами. Нечто огромное и непроницаемое для света беззвучно, но тяжело опустилось на поляну метрах в ста от Доника. Было так тихо, словно это тело намертво отрезало все звуки еще не уснувшего города.

Доник, охваченный тревогой, снял очки и стал противорвать их большими пальцами, что служило у него признаком волнения, а Барбос совсем не по-собачьи прижался к ногам хозяина и опустил хвост, лишь подрагивая его концом.

Доник всматривался в темноту, думая, что вот-вот в центре тьмы образуется светящийся квадрат, оттуда и выйдут пришельцы.

Время шло, никакого люка не образовывалось. Донику хотелось уйти, но уходить тоже было страшно, потому что пока ты неподвижен, тебя могут не заметить, а начнешь двигаться — станешь виден. Это был древний закон леса, и Доник подчинялся ему, хотя и не был лесным жителем.

И вдруг сверху, с той точки, откуда начинались звезды, возник тонкий, как лезвие кинжал зеленый луч, опустившийся к земле. И тут же Доник услышал то, что услышать было невозможно — как отворились люки корабля и оттуда стаей тараканов или других совершенно беззвучных насекомых хлынула волна пришельцев, и он понял, хоть не услышал и не увидел, что пришельцы очень малы размером и что они охвачены страхом, иным, нежели тот, что владел Доником и Барбосом — но без сомнения страхом, заставлявшим их стремиться отбежать от темной массы корабля, прежде чем случится нечто ужасное.

Поддавшись этому страху, Доник и Барбос тоже начали отступать к улице, и через секунду или несколько секунд время перестало быть постоянным потоком, а рассыпалось на отдельные секунды, каждая из которых помчалась в свою сторону — Барбос, которому невмочь стало терпеть этот страх, взлетел по брючине и куртке Доника, прыгнул ему на плечо, забыв, что Доник — не старое кресло, которое можно рвать когтями сколько заблагорассудится. Но Доник даже не стал сбрасывать кота, хоть и было больно. Потому что в этот момент корабль перестал существовать.

Он не то чтобы взорвался — если бы Доника попросили объяснить с точки зрения физических законов, что же произошло у него на глазах, он бы предположил, что произошел имплозив — то есть взрыв, вся сила которого была на-

правлена к эпицентру, и оттого Доник увидел не вспышку белого пламени как при взрыве, а ужасающую темноту, сверкающую ослепительную темноту, как занавесом отделившую мир от Доника и заставившую зажмуриться...

Звука не было, и в то же время чуть не лопнули перепонки, так сильно метнулся воздух. Тысячи микроскопических ножек, что щебетали вокруг, замерли в ужасе и потом их бег возобновился.

Вот и все.

Доник и Барбос остались живы.

Как и многие из пришельцев, которые успели убежать с корабля до взрыва...

По улице, за спиной, разрушая колдовство событий, проехала машина, и отблеск ее фар скользнул по близким кустам и стволам деревьев.

Барбос оттолкнулся всеми четырьмя лапами, вырвался из рук и помчался к дому. Бросил хозяина на произвол судьбы.

И тут Доник услышал щебет. Почти неслышный — будто маленькие птички разговаривали шепотом, чтобы не разбудить соседей.

Ничего страшного или зловещего в этом щебете не было — но каким страшным он показался Донику! Ведь он, Доник, был сейчас единственным человеком на Земле, который знал, что произошло вторжение инопланетян. Совсем не такое, как предполагали сторонники его и противники, но оно уже факт... Словно ты упал. И сломал ногу. И уже неважно, как это случилось и как можно было предотвратить драму. Вот ты лежишь со сломанной ногой и надо вызывать скорую помощь...

Донику следовало уйти — уйти, уехать, убежать, уговорить родителей сесть на первый же поезд и исчезнуть, но он все еще стоял посреди сквера, выполняя роль беззащит-

ной первой жертвы вторжения — именно на нем пришельцы могли испытать свою силу.

Что-то скользнуло по его ботинку, по носку, по ноге под штаниной, словно забрался быстрый муравей. Доник наклонился, чтобы сбросить насекомое, но опоздал — пальцы ничего не отыскали, и тогда Доник понял без всякого сомнения, что это был не муравей, а один из них...

И вот тогда страх сорвал Доника с места и заставил кинуться прочь, через улицу, по асфальтовой дорожке, к открытому подъезду в старом двухэтажном бараке, построенном еще до войны. Его обещали снести, когда жизнь станет лучше и веселее. Но жизнь так и не стала лучше — бараки остались, и в них жили подолгу: семья Доника — мама, бабушка, Катя и он — уже тридцать лет. Мама, Катя и Доник родились в этом бараке, а бабушка провела в нем молодость. Сначала была одна комната, а в последнее десять лет — две комнаты. И бабушка радовалась, потому что помнила, каково было жить с маленькой мамой в одной комнате.

Барбос сидел перед дверью, ждал. Он отвел взгляд, потому что ему было стыдно, что он так позорно бросил Доника. Но Доник его не осуждал. Лампочка на лестнице была слабая, пятнадцатисвечовая, Доник осмотрел себя, даже завернул брюки, но ни одного пришельца не отыскал.

— Если бы ты был собакой, — сказал он Барбосу, — наверняка бы унюхал, взяли меня в плен или еще нет.

Барбос смотрел на Доника круглыми, бессмысленными глазами, потом чуть шевельнул верхней губой и тихо сказал «мама».. Он хотел домой.

Доник полез за ключами, оказалось, что он их не взял. Он позвонил, и открыла Салима — соседка, которая прописалась в бараке недавно и была всем недовольна. И при виде Доника она рассердилась, зачем он так поздно по улице

цам ходит, людям спать не дает, зачем звонит в дверь как чужой, пугает ее, Салиму.

Салима была низенькой, плотной женщиной с крашенными в оранжевый цвет волосами, она работала где-то продавщицей и всегда приносила большую сумку продуктов. К ней потом приходили родственники и делили эти продукты. Но кое-что оставалось. У Салимы всегда и все можно было купить. Но дорого.

Барбос юркнул мимо ее ног, в темный угол, в коридорные Помпеи, где стояли шкафы, оставшиеся еще от прошлых жильцов, и в них барабахло, настолько никому не нужное, что даже выбрасывать его не хотелось.

Шкафы сами по себе поскрипывали, покачивались, шептались и порой, как казалось Донику, менялись местами или даже покидали квартиру, а на их место поселялись другие. Но никто, кроме Доника и Барбоса, не знал их в лицо.

Мать с Катькой — простые души, побежали в кино на индийскую драму о несчастной любви, а бабушка сидела у телевизора и смотрела парламентские дебаты.

— Вы рано вернулись, — сказала она Барбосу, который прыгнул, к ней на колени и свернулся, спрятав нос подальше от света и волнений.

— Он космического корабля испугался, — сказал Доник.

— Уже спустились? — у бабушки было чувство юмора. Даже странно, почему она никому не передала его по наследству — ни матери, ни Катьке.

— В сквере, — честно сказал Доник, — на той стороне улицы.

— Большие? Зелененькие? Вчера по телевизору картины показывали. У людей очень слабая фантазия.

— Я пошел мыться, — сказал Доник.

Стараниями Льва Абрамыча, третьего соседа по квартире, у них уже второй год как за фанерной перегородкой была установлена сидячая ванна. Доник увидел, что Салима на кухне разбирает белье, и понял, что если он не успеет занять ванную, то Салима кинется туда стирать, а это до глубокой ночи.

Войдя в ванную, Доник начал, раздеваясь, осматривать себя и одежду. Его не оставляло чувство, что он носит на себе пришельца. Никто никогда не думал, что пришельцы окажутся насекомыми, может даже ядовитыми. И это еще куже, чем самые страшные фантазии — даже не расскажешь поклоннику инопланетян — обидится: «Ах, у меня чешется! Опять пришелец кусается!».

Подумав так, Доник даже засмеялся, хоть и было страшно.

А Салима, которая на секунду опоздала к двери в ванную, начала кричать, чтобы он выходил, сколько можно воду переводить, а у нее белье, нести пора. Доник включил воду, чтобы вода шумела.

Доник разделился догола и стал себя осматривать, но ничего не нашел — ему нетрудно было себя обыскивать, потому что он был очень худой и небольшого размера. Когда он не нашел на себе следов от пришельцев, Доник стал просматривать одежду. Он не спешил, хоть Салима уже два раза стучала в дверь, требуя, чтобы он поскорее освобождал ванную. Он просматривал каждую складку, потому что допускал, что пришельцы могут быть размером с муравьев или еще меньше. Вода шла горячая, очки запотевали, Доник пустил холодную воду. Он не нашел пришельца в одежде, но это его не убедило. Еще два часа назад он смеялся над пришельцами и над людьми, которые в них верили. Теперь же он точно знал, что вечером в сквере на заводской окраине города Н. опустился космический корабль, затем

взорвался, а часть пришельцев успела бежать. Можете сжечь Доника на костре или разрезать на части — он будет стоять на своем.

Не найдя пришельца, Доник покинул ванную, а Салима заметила, что он вышел с сухими волосами, и стала кричать, что некоторые люди ходят в ванную неизвестно зачем, лучше бы с девочками гулял, в ванной мыться надо... И Доник сбежал от Салимы — нырнул к себе в комнату.

Катька и мать вернулись из кино, мать уткнулась в телевизор, а Катька пила чай, и Доник сел рядом. Катька вымыхала в девицу, можно на конкурс красоты загонять — ноги от пупа, взгляд с поволокой, ничего не выражают. Они с мамой похожи; только мать плотная и покороче. Но у матери всегда романы, и, если бы мать не была такой доброй и покладистой, наверное бы они отыскали себе нового папу. А так, получив все, что могли, поклонники уходили вовсю, мать два дня рыдала в подушку, а бабушка ее утешала. Катька говорила, что, наученная маминым опытом, никогда не будет целоваться до свадьбы, но Доник ей не верил, он сам видел, как она целовалась в подъезде с одним взрослым грузином. Впрочем, в тот вечер это не играло роли, если не считать, что у мамы как раз завязывался новый роман и завтра в субботу «дядя». Геннадий должен был прийти в гости, как полагается у порядочных людей, а потому мать шепотом обсуждала с бабушкой, какой испечь пирог.

— Что с Барбосом? — спросила Катька. — Я его хотела гулять выгнать, а он рвется обратно домой. Психованный какой-то.

— Его пришельцы испугали, — сказал Доник.

— Какие пришельцы?

— Инопланетные.

— Да брось!

— Кем мне быть.

— А ты погляди на меня! В глаза гляди, в глаза!

Доник поглядел.

— Ты нарочно так честно глядишь, — сказала Катька,

— а в самом деле врешь.

— Как хочешь. Хочешь верь, а хочешь нет.

Он допил чай и пошел в маленькую комнату, где они спали с Катькой, лег на свой диван, включил боковой свет и стал читать популярную книгу о тайнах Атлантиды.

Катька тут же прискакала.

— Нет, ты скажи! Какие они?

Катька верила в пришельцев свято, как в ангелов. Как-то мать ей сказала: «Мне бы тебя за фирму отдать, уедешь в Фээрге, будешь на мерседесе».. А Катька совершенно серьезно сказала: «Лучше за инопланетянина. Мне на Марс хочется».. Для Катьки, чем дальше от дома, тем больше дают в магазинах.

— Как вши, — сказал Доник. — Кем мне быть. Как тараканы.

— Ну, ты даешь, — обиделась Катька. — Ну, даешь! А я думала, что в самом деле.

Катька стала разбирать свою постель, потому что ей надо было рано вставать — до техникума почти час ехать.

Прежде чем раздеться, Катька принесла коробку с синими туфлями, которые она достала позавчера и еще не насмотрелась. У нее есть привычка — сначала новой хорошей вещью надо любоваться, а потом, когда налюбуешься, можно пользоваться. Катька придвигнула стул к кровати и поставила на него коробку с туфлями. Коробка, видно, нужна была, чтобы не сомневаться, что туфли новые. Донику было смешно, но вообще-то он к такому чудачеству привык.

— Мне интересно, — сказал он, — куда ты поставишь тачку, если ее купишь?

— Я в ней буду спать, — ответила Катька, у которой нет чувства юмора.

Катька разделась, не обращая внимания на Доника. Ему не всегда было приятно, что она не обращает на него внимания, что она его совсем не стесняется — значит, он для нее дитя малое. В комнату заглянула мать, о чем-то стала шептаться с Катькой, но Доник, конечно, не прислушивался. Он достал из-под диванчика общую тетрадь, в которой вел дневник. Он старался не пропустить ни дня, потому что когда-нибудь потом это может представлять интерес для истории. Но ручка куда-то закатилась. Он спросил Катьку, может, она брала его ручку? Катька озлилась, сказала, что у нее своя, фирменная, она ее даст, но чтобы вернул, а то ему ничего доверить нельзя.

Ручка была хорошая. Катька пошла мыться, слышно было, как она собачится в коридоре с Салимой, которая не хочет уступать ванную, потом в спор включился низкий прерывистый астматический голос Абрамыча. Видно, его тоже тянуло в ванную.

Доник записывал события вечера, и ему хотелось спать.

До конца он записать не смог, его сморил сон. Пришла Катька, растолкала — велела идти в ванную, не спать же одетым. Ручку она отобрала.

Когда утром Доник проснулся, Катька уже умчалась в техникум. Время до школы еще было. Умывшись и одевшись, Доник пошел в другую комнату, там бабушка уже приготовила завтрак.

— У сестер Волковых собака нашлась, — сказала бабушка.

— Собаки находят свой дом за сотни километров, — сказал Доник. — Я читал. У Джека Лондона.

— Я тоже читала, — сказала бабушка. Она была самой начитанной в семье. — Только Волковы никогда ее со двора не отпускали.

До выхода оставалось время, Доник вспомнил, что не сделал геометрию. Он достал тетрадь, бабушка сидела напротив и любовалась им. Любой бабушке приятно иметь умного внука.

— Тебе очки не надо менять? — спросила она у Доника.
— Может, слабые?

— Не надо, — сказал Доник. Ручка была хорошая, фирменная. Доник сообразил, что ручка — Катькина. Неужели она расщедрилась и оставила ручку брату? Этого с ней еще не случалось.

Сделав геометрию, Доник пошел к себе в комнату, собираясь. Любимые ненадеванные синие туфли стояли на стуле. Доник закрыл коробку и засунул туфли под Катькину кровать.

Коробке что-то мешало. Доник заглянул туда — оказалось, что под диваном стоит еще одна коробка. И с такими же туфлями. «Ну, Катька, не ожидал, что ты торговлей занялась», — подумал Доник.

В школе ничего особенного не случилось, если не считать того, что Севидов неожиданно отдал ему венгерский космос — четыре марки и блок за парагвайское искусство. И когда Доник поинтересовался, с чего он такой добрый, Севидов начал заикаться, тужиться — он всегда так делает, если хочет выиграть время, потом сказал, что отец привез вторую серию. Это было вранье, но какое дело Донику до севидовских проблем.

Марья Сергеевна сказала Донику, что его выдвинули на олимпиаду по физике, так что придется поработать. Донику было приятно, что его выдвинули на олимпиаду, но он делал вид, что ему все равно, а то еще подумают, что он рад.

— Откуда у тебя такая ручка? — спросил Севидов на большой перемене. — Хочешь негашеного Циолковского?

— Не хочу, — сказал Доник. — Чужая ручка. Надо вернуть.

Когда Доник шел из школы домой, он проходил мимо дома сестер Волковых. В том месте между бараками остались по недосмотру несколько совсем старых одноэтажных домов, почти избушек. В одной из избушек и жили старые сестры Волковы. Из их двора доносился шум, женский крик, и Доник вспомнил, что к ним вернулась собака.

Калитка была приоткрыта, и Доник полюбопытствовал — сунул нос в щель. Сестры ругались, стоя посреди маленького, заросшего подорожником и крапивой двора. Между ними на траве сидела их собачка Нелли, не то болонка, не то солонка. Собака слушала крики сестер, чуть наклонив голову, как будто ее позвали быть судьей в споре.

— А я тебе говорю, — кричала старшая, Марксина Сергеевна, — что это не наша Неллечка! У нашей Неллечки вся мордочка белая, а у этой только сбоку.

— Ты что говоришь, что несешь! — возражала ее сестра, причем ни та ни другая на собаку не глядели. — Ты посмотри, как она на тебя смотрит!

Собака Нелли сказала: «Тяф!».

Это было смешно, потому что получилось по-человечески.

— А я фотографию принесу! — кричала младшая сестра. — Там морда видна.

Она побежала в дом, а вторая осталась с собакой и стала ее утешать.

— Это даже стыдно, какое недоверие, — говорила она.

— Это даже мне стыдно.

Она стала гладить собаку, и собака прижалась к ее ноге.

Донику пора было уйти, но почему-то стало любопытно, чем кончится пустой спор.

У собаки и в самом деле лишь правая сторона морды была белой, а слева шерсть была рыжей, как на верху головы и на спине. Но какой она была первоначально, Доник, конечно, не помнил — еще не хватало присматриваться к собаке сестер Волковых.

Старшая сестра скатилась с крыльца, размахивая фотографией.

— Я же говорила! Я же говорила — вся морда белая!

Она стала совать фотографию сестре, та смотрела, а Доник поглядел на собаку — ему вдруг стало грустно — такая была радость, вернулась собака, а они собственными руками от этой радости отказываются. Начинают сомневаться... а ведь пришла собака, и хорошо!

И тут Доник понял, что у собаки вся морда белая. Странно — сам же только что смотрел и показалось, что морда только наполовину белая.

— Ну теперь ты не сомневаешься, что она чужая?

— Сомневаюсь, сомневаюсь, — злилась вторая сестра, — мало ли что на фотографии нарисовано! Может, там все не наша Неллечка.

— Нет, — радостно объявила ее сестра, увидев, наконец, собаку, — я же говорила, что у нее вся морда белая.

— Нет, — обиделась первая сестра, — это я говорила, что она белая, а ты говорила, что у нее морда уполовиненная.

Они уже обе смотрели на собаку, и спор сам по себе утихал, потому что у собаки вся морда была белой, что и требовалось доказать.

— И чего ты все споришь и споришь, — сказала наконец сестра с фотографией в руке. — Все тебе нехорошо.

Собака поднялась и побежала к дому, виляя пушистым хвостиком.

Доник пошел дальше и стал думать, видел ли кто-нибудь кроме него гибель инопланетного корабля? Вернее всего, никто не видел. Доник давно уже заметил, что в иностранных фантастических рассказах и романах пришельцы обычно завоеватели или опасные существа, а в наших рассказах — они братья по разуму. Доник знал, что это объясняется тем, что мы живем в гуманистическом обществе, а Америка — это жестокая страна. Раньше, пока он был ребенком, он не задумывался, кто прав, а кто виноват, а теперь решил, что раньше у нас был Сталин и репрессии и люди были бесправны и не верили в Бога. И им очень хотелось на что-то надеяться. Вот они и надеялись на братьев по разуму. А цензура и начальники такие книжки не запрещали, потому что им казалось, что по космосу летают не просто братья по разуму, а их собственные братья. А у американцев и англичан были различные взгляды и надежды, а их президенты и королевы не очень вмешивались в их жизнь. Так что необязательно было надеяться на пришельцев.

Барбос сидел на тротуаре — вышел встречать Доника, что ему не позволялось. Но Доник не стал на него сердиться, потому что он понимал состояние Барбоса — Барбос, как и Доник, знал, что среди нас — пришельцы. А об этой опасности забывать нельзя.

— Пошли домой, — сказал Доник. — Перекусим.

Когда Доник делал уроки, вернулась Катька. Мрачная как туча. Сказала, чтобы брат тут же очистил половину их общего письменного стола — ей надо срочно написать письмо одному человеку.

Один человек служил в армии, и заставить Катьку написать ему письмо в нормальных условиях было невозможно.

Полгода не писала. А тут как увидела, что Доник работает, все в ее душе загорелось... Вынь да положь!

Доник не стал спорить.

Катька взяла одну из тетрадей Доника и не спрашиваясь вырвала оттуда двойной лист, из середины. Доник стиснул зубы и промолчал. Потому что если станешь спорить, то она назло тебе разбросает книги, сломает стол, разорвет учебники — она взрывоопасная.

Не встретив сопротивления, Катька поняла, что ей ничего не остается, как привести свою угрозу в исполнение и написать письмо. Она покопалась в сумке, вытащила ручку и поставила в верхнем правом углу страницы месяц и число. Потом уставилась на Доника злобным взглядом и спросила:

— Ты чем пишешь?

— Ручкой, — сказал Доник и вспомнил, что ручка у него чужая. Наверняка Катька уже забыла, что сама оставила ручку брату. Сейчас начнется пустой скандал.

— Откуда у тебя эта ручка? — спросила Катька.

— Ну возьми, возьми, — Доник протянул ей ручку.

Можно ли готовиться к олимпиаде в таких условиях?

Катька протянула наманикюренную лапку, взяла ручку.

— А мне чем писать? — сказал Доник. — Дай мне свою, я тебе две?

Катька было согласилась: у нее теперь в каждой руке было по ручке. И Доник только тут заметил, что ручки были совершенно одинаковыми — обе фирменные, черные, с какой-то рекламной надписью. Катька такую ручку на той исделе выменяла у себя в группе на пару австрийских колготок, если не врет.

Катька тоже заметила, что намерена отдать брату фирменную ручку. Она замерла — и глаза ее с бешеной скоро-

стью носились между ручками, стараясь решить задачу: какая ее?

— Ты что, шутишь, да? — спросила Катька, наконец, поняв, что во всем виноват Доник.

— Честное слово, — сказал Доник, который сам, безмерно удивился. — Я думал, у меня твоя. Что ты мне оставила.

— Да ты что! Я же ее на колготки выменяла.

— А эту?

— И эту.

— А не слишком много?

— Тебе рано знать! — сказала Катька, которая наконец-то решила для себя трудную проблему. Обе ручки перекочевали к ней в сумку, за ними — лист, вырванный из тетрадки. Никакого письма, значит, Борис не дождется, и обе ручки тоже останутся у Катьки. И уже сейчас, если ее спросить, она искренне скажет, что получила за колготки две ручки. Две ручки — и дело с концом. И она уже сама в это верит.

Доник и тут спорить с Катькой не стал по причине полной безнадежности. Он полез к себе в сумку, отыскал там тридцатикопеечную, старую, почти без пасты, ручку, а чем она хуже?

Катька схватила сумку и пошла в другую комнату к телевизору — не хотела оставлять ручку в распоряжении брата — наверное, уже планировала, как одну из ручек снова променяет на колготки. Потом — ну совсем как ребенок — прибежала снова, вытащила из-под кровати коробку с туфлями и открыла, чтобы насладиться.

— Пошла бы куда-нибудь, — сказал Доник. — В кино, а?

— Мешаю?

— Еще как!

Тут Катька издала клич индейца на тропе войны. Доник даже подскочил от неожиданности. Катька сидела на полу, и перед ней стояли две совершенно одинаковые коробки. Обе открыты, в обеих — синие туфли. Катька растерянно пощупала один туфель, потом вытащила туфель из другой коробки, приложила к первому и стала очень похожа на обезьянку, которая старается составить две палки, чтобы достать банан.

Доник хотел пройтись по поводу ее раннего маразма, но тут она обратила к нему убийственный взгляд и спросила голосом директора школы:

— Это что за штучки?

— Ты что? — удивился Доник. — Какие штучки? Сама засунула, а на меня говоришь.

— Ты зачем надо мной издеваешься? — Катька готова была заплакать. — Ты зачем мне настроение портишь? Сначала с ручкой, а теперь с туфлями?

— Чесслово, я думал, что ты две пары купила, — честно сказал Доник. — Но если тебе не нужно, ты отдай обратно.

— Кому отдай?

— У кого взяла.

— Но я же одну пару взяла!

— Одну пару себе оставь, — сказал Доник, — и будет хорошо.

Катька не поняла этой логики и гневно заявила:

— Сейчас же убери одни туфли. Я не хочу из-за тебя в криминал попадать.

Доник хотел было засмеяться, но в этот момент взгляд ~~ого~~ упал на пол, и он увидел, что там стоит только одна, и притом пустая, коробка из-под туфель. Это было как в сказке.

— Какой криминал? Какие туфли? — спросил Доник, улыбаясь, хотя он сильно испугался. Но когда люди сильно

пугаются, они часто начинают улыбаться. Человека засасывает в болото, он ручками машет и улыбается: извините, нечаянно!

Тут Катька тоже поглядела себе под ноги и сразу успокоилась. Ей так хотелось думать, что у нее двоилось и глазах, а теперь обошлось, что она сразу поверила в то, что второй коробки и не было.

— Я тебе когда-нибудь голову оторву, — сказала она Донику.

— За что? — Доник подошел к тому месту, где только что стояла вторая коробка. Ему показалось, что он увидел какое-то легкое движение — нечто быстрое и маленькое скользнуло под диван.

— Не трогай! — Предупредила Катька. — Я тебе этого никогда не прощу.

Доник выпрямился.

— Покажи туфли, — сказал он.

Он в волшебство не верил, а верил своим глазам.

Катька туфель ему не дала, но показала издали.

— Обрати внимание, — сказал Доник, — обе правые.

— Что? — Катька перепугалась. — Что ты говоришь!

Ты не представляешь, сколько они стоят!

— Да не в стоимости дело!

Катька сблизила туфли и сказала с облегчением:

— Ты шутишь, да?

И Доник увидел, что туфли в ее руках — парные. Только что были правые, а уже стали — один правый, другой — левый, как положено.

— Я ничего не понимаю, — сказал Доник.

— А я понимаю, — сказала Катька, — что тебе надо поменьше своими физическими опытами заниматься. И тебе спокойнее, и людям.

— Нет, — сказал Доник, — дело не в этом. Но в чем — я еще не знаю.

— Не знаешь, думай! — предложила Катька. Она поставила коробку на трюмо, чтобы не выпускать из поля зрения.

Значит, у Катьки возникло настроение провести ревизию ее ценностей. Она открыла ящик под зеркалом, стала пересчитывать бутылочки и флакончики, нюхать, бормотать что-то. Иногда до Доника доносились ее слова: «Совсем духов не осталось».... «А где помада? Я вас спрашиваю — где помада? Вот моя помада-адочка...».

Но больше Доник ее не слушал. Он быстро сделал завтрашний английский и открыл «Динамику» Моранди, перевод с итальянского, ему Виктор Аркадьевич на неделю дал. И сказал, что без этой книги на олимпиаде делать ничего. В этом была хитрость — оба переводчика Моранди были в жюри олимпиады. Другой бы не догадался, а хитроумный Виктор Аркадьевич всегда узнавал обстановку вокруг олимпиады и говорил, что порой это важнее, чем сами соревнования. Недаром из его школы человек восемнадцать были уже лауреатами.

Не глядя, Доник подвинул к себе листок бумаги, брошенный на столе Катькой, и принялся выписывать из Моранди — для себя, потому что знал, если выпишешь — лучше запоминается.

Откладывая ручку, он заметил, что по рассеянности снова взял Катькину ручку. Он отбросил ее как маленькую гадюку и тут вспомнил, что собирался засветло обследовать место высадки пришельцев.

Он поднялся, проходя мимо сидевшей перед зеркалом среди своих сокровищ Катьки, протянул ей ручку и сказал:
— Не разбрасывайся.

— Ты что! — возмутилась Катька. — Зачем в сумку лазил?

— Я не лазил, — сказал Доник и поспешил прочь, чтобы не тратить время на перебранку.

— Только ненадолго, — сказала вслед бабушка, — скоро обедать.

Барбос увязался было за Доником, но Доник его не взял.

— Машин много, — сказал он коту, — задавят еще тебя.

Барбос смотрел на него так выразительно, что Доник пошутил:

— Я буду осторожен. И если мне предложат улететь на Альдебаран, я категорически откажусь.

При дневном свете сквер казался совсем другим. Куда меньше — мельче. Трава уже пожухла, и листва тополей стала почти серой — во всем чувствовалась осень. Сквер был неухоженным, хотя сюда многие ходили — утром на обеих лавочках сидели мамаши и бабки с колясками, а вечером сюда приходили собачники или любители распить. Мать уверяла, что когда-то сюда ходили целоваться — но Доник такого не застал.

Доник сразу прошел на то место, где погиб космический корабль — он думал, что какой-то след останется — примятая или выгоревшая трава. Нет, ничего такого не было. Через поляну по траве шел ежик, спокойно шел, не таясь. Еще год назад Доник обязательно бы поймал ежика, притащил бы домой. А сейчас он только сказал ему:

— Шел бы куда подальше, попадешься малышам, замучают.

Он взял ежика, который вместо того, чтобы свернуться, спокойно лежал теплым животом на ладони и смотрел на Доника, и отнес его к густым кустам. Там отпустил. И подумал — какой красивый ежик! Вот вроде был глупое су-

щество — колючки растут из спины, ноги короткие, а все равно красивый.

И тут Доник понял, что он не найдет на месте приземления никаких следов. Ведь взрыв был не обычный, а имплозивный.

Когда он вернулся домой, бабушка уже накрыла на стол, мать, которая пришла с работы чуть раньше обычного, уже вымылась и рассказывала бабушке, до чего докатился Ваганов из месткома. Доник пошел было мыть руки, но тут вошла Катька и сказала ему:

— Издеваешься, да?

— А что?

Катька держала в руке три совершенно одинаковые черные фирменные ручки с золотой надписью по-немецки.

— Зачем подсовываешь?

— Зачем мне подсовывать?

— А я говорю — ты нарочно, чтобы меня волновать!

— Ничего я тебе не подсовывал. Я вижу, что ты на столе забыла, вот и отдал. Зачем мне твои ручки?

— А зачем мне три? Может, их вообще миллион? Я у Багировой взяла, потому что она так и сказала — будет одна, одна на всю Москву, понял? На что мне три?

— Так отдай мне.

— Еще чего не хватало!

Катька тут же спрятала все три ручки в сумку, а Доник подумал, что надо будет расследовать загадку трех фирменных ручек. Но в тот вечер разгадать ее он не смог, надо было садиться за Моранди — но некуда спрятаться, потому что к Катьке пришли сразу две девицы: Варфоломеева — дура почище Катьки и незнакомая спекулянтка шмотками. Причем денег у этих куриц нет, и они все время устраивают ченьч и базарят. На кухню тоже не пойдешь — там Салима устроила очередную стирку, а в большой комнате телеви-

зор на полную громкость. Но лучше при телевизоре, чем в щебетанье интеллектуалок из швейного техникума.

Доник уселся с книгой в угол, но с трудом понимал, что пишет Моранди.

Вдруг бабушка сказала:

— Вера, спасибо, что ты мне шерсть принесла.

— Ага, — сказала мать, которая уже впилась в телевизор.

Потом минут через десять, когда случилась какая-то пауза в действии, мать спросила:

— Какую шерсть?

Донику было забавно слушать, с какими перерывами идет разговор между мамой и бабушкой, но они этого не замечают.

— Синюю, — сказала бабушка еще минут через пять, кончив считать петли.

— А я не покупала, — сказала мать.

— Три мотка, — сказала бабушка. — Я же еще вчера просила тебя купить.

— Ага, — сказала мать, — я не покупала. Нет синей шерсти.

— А эти мотки — Доник, что ли, принес?

— Ах, оставь, — сказала мать, — ты мне смотреть мешаешь.

И тут Доник увидел ежика. Того самого, из сквера. Он не спеша топал через комнату, направляясь к Донику, в следом за ним, медленно переставляя лапы, как зачарованный, двигался Барбос, который, видно, расценил появление ежика в комнате как личный подарок судьбы.

— Барбос! — крикнул Доник. — Фу!

Кот не обратил никакого внимания на его слова, но мать услышала и оторвалась от экрана — проследила направле-

ние взгляда Доника и, еще не поняв, что в комнате бродят ежи, завизжала на всю улицу.

Ежик остановился, Барбос отпрыгнул в сторону, потому что решил, что в квартиру ворвалась пантера, бабушка выронила вязание, подруги вбежали из соседней комнаты, Салима распахнула двери и закричала с порога:

— Какой право имеешь меня нервы дергать?

Испугавшись за ежика, Доник схватил его на руки. Ежик был тот, из сквера — он не умел сворачиваться в шар.

Девушки окружили Доника, хотели приласкать ежика, им было смешно, что он поднялся на второй этаж и пришел в гости. Мать чувствовала себя неловко, что так закричала, и потому стала ругать Доника за то, что тот без спросу принес домой ежа. Бабушка поддержала ее, сказав, что ежи дома не живут и оставить его дома — это замучить животное, к тому же его Барбос растерзает.

— Хорошо, — сказал Доник, как бы признавая этим, что принес ежика сам. — Я его отнесу.

И он понес ежика к выходу. Салима шла за ним до двери твердила, что от ежей этих и крыс бывает чума и спид.

Уже темнело. Доник прижал к себе ежика, тот доверчиво лежал на руке, и о г него исходило спокойствие и теплота. Даже жалко стало расставаться с таким хорошим и добрым ежом, Доник подумал, может, отдать его Карапетину, который как раз вышел гулять со своими близнецами, но потом решил — нет, пускай ежик живет на свободе. А он к нему будет приходить....

Когда, перейдя улицу, Доник вошел в сквер и стал искать место поглуще, чтобы отпустить ежика, ему в голову пришла гениальная мысль: «Ежик каким-то образом связан с космическим кораблем!».

В этой мысли заключался не вопрос, не предположение, а утверждение.

С этой мыслью Доник зашел в кусты и отпустил ежика. Ежик и не собирался убегать, он стоял у его ног и ждал. Из кустов Донику была видна скамейка. На скамейке сидели две девочки, лет по пяти, они держали в руках по ежику. А рядом с ними сидел их дед, толстый старик в пиджаке, обвившем от груза медалей и юбилейных значков. Он тоскливо и монотонно вещал:

— Я помню, как мы стояли под Демьянском, а там леса густые и в них водятся ежи. А жрать нечего. Сержант Ватрушка поймал трех ежей и изжарил. А наш ротный говорит — нельзя ежа жрать, отравишься. А Ватрушка изжарил и съел, и хоть бы что. Его через два дня убило осколком. Но животом совсем не страдал. От осколка погиб, я сам при этом присутствовал.

Доник посмотрел под ноги. Его ежик стоял внизу и ждал. Конечно, могло так случиться: попался выводок ежей — бывает. Но Доник был убежден, что все это не случайно.

— Пока, — сказал он ежику и медленно пошел к дому, но не домой, а только к дому. Он дошел до скамейки перед подъездом и сел на нее. Ситуация была неординарная, но стандартная, Доник обладал тайной, которую кроме него никто не знал. Тайна эта была невероятная, и от разгадки ее могла зависеть судьба всей Земли. Это трудно понять — человеку кажется всегда, что судьбы Земли и даже его района решаются в каких-то специальных учреждениях. Но если мы допустим, что единственный инопланетный корабль опустился именно в сквере по ту сторону Охотничьей улицы вчера в десять вечера, то уже это событие настолько невероятное, что его последствия должны проявить себя невероятно.

Допустим, рассуждал Доник, что ежики — это и есть инопланетные пришельцы... Хотя вряд ли. Если бы из корабля вышло сто ежей, Доник бы их увидел — не такая уж была темнота. Да и что за идея изображать из себя ежей? Это самый невыгодный камуфляж. Если бы Донику предложили спуститься на Землю и принять форму какого-нибудь земного существа, неужели он выбрал бы ежа? Да ни в коем случае! Еж медленно передвигается, он лишен средств защиты, он слишком очевиден в городе... Нет! Постой-ка, а вдруг пришельцы в самом деле так похожи на ежей? Доник покачал головой. Он точно знал, что вчера вечером из корабля вылезли мелкие существа, подобные маленьким насекомым — не ежи... и не ручки!

А почему я подумал о ручках?

Потому что с ручками нелады. Ручка должна быть одна. А их уже три. Вторая появилась, потому что она понадобилась Донику. А третья? Третья тоже, потому что она понадобилась Донику. А откуда они появились, эти ручки?

Оттуда же, откуда и ежи — ниоткуда.

Доник сидел в одиночестве и строил умозаключения, которые имели прямое отношение к судьбе Земли. Она сейчас в руках единственного человека, который осознает опасность, грозящую нашей планете. Теперь подумаем, не был ли он сегодня свидетелем других странных случаев? Был! Была история с собакой. Ведь сначала у нее половина морды была белой, а потом и вся морда. Эта собака подобно ежам появилась неизвестно откуда — потерялась и потом пришла. Все? Нет, не все! Доник радовался, как грибник, попавший на поляну, где растут во множестве подосиновики. Что вы скажете о мотках синей шерсти, которых не было в магазине и которые оказались у бабушки, хотя мать их не покупала. Или о туфлях?

Допустим, что есть существа и вещи, которые возникают ниоткуда и не возникали раньше, пока не приземлился космический корабль. Значит, это было вторжение?

А почему бы нет? Необязательно же марсианам приземляться на Землю в снарядах и сразу же пить кровь землян. Можно вторгнуться невзначай, мало-помалу втереться людям в доверие, притвориться ежиками, заморочить человечество... Вторжение вещей!

Если бы Доник придумывал фантастический роман или фильм, он бы назвал его «Вторжение вещей!»..

Стало прохладно. Зябкий ползучий ветер дергал за серые листья тополей. Надо что-то предпринимать, но совершенно неизвестно, с какого конца начать. Сейчас важно, чтобы пришельцы не догадались, что их зловещий план разгадан одним человеком четырнадцати лет, которому никто и ни за что не поверит, если он сейчас начнет предупреждать людей — опасайтесь пришельцев! Они среди вас в виде ежиков!

Если они еще читают мысли... тогда положение безнадежно!

А это можно проверить, — сказал сам себе Доник. Надо подумать: сейчас я иду за бензином — я оболью бензином сквер, а потом подожгу его. И все пришельцы погибнут!

Подумав так, Доник невольно внутренне сжался — так четко представил себе бушующее вокруг пламя.

Что же теперь предпримут пришельцы, чтобы уничтожить Доника — их главного и единственного врага?

Доник вскочил со скамейки и отошел к дому. Он прижался спиной к стене так, чтобы нельзя было зайти сзади. Он прищурился и стал ждать нападения...

Ничего не произошло. Значит, подумал Доник с облегчением, пришельцы не читают мыслей.

И тут он услышал шорох. Через улицу, прочь от Доника бежал ежик.

Доник сразу осмелел — любое существо смелеет, когда видит, что враг бежит. Он оторвался от стены и пошел следом за ежиком-пришельцем. И тут же увидел, как с рябины, росшей у барака, спрыгнула на асфальт белка. Вот уж кого Доник отродясь не видел! Белка понеслась следом за ежиком.

Ох, догою! — мысленно угрожал им Доник, Вшел во вкус! Догою, оболью бензином и сожгу!

Он пошел за зверьками, которые замерли на краю тротуара — почти касаясь друг друга.

И когда Донику оставалось до них два шага, они исчезли.

Растаяли в воздухе — раздался лишь легкий щелчок, как бывает, когда лопается воздушный шарик...

Доник добежал до того места — ничего не видно. Он присел на корточки, провел ладонью по асфальту — весь его страх улетучился. Под ладонью, которая ощущала шершавость асфальта, что-то шевельнулось — как будто насекомое быстро пробежало по тыльной стороне кисти и исчезло.

Теперь Донику все было ясно.

Они умеют менять обличье — превращаются в вещи или существа, которые людям почему-то нужны или приятны. Смотри-ка, никто из них не превратился в скорпиона... Впрочем, никто не превратился и в человека. Может, человек для них слишком велик?

Один за другим они внедряются в каждый дом, в каждую комнату... Незаметная ручка, моток шерсти... И когда поступит сигнал — уже готовы выскочить изо всех нор и укрытий. Сдавайтесь, люди!

В этой стройной гипотезе не сходились концы с концами. В чем же ошибка?

Зачем им превращаться в ручки и ежиков, подумал Доник, если они могут дожидаться приказа о наступлении, заставившись по темным углам? Зачем им рисковать и высовываться раньше времени.

С кем бы посоветоваться? В такой критической ситуации человеку нельзя оставаться в одиночестве.

Кажется, есть у тебя и знакомые, и друзья, вроде бы всегда есть с кем поговорить или поспорить... а вот началось космическое вторжение и оказывается, что сообщить об этом, не рискуя показаться дураком, некому.

Дома нет человека, с которым можно обсудить судьбу Земли. В классе.. в классе можно поговорить с Риной Осиповой. У нее голова устроена лучше, чем у ребят. Ее пришельцами не испугаешь.

Доник пошел на угол к автомату. Дома у него телефона не было, да если бы и был — он не стал бы звонить из дома.

Автомат по странной случайности оказался свободен и не сломан. Звонок у Рины отозвался десять раз, но никто не подошел к телефону. Доник хотел было позвонить тогда Кольке Стакановичу, на крайний случай можно поговорить с ним Но тут автомат щелкнул и сожрал монетку. Больше у Доника двушки не было. Теперь пришельцы могли заканчивать завоевание Земли совершенно спокойно, потому что Доник былнейтрализован.

Доник вышел из автоматной будки.

В двух шагах от нее стоял немного знакомый Донику алкаш Алллон-Союз. Доник не знал, почему этого пожилого сутулого морщинистого мужчину так странно звали и как его настоящее имя.

— Тебе нужна двушка, — сообщил алкаш Донику и протянул ему сложенную ложечкой ладонь, в которой была целая горсть двушек. — Ты возьми и звони ей, не спеши, обязательно дозвонись. За мое здоровье.

— Спасибо, — сказал Доник, прижимая указательным пальцем дужку очков к переносице. — Ее нет дома.

— Все равно звони! — сказал Аполлон-Союз. — Пускай услышит и приедет, на скорую помощь.

Глаза у Аполлона-Союза были слишком блестящими.

— Не надо, спасибо, я домой пойду.

— Сначала пожертвуй мне пять минут, — сказал Аполлон-Союз. — Меня гнетет одиночество в день исполнения желаний.

— А как пожертвовать?

— Горе наше, людей конца двадцатого века, в том, что нам не перед кем исповедаться. И это хуже, чем одиночество. У меня сегодня праздник исполнения желаний. Но нужен ли он мне, если я не могу возвестить миру, что мои желания удовлетворены.

— А какие желания? — быстро спросил Доник.

— Ты еще молод задавать такие вопросы, — сказал Аполлон-Союз. — Но в виде исключения я тебе откроюсь.

Алкаш распахнул обвислый, потертый пиджак с ветеранским, незаслуженным значком, на лацкане, и Доник увидел, что из обоих внутренних карманов выглядывают горлышки бутылок.

— Пшеничная, — сказал Аполлон-Союз. — Высший сорт. Могу позвать любого друга, откуда хочешь прибегут. Залейся.

— А откуда они у вас?

— Очкарик, я тебя буду звать Берией, ты другого не заслужил: А я тебе буду сознаваться. Так вот — хрен его знает, откуда! Наверное, от верблюда. Еще час назад я был са-

мым несчастным человеком в этом микрорайоне. Никуда не привезли, нигде не дают и не на что купить! Ты такого чувства не испытывал ввиду чистоты твоего желудка. Я пошел топиться — кем мне быть, топиться, понял?! Сел и ботинки снял, чтобы не мешали топиться, — я люблю все делать культурно. Потом я пиджак снял, пиджак не виноват! — а в карманах у меня две, понимаешь, пустые бутылки для сдачи посуды. Значит, я все это положил на парапет и пошел через него лезть, чтобы свалиться в глубины безмолвия. И тут у меня появилось предчувствие. Словно голос с неба: «Уууу! Посмотри в пиджак! Вдруг у тебя бутылки уже полные?». Я голосу говорю: «Не дури! Что уже выпито, то полным не бывает...», — а голос: «Ууу! Гляди!». — Я отложил потопление, смотрю в карман — а они полные до горлышка и запечатанные... Скажи, а Бог есть? Нет, ты мне честно скажи, значит, я еще нужен человечеству, если мою бессмертную душу решили сохранить через посредство чуда? Знаешь, очкарик, я завтра в церковь пойду, пускай меня крестят. А?

— Значит, вы уверены, что сначала бутылки были пустыми, а потом наполнились?

— И запечатались, кем мне быть! — Аполлон-Союз рассмеялся. Он был в самом деле счастлив. — Ты меня правильно пойми, — сказал он. — Это я не чтобы сразу вылаять — это я для счастья. Я уже час как хожу, смотрю, но чтобы пить — ни за что! Ты меня понимаешь?

— А почему вас Аполлон-Союз называют? — спросил Доник.

— Потому что Союз-Аполлон в Калуге живет, — ответил алкаш.

— А у вас имя-отчество есть?

— Оскорбляешь! Есть и не одно. Хочешь, зови меня Эдиком Стрельцовым.

— В общем, мне все равно. Не хотите говорить, не надо. Только я знаю, откуда у вас бутылки.

— А ты объясни, может, пойму.

— Вам ведь все равно.

— Честно говоря, не все равно. Я вычисляю: подарков мне никто делать не будет. Но и красть я их не крал. Поэтому, докладывай. Любой вариант будет рассмотрен нами уважительно, в обстановке консенсуса.

— Эти бутылки сделаны инопланетными пришельцами.

— Ну ты даешь, очкарь! Я думал — ты в норме.

— А я же вам не навязываю свою теорию, — сказал Доник, не опуская взгляда. — Только хочу объяснить, что они поступают логично. Может быть, и я на их месте начал бы вторжение точно таким образом.

Доник понимал, что Аполлон-Союз храбрится и готов поверить даже в черта. Иначе давно бы изматюгали Доника и ушел. А Донику тоже до смерти нужен был собеседник, союзник — нельзя быть одному хранителем такой тайны.

— Я вам не навязываюсь, — сказал Доник. — Не хотите, не верьте. Я сам еще вчера не верил. Глупости какие — пришельцы...

— Пришельцы-мишельцы, — сказал Аполлон-Союз. — Мать их.

— А вчера вечером я гулял и увидел, как их корабль вот здесь опустился, а они из него выбежали.

— Крупный?

— Корабль крупный, а десант — знаете, такое ощущение, словно насекомые. Я их не видел — но слышал, как шуршат.

— Это бывает, — сказал Аполлон-Союз, — это лечат. Тебе рано, а нашего брата лечат. Значит, на глаза не попались, а на плечо лезли?

— Вы не в том смысле понимаете. Главное, что их корабль взорвался, и они остались у нас навсегда. И теперь им, наверное, надо здесь устроиться.

— Беженцы из Карабаха?

— Может быть, беженцы. Они стали превращаться в вещи разных небольших существ.

— Зачем?

— Чтобы проникнуть, я думаю, — сказал Доник. — Я сейчас двух видел — один был как ежик, а другой — белка.

— И сбежали, — сказал Аполлон-Союз. — А бутылки стоят!

— Сбежали, потому что я их испугал. Они же боятся, что их разоблачат.

— С какой целью боятся?

— Тогда мы начнем их извлекать и уничтожать. И вторжение сорвется.

— Да здравствует вторжение! — громко сказал Аполлон-Союз. — Кто угодно, вторгнись, чтобы курево было и колбаса! Надоело жить свободным!

— Тише!

— Какой тише? У нас сколько властей менялось, и мне все обещали, что я буду жить при нынешнем поколении и при коммунизме. И все врали. А тут приходят — и сразу несут бесплатную водку. Да здравствуют инопланетные пришельцы!

Тут сестры Волковы, которые проходили неподалеку, подпрыгнули со страху, а их собачки залаяли. Доник сказал:

— Тихо, вы! Видите — доказательство проходит?

— Какое доказательство?

— Эти бабушки — они сестры Волковы...

— Знаю, в одном доме с ними прописан. А что?

— А то, что у них была собака...

— И сейчас есть собака.

— Сколько собак?

— Не скажу. Может быть, у меня двоится в глазах, а это врачи нам не советуют.

— У них две собаки. Одна сестра думает, что у настоящей вся морда белая, а другая думает, что только половина. Вы смотрите, собаки почти одинаковые...

— Мне не видать, я только хвост наблюдаю, — сказал Аполлон-Союз.

— Но вы же видите, что у них две собаки!

— Удивительно, — согласился, наконец, Аполлон-Союз, — что хозяйки не замечают.

— А они довольны. Они счастливы, — сказал Доник. — В этом принцип завоевания.

— Завоевания?

— Пришельцы хотят, чтобы людям казалось, что они счастливые, а потом завоюют.

— Никто и никогда еще не хотел мне счастья. Нет, про пришельцев, может, и не врешь, а про счастье врешь.

— Тогда предлагаю эксперимент, — сказал Доник.

— Какой еще эксперимент?

— Разбейте эти бутылки.

— Ты что?

— Если это пришельцы, они не допустят, чтобы у вас было такое горе — правильно?

— А если это не пришельцы?

— Тогда откуда у вас бутылки?

— А я лунатик! Спер и не заметил.

— Значит, испугались?

— Еще бы не испугаться!

— Вот если бы у меня была бутылка, я бы обязательно рискнул!

— Риск — это славно, очкари! Рискуй на свои бутылки!

— У вас вторая останется!

— Для человека употребляющего, к которым я себя причисляю, каждая разбитая бутылка — трагедия. И за себя и за того парня.

— Давайте тогда я ее разобью...

— Знаешь, за что Отелло свою жену задушил? Молчишь? За то, что она бутылку разбила.

Аполлон-Союз расхохотался, лицо его покраснело.

— Я вам гарантирую, — сказал Доник. — Никакого сомнения. Даже смешно. Зато узнаете, хочет ли кто-нибудь вам счастья.

— Эх, счастье... А что если не врешь? Птица-счастье завтрашнего дня!

И вдруг этот пожилой, обтрепанный, бессмысленный человек начал топтаться на месте, широко разведя руки и поводя ими, словно изображая крылья. Кружась, он напевал, как бы подгоняя себя, и ему-то казалось, что он бодро и весело пляшет, может, даже вприсядку — он был совсем не пьяный, но вел себя как изрядно подгулявший человек — так он разогревал себя, и Доник даже отступил от него, — он не ожидал такой вспышки энергии. Наплясавшись, Аполлон-Союз распахнул пиджак, трясясь, вытащил за горлышки бутылки с водкой и начал крутить их в руках, словно это были булавы, а он — жонглер. Но подкидывать он ничего не стал, и приглушенно завопил:

— Иээх, где наша не пропадала! Смерть немецким захватчикам! — Видно, он вообразил себя защитником Севастополя, который выходит с бутылкой горючей смеси на встречу фашистским танкам, — раздался неожиданно оглушительный звон — обе бутылки грохнулись об асфальт — и вдребезги!

Издали залаяла собака, хлопнуло окно в доме, и женский голос закричал:

— Хулиганить бы постеснялись! Дети уже спят!

Аполлон-Союз стоял на опуская рук и глядел на благоухающую спиртом черную лужу на асфальте, на блеск осколков стекла, и Донику стало страшно — что он наделал! А вдруг пришельцев нет?

— Какие еще пришельцы? — сказал Аполлон-Союз трезво и страшно — он уже хотел убить Доника, потому что Доник лишил его бутылок. Лишил его нежданного вдохновенного счастья...

— Ну где другие? — спросил Аполлон-Союз и всхлипнул. — Где счастье?

— Я не думал, — сказал Доник. — Я думал, что это пришельцы.

— Как же я так... поддался? Я ж никогда в жизни! Чтобы хоть рюмку разлить! Да ты что! А тут своими руками две бутылки? За что?

Аполлон-Союз опустился на корточки и стал гладить мокрый асфальт.

— Осторожно, — сказал Доник, которому было стыдно, что он заставил несчастного человека сделать глупость, — вы руки обрежете.

— Пускай обрежу, — сказал Аполлон-Союз. — Пускай до крови — водкой умоюсь... я сейчас лизать буду, вот посмотришь — лизать буду — не потому что хочу, а чтобы у нее, у водочки, прощения выпросить!

Доник стал оттаскивать Аполлона-Союза от лужи, а тот клонился вперед и плакал.

Мимо прошел молодой парень, Доник хотел попросить его помочь, но парень сказал наставительно:

— Меньше принимать надо, папаша, сына испортишь! И прошел мимо.

Доник все же тянул Аполлона, но тот сопротивлялся. А тот молодой парень вернулся и спросил:

— Помочь надо, пацан?

Доник не успел ответить, потому что парень наклонился, взял с асфальта полную бутылку водки и протянул Донику:

— Возьми и мамке отдай — твой папаня уронил.

— Моя! — закричал Аполлон-Союз и выхватил бутылку. — Мой пузырь!

— Живите как хотите, я уеду навсегда! — сказал молодой парень.

Он уходил и в голос смеялся. Аполлон-Союз сидел на мостовой и прижимал обе бутылки к груди. И тоже смеялся. Потом Доник увидел еще одну бутылку, которая лежала в траве.

— Видите, даже прибавилось, — сказал Доник с укоризной.

— Спасибо, — сказал Аполлон-Союз с чувством, — вам, товарищи инопланетные пришельцы, за нашу счастливую старость. Этого мне за день не выпить.

— Вот видите, — Доник не скрывал радости, — я же говорил, что они все делают, чтобы мы были счастливы!

— Молодцы — адидасы, — сказал Аполлон-Союз. — Наши спонсоры. Надо в Верховный Совет сообразить, они же нас обеспечат — кому водку, кому сгущенное молоко — я правильно говорю? Каждому по способностям, от каждого, кто сколько может.

Он смотрел бутылку на свет.

— Хрусталь, — сказал он.

Доник прошел по тому месту, где только что лежали бутылки, — асфальт был сух, и все, что случилось несколько минут назад, казалось сном.

— Ты мой товарищ по разуму, можно сказать, друг, сказал Аполлон бутылке. — Ты уж от нас не уезжай.

Он ловко сорвал зубами жестянную пробку с бутылки.

— Вы что? — удивился Доник.

— Пора начинать, — сказал Аполлон, — пора принимать вовнутрь.

— Как же так? Разве это для того, чтобы пить?

— Только так можно достичь счастья, — сказал Аполлон. — Путем приема внутрь. А ты как думал?

— Я думаю, что каждая такая бутылка — это в то же время пришелец...

— Закамуфлировался, во дает! — обрадовался Аполлон-Союз. — Нет, ты только подумай. Был в скафандре, стал мальчишкой, удивительным парнишкой, это очень хорошо, даже очень хорошо, Буратина ты моя!

Он взболтал жидкость, понюхал.

— Божья слеза, — сообщил он Донику.

— Не надо, — Доник осекся, хотя ощущение неумолимого бедствия не оставляло его. — Может, вы им отравились.

Аполлон пил, задрав голову.

— Я с вами поговорить хотел, посоветоваться, а вам это интересно, — сказал Доник.

Аполлон-Союз сделал еще несколько глотков и сказал, прижимая горлышко пальцем:

— Слабоват твой пришелец, сорока градусов не будет. Тридцать пять максимум. А ты иди, куда шел, а то я скоро стану опасным для человечества, потому что агрессивный. Ісбя не узнаю — пришибу! Мотай отсюда!

Доник понял, что Аполлон-Союз прав — нечего ему здесь стоять и смотреть, как человек напивается.

Аполлон-Союз пошатнулся и с треском врезался в кусты — но не упал, а удержался, и треск продолжался, удаляясь, — значит, Аполлон-Союз пробивался в нужном ему направлении.

Доник пошел домой. Встреча с Аполлоном-Союзом могла показаться бессмысленной, но с научной стороны дала немало. Ведь был поставлен самый настоящий эксперимент — Аполлон показал пришельцам, как он расстроен из-за того, что бутылки разбились. И тут же появились новые бутылки. Значит, теория Доника была правильной. Значит, пришельцы читают мысли и быстро на них реагируют. Осталось понять: вещи и существа, что выдаются людям для счастья, — это фантомы, пустая видимость или сами пришельцы. Если пришельцы, значит, Аполлон-Союз людоед? Представляете, какую репутацию заработает человечество в галактическом содружестве? Нас будут называть расой каннибалов... Планета Каннибалов! Ужас какой-то!

Доник даже оглянулся, будто боялся, что какой-нибудь прохожий подслушает эту мысль. Но прохожих не было. Люди занимались своими делами. Только Доник с ума сходил.

Вроде бы глазная загадка пришельцев им раскрыта; они — оборотни. Поэтому выловить их будет нелегко. Но проще чем начинать ловлю пришельцев, надо разобраться, зачем им засвечиваться. Сидели бы по углам — никто бы не заметил. А теперь они потеряли внезапность.

Впрочем, внезапность они еще не потеряли, если уберут Доника. А как его убрать? Можно сбить машиной, отравить... утопить, подослать наемного убийцу.

Донику стало не по себе. Он обернулся сзади никого не было. Хотя это ничего еще не значило. Они подкрадываются незаметно. Доник пошел быстрее. Еще быстрее.

Потом припустил к бараку, запыхавшись, вбежал по лестнице и прижал ладонь к звонку. Звонок заверещал, но Доник не отпустил кнопку.

Открыла бабушка.

— Ты что? Бежишь как кот от собаки.

— Побежишь, — сказал Доник. — Если за тобой привидения гоняются.

Бабушка, видно, решила, что Доник так шутит, и спросила:

— Ужинать будешь?

Вся семья была в сборе перед телевизором. Чего и следовало ожидать.

Доник от ужина отказался, попросил чаю.

— Как твои пришельцы? — спросила Катька, не ожидая ответа, потому что была увлечена телевизионными приключениями.

— Надо что-то делать. И срочно, — сказал Доник.

— А ты поделись, — сказала бабушка, — легче станет.

И Доник поведал своему семейству не только о прилете пришельцев, но и о драматической истории Аполлона-Союза. Но никто не удивился и не испугался. Бабушка взяла уже связанную спинку свитера и долго принюхивалась к тому месту, что было связано из таинственных мотков.

— А зачем нюхаешь? — спросил Доник.

— Затем нюхаю, что запах другой, — сказала бабушка.

Мать сказала:

— Потише, смотреть мешаете.

— Дай понюхать, — сказала Катька.

— Осторожней, не отравись, — сказала мать. — Они ~~там~~, может, всякую отраву в шерсть добавляют.

— Пахнет дикими прериями, — сказала Катька, которая только что читала роман «Анжелика в Новом Свете»..

— Они рассудили, — сказала бабушка, — что любимую ~~вещь~~ я буду беречь. Может, они это уже на других ~~планетах~~ испытали.

— Можно подумать, что ты на других планетах бывала.
— сказала Катька.

— Для этого не нужно бывать. Для этого можно прожить жизнь. Только подольше, чем ты, и с толком.

— Ничего себе с толком! — возмутилась Катька. — Всю жизнь по баракам! Это же не жизнь. Ты даже в Болгарии не была, а о других планетах рассуждаешь.

— А как ты бы хотела жить? — спросила бабушка с обидой в голосе.

— Я бы хотела за фирму выйти, — сказала Катька.

— Что еще за фирма такая?

— Сначала я поступлю на конкурс красоты!

Бабушка с внучкой ввергались в пустой спор, и Доник поспешил вмешаться:

— Помолчали бы! Нас же пришельцы слушают!

— Они слушают? — мама только сейчас об этом догадалась. — Какая гадость! Им никто не давал права.

— Конечно, не давал, — сказал Доник. — Только они не спрашивали.

— А ну, идите отсюда! — закричала мать. — Сейчас же! Чтобы и духу вашего не было.

— А кого ты конкретно гонишь? — спросил Доник, и Катька захихикала.

— Она знает, что гонит, — сказала бабушка. — Призываясь, кто в кухонный стол флакон французских духов подложил?

— Это я сама забыла, — сказала мать.

— Когда же ты себе по восемьдесят рублей духи покупала, а потом в кухонном столе забывала?

— Это мне подарили, — ответила мать, которая в это уже почти верила. — Подарил один мужчина, который просил никому не показывать.

— Что же за мужчина! — не выдержала Катька. — Водопроводчик Колька? Он свою жену испугался!

Мать рассердилась, выбежала из комнаты в коридор, а бабушка крикнула ей вслед:

— Погоди, Вера, ничего в этом плохого нет!

— Если бы меня заподозрили, что я такие подарки принимаю, меня бы со света сжили! — заявила Катька. — А матери можно, да?

— Ты бы пошла, попросила у Веры прощения, — сказала бабушка. — Иди, иди, ничего твоей гордыне не станется.

Доник взял с обеденного стола «Теоретическую физику» Гордона-Смита, новенькую, в синем переплете, он о такой и не мечтал.

— Давно лежит? — спросил он бабушку.

Катька все же встала, пошла в коридор за матерью.

— А это не ты положил? — удивилась бабушка.

— Наполеон положил, — сказал Доник.

Бабушка взяла книгу и стала разглядывать.

— Я только не понимаю, — сказала она — книга настоящая, ты как думаешь.

— Совершенно настоящая.

— Значит, они ее скопировали, — сказала бабушка, — С другой. А где они другую взяли?

— Может, у меня в голове?

— А она у тебя в голове была?

— Нет, вся не была, я ее всю не читал.

— Значит, они ее нашли и копию сделали, — сказала бабушка. — И это меня беспокоит. Пока они копии здесь ~~делают~~, — прямо в комнате, ну ладно, я еще понимаю. Но когда они неизвестно с чего копируют, значит, они уже всю ~~имя~~ освоили?

— Я тебя понимаю, — сказал Доник. — Получается, что они в библиотеке были и передали по своим каналам связи информацию, а здесь ее получили.

— Значит, они все умеют.

— Тебе страшно, баб?

— А чего бояться, — сказала бабушка. — Может, неудобно, что кто-то сидит, смотрит на нас с тобой, думает и молчит. Но раз он нам с тобой не гадит, то я молчу. А если старается нам лучше сделать, тем более молчу. Кто мне добро делал? По пальцам можно перенесть. Добро — ценность редкая. Дай уж мне на их добро хоть злом не отвечать. Разве хуже, чем мы живем жить возможно?

Пришел Барбос. Он втиснулся из коридора в щель прикрытой двери, кончик его хвоста подрагивал — он чувствовал себя охотником.

И было отчего — в зубах он нес мышь.

Счастье охотника светилось в глазах кота.

— Что, — спросил он у Барбоса, — тебе тоже сделали подарок? Ты теперь тоже счастливый ходишь?

Барбос сделал движение хвостом и положил придушенную мышь у ног бабушки, — он делал ей большой подарок.

— Убери! — сказала бабушка. — Сейчас Вера придет, такой крик поднимется...

Барбос понял, взял мышь и унес ее под диван.

— Тоже пришелец? — спросил Доник.

— А разве Барбосу счастье не полагается?

— Как мы привыкнем, — рассуждал вслух Доник, — они тут же обернутся автоматчиками...

— И что? — спросила бабушка. Перед ней на столе подвился еще совсем-совсем целый моток синей шерсти. Бабушка осмотрела его и кинула в корзинку с вязанием.

— И уничтожат.

— Хорошая шерсть, — сказала бабушка. — Натуральная.

Послышался звонок в дверь.

Один звонок — общий.

— Откроют, не бегай, — сказала бабушка.

Но Донику не сиделось, он выглянулся в коридор. Дверь открыла Катюша. В дверях стоял бледный, даже зеленоватый Аполлон-Союз. За ним еще какие-то люди, такие стоят у винного отдела.

— Здесь пацан живет? — спросил Аполлон-Союз. — Очкарик!

Язык плохо слушался Аполлона, и тот старался выговаривать слова медленно и внятно.

— Я здесь! — Доник вышел в коридор. Он сразу понял, что разыскивают его.

— То-то что здесь, а ты не таись! — сказал строго Аполлон-Союз. — Ты что наделал, а?

— Я ничего не делал. — Доник вдруг испугался. Он пришельцев так не боялся, как этого человека, от которого исходила глухая злоба.

Все, кто был в коридоре и на лестничной площадке, смотрели на Доника — кто с испугом, кто с тревогой. Саша не могла скрыть злорадства. И даже губы ее уже зашевелились, чтобы сказать: «Я же предупреждала!».

— Я чуть Богу душу из-за тебя не отдал. Пол-улицы изблевал. Водка-то была отправленная! — сказал Аполлон-Союз.

От злобы он весь подобрался, сосредоточился. — Ты зачем продался? Ты мне ответь и всему народу — кому продался?

— Вы чего к мальчику пристали? — пискнула бабушка, и Доник вдруг увидел ее чужими глазами и понял, какая

она маленькая, субтильная, одним пальцем можно перешить.

— Молчать! — зарычал Аполлон-Союз. — Всем молчать по стойке... Пей, говорит, водку! Отравитель!

— Я вам говорил, что не надо. А вы сказали, что в ней сорока градусов не будет.

— Провокатор, вот он кто, — сказал Коля-водопроводчик, что пришел с Аполлоном, — душить таких нужно уже в колыбели.

— Я же товарищей угостил, — Аполлон-Союз широко провел рукой, но рука ударила о вешалку. Аполлон-Союз длинно выругался.

— Вы не умеете себя вести, — сказал Лев Абрамович из дальней комнаты.

— Вот именно, — сказал кто-то темный от двери. В квартиру вливалось человеческое месиво, что пасется возле винного магазина.

— Теперь я заражен радиацией и мне жить осталось не сколько часов, если не найдем способа отвезти меня в свободно конвертируемую страну, понял?

— С чего вы решили? — спросила бабушка.

— У него в бутылке был пришелец, — сказал Доник бабушке. — Он водку стал пить — наверное, пришелец не знал, что водку пьют... и погиб.

— Ах, не знал! Нет, знал! Предупреждаю, сам погибну, как в Чернобыле четвертый реактор, но тебя с твоими пришельцами уничтожу!

— Да ты придуши его, милиция возражать не будет, — сказал один из собутыльников.

— Вот я сейчас вызову милицию, тогда посмотрим, кто хулиган! — сказала бабушка. — Вера, звони по ноль-два!

Мать сделала движение к двери, но остановилась, потому что дверь была перекрыта незваными гостями.

— Постой, — сказал Аполлон-Союз. — Руки не распускай. Пускай твой очкарь честно скажет, как их уничтожить?

— И чтобы обменяли водку на настоящую! — послышалось из-за его спины. Аполлон-Союз брыкнул назад ногой, и послышался вопль. — Ты чего?!

— Говори! Ты знаешь!

— Честное слово. Я не больше нас знаю, — ответил Доник. — Мы же с вами вместе эксперимент ставили.

— Он вообще очень скрытный ребенок, — сказал Лев Абрамович. — От него добром трудно добиться.

— А мы катаньем добьемся, — сказал Аполлон-Союз.

— Будешь говорить или нет?

— Вы же знаете, — сказал Доник, — что они стараются сделать человека счастливым. Они как-то чувствуют, что ему нужно для счастья... и делают.

— А что тебе сделали? — быстро спросил Аполлон-Союз.

— Мне? Книжку по физике, переводную, — сказал Доник.

— Книжку! Ха-ха, — сказал пьяный голос с лестничной площадки.

— Ладно, верю, — сказал Аполлон. — Давай ее сюда.

— Зачем?

— А ну давай!

Катька испугалась — мгновенно метнулась в комнату, принесла книжку Аполлону. Она была как птица — уводила хищника от гнезда, а в гнезде у нее туфли, духи, наверное, что-нибудь еще...

— И ты думаешь, если его возненавидеть, он сляняет?

— спросил Аполлон-Союз. Доник пожал плечами. Чего отвечать — Аполлон-Союз уже делал так с бутылками. Может быть, пришельцы внушали людям счастье, но сами

могли существовать до тех пор, пока в ответ получали счастливое чувство...

Доник не хотел встречаться взглядом с Аполлоном, который как бы притягивал к своим тусклым водянистым глазам чужие глаза, чтобы подчинять их.

— Может, они хотят, чтобы люди стали как они? — вырвалось у Доника... И эти слова прозвучали как раз в тот момент, когда в коридоре было тихо.

— Эти слова мы уже слышали, молодой человек. И не стали умнее, — сказал Лев Абрамович.

— Почему вы все время говорите — что они плохие? — спросила бабушка. — Они ничего плохого не сделали.

— А это? — Аполлон рванул рубаху на груди — кожа под рубашкой была зеленой. — Может, это теперь навсегда?

— Ой! Лягушка! — закричала Салима. — Уходи от нас, прошу тебя.

— Молчать! — сказал Аполлон-Союз. — Я объявляю войну всем агрессорам и сволочам, которые хотят завоевать нашу славную родину! И пускай они знают — со мной шутки плохи — за мной стоит весь русский народ!

Собутыльники Аполлона закричали «ура!», затоптали, захлопали в ладоши, и Доник понял, что их немало — лестничная площадка была забита народом.

— Вставай, страна огромная! — запел кто-то хрипло.

— Вставай на смертный бой! — подхватил другой голос.

— Стоп, стоп, стоп! — оборвал пение Аполлон-Союз. — Рассказываю, как истреблять эту сволочь! Сначала мы на нее смотрим и грозим: сейчас я тебя растопчу!

Он поднял к глазам книгу Гордона-Смита, и Донику стало жутко жаль эту книжку, больше ему ее уже не купить... Но он не посмел ничего сказать...

С легким щелчком, который был слышен, потому что все молчали, книжка исчезла.

Это воздух, понял Доник. Воздух заполнил пространство, только что занятое книгой. Аполлон-Союз подставил ладонь, что-то ловил, не поймал, опустился на колени на пол и стал искать на полу.

— Ты что? — наклонился над ним один из собутыльников.

— Я его ищу для уничтожения! — сказал Аполлон-Союз. — Пока он в собственном облике. Да отойдите подальше — далеко он не уйдет.

И тут Доник, который смотрел вниз, увидел пришельца — это был полуопрозрачный шарик, размером с божью коровку. Доник, сообразив, сделал движение навстречу шарнику, что катился к нему, но тот, не почувствовав этого, сделал последнюю попытку угодить людям и не нашел ничего лучше, как превратиться в бутылку — бутылка водки покатилась по полу к ноге Доника. Из-за спины Аполлона раздался клич вожделения, а Аполлон захочотал, театрально подхватил бутылку, и она тотчас исчезла, уничтоженная его ненавистью. На этот раз Аполлон-Союз уже не выпустил пришельца — он держал его двумя пальцами; показывая всем.

— Я их, колорадских жуков, уже штук двадцать сегодня пахнул! — торжествовал Аполлон-Союз. — Не выйдет наш план! Мы всех их истребим!

— Какой гадкий! — сказала Салима, приглядевшись. — Наверно, воняет.

— Может, сообщить куда надо? — спросил Лев Абрамович.

— А они комиссию пришлют и пять лет будут изучать, пока эти гады нас всех не перетравят. Нет уж — русский человек должен сам себя защищать! А то со всех сторон

лезут, масоны проклятые. — И с этими словами Аполлон-Союз неожиданно ловким движением сжал горошинку ногтями. Раздался тонкий короткий писк. — Вот и все дела, — сказал Аполлон, вытирая руки о пиджак.

Все смотрели на него как на полководца, ожидая приказов. И он это понял. Обвел всех строгим взглядом и приказал:

— Чтобы к утру по всем квартирам выявить этих клопов. Если до утра не сделаем — кранты. Они вас используют! Я уже ребят послал за оружием. Будем вооружаться, понятно? Ну? Чего молчите? Понятно?

— Разумеется, мы понимаем всю серьезность момента, — сказал тогда Лев Абрамович. — Но я полагаю, что компетентные организации должны быть поставлены в курс дела.

— Ты только попытайся, сионист, — сказал Аполлон. — Ты только попытайся. Лучше ползай на коленках, ищи, куда к тебе враги забрались. Ты об этом думай. Ну, где твой прячется?

— Я не имею представления!

— Не имеешь? Граждане, он не имеет представлений! Значит, он — шпион этих самых пришельцев. Шпион и разведчик. И будет казнен. Нет, не дрожи, не падай в обморок, сейчас я тебя не трону. Но если ты до утра не найдешь и не ликвидируешь своих клопов, то я приду и ликвидирую клопов и тебя заодно, понял?

— Понял.

— Тогда страйся. Думай, где у тебя враг!

— У него новые часы! — сказала быстро Салима. — Ж мне хвастался. Откуда новые часы?

— Вот видишь, сионист, как народ помогает нам, орденам порядка? Показывай часы!

— Я их купил!

— Ну-ка, «сейко». купил? И сколько заплатил? Молчишь? И правильно делаешь. А мы все вместе: мы ненавидим эти часы! Ну: иенавидим!

На глазах у всех часы щелкнули и исчезли — лишь божья коровка бежит по ладони Аполлона, а тот хоочет — жизнь его, тикая бессмысленная и никому не нужная еще утром, стала важной, руководящей — теперь он впервые за много лет получил возможность и моральное право распоряжаться, казнить, миловать и наводить порядок!

— Щелк! — лишь теплая розовая жидкость стекает по пальцам.

— Именно так! — Аполлон-Союз указал пальцем на ухо Катьки и сказал — А ну снимай этого пришельца!

— Это мое, — сказала Катька.

— Врешь!

— Врет! — помогла сразу Салима. — Совсем недавно же было.

— Да это еще мое, моя мама мне подарила! — возмутилась бабушка.

— Знаем мы этих мам. Смотри, я ненавижу, ненавижу, ненавижу, ненавижу... — Он протянул руку и дернул за сережку. Катька ахнула. Сережка была в руке Аполлона-Союза, а из Катькиного уха потекла кровь. Доник, не сообщая, что делает, кинулся на Аполлона-Союза с криком:

— Уйди, гад! Уйди, фашист!

Аполлон-Союз с неожиданной резвостью подставил колено — Доник налетел на колено, дыхание сорвалось, он упал бы, если бы его не успел подхватить Лев Абрамович, который стал его уговаривать:

— Мальчик, не надо, потерпи. обязательно надо потерпеть, они сейчас уйдут, они всегда уходят, и конце концов они уходят...

Доник пытался освободиться от мягких, дрожащих пальцев Льва Абрамовича, поэтому он не уловил момента, когда у бабушки оказался в руке пистолет. Большой черный пистолет. Бабушка поднимала его, словно отталкивала от себя, и вдруг стало тихо, будто ни одного человека вокруг. И бабушка произнесла очень тихо, почти шепотом:

— Тебе же сказали, чтобы ты ушел. Сколько надо повторять? Ну!

И это последнее слово прозвучало отдельно и слишком громко — хоть уши затыкай, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

И сразу тишина исчезла, и наполнилась, как компот ягодами, разными голосами:

— Убивают! — кричала Салима.

— Я ухожу, ухожу... ты чего, я ухожу. — Это говорил Аполлон-Союз.

— Милицию надо позвать! — это неизвестно кто закричал.

— Тетка, не стреляй, мы пошутили! — это тоже незнакомый голос.

— Мама, осторожнее, он выстрелит!

— Пустите, — в этом голосе Доник узнал собственный голос. Лев Абрамович отпустил его.

Доник кинулся не к бабушке, а к дверям, в которых толклись, отступая, Аполлон-Союз и его свита.

— Давайте, — сказал он, выталкивая их. — Скорее, рече вы не видите...

Только оказавшись на лестнице, защищенный от бабушки косяком двери, Аполлон-Союз крикнул:

— Нас не запугаешь! Чтобы завтра ни одного!

Бабушка царственно отстранила пытавшегося поменять ей Льва Абрамовича и вышла на лестничную площадку.

По лестнице, сшибая друг друга, горохом, мешочным обвалом понеслись незваные гости. Они матерились, кричали, они были в панике, как стадо перепуганных коз.

— Ну, бабушка, — сказал Доник, — я от тебя не ожидал.

— А я ожидала? — спросила бабушка.

— Откуда у тебя пушка?

Остальные выглядывали из квартиры в открытую дверь, и на лестничной площадке были только бабушка и Доник.

— Какая пушка?

Доник поглядел на бабушку — в руке у нее была мухоловка — проволочная палочка с хлопушкой на конце. Бабушка тоже смотрела на свою руку.

— Лучше допустить, — сказал Лев Абрамович, — что ничего не было. И мы ничего не видели. Это снимает массу ревожных проблем.

Они вернулись в квартиру, Салима закрыла дверь на цепочку.

Мама принесла пластырь и заклеила Катьке ранку.

Все прошли на кухню — центр квартиры, нейтральную территорию. Кто сел на табуретку, кто стоял.

Это был военный совет.

— Я был не прав, — сказал Лев Абрамович. — Ничего не снято. Все проблемы остаются.

— А я думала, что ты часы «сейку» украл. А оказывается, шпионы дали, — сказала Салима радостно. — А теперь отобрали. Нехорошо, а?

— А вы лучше, Салима Ибрагимовна, — сказал Лев Абрамович, — проведите ревизию своего хозяйства. Нет ли в нем чего лишнего.

— Откуда у меня лишнее? Мы не воруем, мы все заранее отали.

— Теперь ничего нельзя гарантировать. Разве Лидия Сергеевна подозревала, что у нее есть такой большой пистолет?

— А у меня его и нет, — сказала бабушка.

— Вот именно. Ничего нет. Хорошо еще, что вы не стали стрелять.

— А что с меня, со старухи, возьмешь, — сказала бабушка и положила на стол мухобойку.

Лев Абрамович двумя пальцами взял мухобойку и перенес в раковину.

— Начинаем проверку на шпионов? — спросил он, глядя на Салиму.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Салима.

— И кофточка? — ехидно спросила Катька.

— Какая кофточка?

— Какая на тебе.

— Магазин купила, — Салима сразу стала хуже говорить по-русски. — Вчера купила, зачем спрашиваешь.

Она сделала попытку скрыться в своей комнате, но тут Лев Абрамович с наслаждением отомстил ей:

— Вы ее, конечно, можете оставить себе, — сказал он.

— Это ваша кофточка, и мы разве что можем сказать? Но я вам не советую ее носить в свете сегодняшней обстановки, если это не кофточка, а только шпион. Вы представляете, какие будут последствия — она вас ночью задушит, как в произведениях Николая Васильевича Гоголя, а утром придет тот серьезный гражданин и из соображений дезинфекции все на вас сожжет.

— Нет! — закричала Салима. Она прикрыла грудь пухлыми ладошками, но вдруг кофточка исчезла. И Салима оказалась в лифчике, который был ей мал. Она тонко заверещала и побежала почему-то не к себе, а спряталась в уборной. Тогда наступила разрядка, и все начали смеяться.

Потом Лев Абрамович ушел к себе. Он сказал на прощание:

— Я осторожный человек, вы же меня понимаете, и русский народ трудно сдвинуть с места на что-нибудь хорошее, но когда вы хотите его немного напугать, чтобы он бегал за шпионами, сионистами или белыми воронами, он уже всегда готовый, потому что думает, что если поймать всех белых ворон, то будет колбаса и полное изобилие. И я не хочу быть соратником иностранной разведки, хоть вы мне будете говорить, что какая это к черту разведка, если они прилетели из космоса на аварийной летающей тарелочке. Но мы с вами не знаем, кто для нас страшнее — наши собственные борцы против шпионов или эти шпионы, которые так спешат сделать нам подарки. Скажите, зачем мне, старому бухгалтеру, японские часы «сейко»? Я тоже не понимаю. Спокойной ночи и обещаю вам, что я найду все подарки судьбы, которые я не заслуживаю, и как только найду, я их начну так ненавидеть, что они сами спрыгнут со второго этажа.

Лев Абрамович невесело засмеялся и пошел к себе.

И они остались вчетвером.

Женщины уселись в большой комнате у телевизора, а Доник прошел в маленькую, но не стал там зажигать света. Он подошел к окну. И он увидел, как толпа людей, черная и плотная, в которой вспыхивали порой красные огоньки — когда кто-то затягивается сигаретой, вытекает из подъезда дома напротив и полукругом охватывает две женские фигурки, замершие под фонарем. Доник понял, что это — сестры Волковы, каждая держит по собачке на руках, а толпа сдвигается все теснее... и вдруг одновременно — Доник увидел это так явственно, словно стоял в метре — собаки исчезли — обе исчезли, и старушки засутились, за-

бегали — и слышен был смех, а люди в толпе начали подпрыгивать, чтобы раздавить пришельцев...

Доник отошел от окна.

В соседней комнате был слышен голос матери:

— Мама, ты не понимаешь, у меня дети. А это массовый психоз. И я не знаю, когда он кончится. Мы обязаны сами все очистить. Не будем же мы из-за каких-то жалких вещей рисковать самим дорогим...

Мама умеет себя уговорить. Теперь дети — тяжелая артиллерия, будто единственный выбор: дети — вещи. А ведь выбор совсем другой. И бабушка, конечно, это заметила.

— Меня не это тревожит, — сказала она. — У меня такое ощущение, Вера, что ко мне приблудился щенок и я его продаю барышникам, чтобы из него сделали шапку.

— Мама, ну что ты несешь! При чем тут барышник! Ты же сама говорила — неизвестно какие у них цели! Может сначала внедриться, потом разложить нас морально и уничтожить.

— Я все это слышала...

— Ради Катьки и Доника я пойду на все! — мать перешла в наступление. И Доник понимал, что бабушка долго не продержится.

Катька молчала. Сейчас она придет и начнет решать проблему — оставлять себе туфли или нет... интересно, будут ли они хитрить и утаивать что-нибудь от Аполлона? Если будут, то они глупые — Аполлон-Союз со своими соратниками наверняка к утру разработают систему... Но и пришельцы будут дураками, если до утра останутся в своем облике.

— Дураки, — сказал Доник вслух. Он подумал, что если они могут угадывать мысли, то, наверное, услышат и слова.

— Вам надо отсюда рвать когти. И подальше... правда, вы не знаете, куда, вам трудно без людей — вам нужно, чтобы

было с кем вместе... я так понимаю? Вы не можете существовать в ненависти, в нелюбви, во вражде — просто не можете существовать.

— Да, — ответила комната. Не какое-нибудь ее место, а вся комната.

— В вашем мире состояние счастья, — эта самое обычное и единственно возможное состояние? — спросил Доник.

— Да.

Комната замолчала.

Вошла Катька.

— Ты чего без света? — спросила она.

Доник задернул занавески.

— У Волковых собачек убили, — сказал он.

— Ну уж не убили! — сказала Катька. — И вовсе не собачек. «И ты мне не союзник», — подумал Доник.

Доник перешел в большую комнату и дождался, пока бабушка вышла.

— Бабушка, — сказал он, — дай мне рублей десять.

— Зачем?

— Мы с Барбосом гулять пойдем.

— Далеко?

— Я смотрел на сестер Волковых, — сказал Доник, — у них собачек убили, и вспомнил о тете Дусе. В Пушкине.

— Ты прав, — сказала бабушка, — у нее большой участок, и никто к ней не сунется.

— Я думаю, им надо переждать, пока за ними прилетят, чтобы их не убили.

— А они тебя поймут?

— Ты молодец, бабушка, — сказал Доник. — Другая бы начала кудахтать — десять часов вечера, а ты электричкой, в город, это так опасно!

— Лучше возьми такси, я тебе тридцатку дам. У меня есть. Тебе надо утром вернуться, чтобы они не догадались, что ты уезжал.

— Ладно, — сказал Доник. Он взял деньги. И вовремя, потому что вернулась мать.

— Мы пошли гулять, — сказал он. — Где Барбос?

Барбос выскочил из-за дивана. Он держал в зубах мышку.

— Дурак, — зашипел на него Доник, и мышка исчезла, а на шее у Барбоса возник тонкий ошейник.

— Ты далеко не отходи, — сказала мать, включаясь в экран телевизора, словно всей истории с пришельцами и не было. Доник посмотрел на трюмо — флакон с духами исчез. Значит, пришельцы принимают меры. Даже интересно — какие меры?

Барбос первым побежал через дорогу, Доник за ним.

Когда он прошел уже половину сквера, он остановился, стараясь понять, идут ли с ним пришельцы. И тогда он услышал легкое трепетание крыльев — над ним, над головой, совсем низко, кружила стая птиц — воробьев, ласточек, стрижей, синиц — не время в десять вечера собираться и стаю таким разным птицам...

Тогда Доник пошел из города, к тихой пригородной платформе, где останавливается поздняя электричка. Над ним неслась стая птиц, а сзади не спеша трусили штук десять Барбосов — не ссорились, не обращали друг на друга внимания — гуляли с хозяином.

ЛИШНИЙ БЛИЗНЕЦ
Неоконченный роман...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1968 год.

Некогда наш Веревкин был центром небольшого княжества, за которое боролись могучие соседи — рязанцы и туляки. Городище и сегодня можно различить за взорванным в тридцатые годы собором. Его взрывали, но не до конца, динамит кончился. За перерасход динамита, говорят репрессировали командование саперной дивизии. Все может быть — времена стояли морозные.

Я патриот Веревкина. Мальчишкой я бегал по зеленому склону за улицей Льва Толстого к запруженной речке Веревке. Там мы купались, а в омуте жил сом гигантских размеров. Мы его иногда видели, он даже уток воровал. Но взрослые нам не верили до тех пор, пока в омуте не взорвалась в сорок первом немецкая бомба. И тогда сом погиб и выплыл светлым брюхом кверху и был он размёром с небольшую подводную лодку. Но всем было не до сома, потому что сначала через Веревкин прошли немецкие танки, а когда выпал снег и танки завязли, на них нашла конница генерала Белова. К тому времени сом уже

вмерз в лед, местные жители вырубали его изо льда ломтями, тем и жили до весны.

Простите, что я отвлекаюсь, но иногда хочется поговорить неспешно и передать кому-то память о вещах, никого теперь не интересующих. В войну я был мальчишкой, потом кончил пединститут, с тех пор работаю в школе № 2. Школа № 1 расположена по ту сторону рынка, где район пятиэтажек, а наша осталась в здании дореволюционной гимназии на улице Льва Толстого. На гимназии, вы наверное обратили внимание, есть мемориальная доска о том, что там учился академик Соснихин, дважды герой Социалистического труда, создатель самоходных комбайнов.

В сквере у бывшего собора мы намеревались, как положено, поставить бюст на родине дважды героя, но оказалось, что ни одной фотографии нашего славного земляка не сохранилось. А когда инициативная группа во главе с нашим завучем Людмилой Африкановой ездила в область, то ей объяснили, что под комбайнами подразумевалось нечто совсем другое, из-за чего академик Соснихин был настолько засекречен, что было указание скречь даже его школьные фотографии. И дом, в котором он родился, вместе со всеми свидетелями. Последнее, как вы понимаете, шутка. Дом конечно стоит на месте, хотя состоянию его оставляет желать лучшего. Но родственников его нашим школьным следопытам отыскать не удалось. К тому же в последние годы выяснилось, что фамилия академика Соснихина совсем не Соснихин, но настоящая фамилия была вычеркнута из всех документов, школьных журналов и даже из книг ЗАГСа. Тем не менее мы продолжаем гордиться нашим земляком и раньше устраивали пионерские сборы в его честь.

Я проживаю вместе с моей супругой Нианилой Федоровной в двухэтажном деревянном доме в переулке Урицкого рядом с бывшей часовней Аники Воина. Мы занимаем две комнаты на втором этаже и так как у нас нет детей, то жилищные условия у нас более, чем хорошие. Вторую квартиру из двух комнат занимают Стадницкие. Коля — мой бывший ученик, после службы в армии он стал работать в райпотребсоюзе, а его жена Клавдия, для нас просто Клава, приходится дальней родственницей моей супруге и мы считаем ее как бы нашей дочерью. Так что наш второй этаж живет дружно, мы посещаем праздники друг у друга. К сожалению, первый этаж нашего дома занят жестянкой мастерской. Там выпрямляют жестяные или иные металлические предметы, которые по какой-то причине погнулись. К счастью, мастерская заканчивает работу в шесть часов вечера.

Вот так обстояла общая обстановка к моменту странных событий, а о состоянии Веревкина вы можете убедиться сами, стоит вам пройтись по городу. Надеюсь вы не заблудитесь? Прямо, до собора, там налево до памятника Ленина. А за ним начинается колхозный рынок.

Стадницкие хотели ребенка. Мы тоже хотели, чтоб у них родился ребенок и дома стало бы оживленнее. Мы даже обещали молодым людям, что будем помогать им пристить ребенка и сидеть с ним, если понадобится.

Клавдия, которая работала методистом в Доме культуры имени Клары Цеткин, взяла декретный отпуск раньше срока, за свой счет. Мы были с ней согласны.

Коля Стадницкий хотел мальчика, а Клава хотела девочку, это обычный и понятный семейный конфликт. Наш доктор в женской консультации Дина Иосифовна внимательно относилась к будущей матери и уверяла, что береж-

менность проходит нормально. Затем ребеночек начал двигаться и проявлять признаки жизни.

Сейчас я стараюсь вспомнить, когда же могло произойти то трагическое событие, которое и послужило толчком ко всему. Это событие было незаметным, оно должно быть незаметным, и все же меня порой мучают мысли, что я мог бы остановить или хотя бы предупредить трагедию.

Мы не раз обсуждали с Нилой эту проблему и пришли к общему мнению, что все началось в консультации, когда Клава пришла к своему врачу Дине Иосифовне с опозданием на полчаса и никого в коридоре не было. Как она сама мне рассказывала, Клава постучала в дверь и вошла. Дина Иосифовна приняла ее с обычным вниманием, сделала укрепляющий укол и затем осмотрела с помощью аппарата, который сама называла портативным УЗИ — то есть аппаратом для ультразвукового исследования, которого раньше в нашей больнице и в помине не было. Клава ощущала какие-то щекотания во внутренней полости, но болезненных явлений не наблюдалось. Затем Дина Иосифовна сказала, что беременность протекает нормально и плод имеет благоприятные формы.

Клава в тот раз не заподозрила ничего неладного, если не считать того, что на следующий день встретила на рынке Дину Иосифовну и та попросила у нее прощения за то, что вчера не смогла прийти в консультацию, потому что провожала в Рязань старушку-маму и ее неудачно сшиб проходивший мимо мужчина так, что она упала и чуть не получила сотрясение мозга, очнулась в зале ожидания, отчего пропустила автобус и пришла в консультацию только к концу приема.

— Как же так? — удивилась Клава. — Я же была у вас и вы мне УЗИ сделали.

На что Дина Иосифовна засмеялась, полагая, что Клава шутит, но Клава не шутила и вечером рассказала моей жене Ниле, как пример забывчивости докторши. Роды у Клавы произошли примерно на неделю раньше срока, по причине дня рождения ее свекрови, на котором было выпущано много разной пищи, в частности роженица налегала на маринованные грибы, которые, как пишут канадские исследователи, в некоторых случаях ускоряют начало схваток, особенно если это бледные поганки.

Схватки у Клавы начались буквально после поганок, когда гости ждали чай с фирменным тортом. Клава, будучи любительницей торта, стала терпеть и не подавать зна-ка, что рожает, однако малыш все настойчивее стремился покинуть лоно своей матери и, недоеv торта, Клава была вынуждена покинуть торжество. Так с куском торта в судорожно сжатой руке она рожала мальчика, порой, между приступами боли, облизывая пальцы и дожевывая бисквит.

Во время родов в больницу непрерывно звонили по межгороду и спрашивали, каково состояние больной Стадницкой, но ответа не выслушивали, а кидали трубку. К концу был звонок из города Ганновера в Западной Германии, но говорили по-немецки и пока медсестра бегала в школу за учительницей немецкого языка, линия уже разъединилась. Моя жена Нианила Федоровна утверждала, что слышала в тот день от достойного доверия жителя улицы 25 Бакинских комиссаров, что над родильным отделением нашей городской больницы в течение двух или трех часов висела летающая тарелка, но других свидетелей этому не нашлось, да и не могло найтись, как я понимаю, потому что шел проливной дождь, а если тарелка и была, то через пять дней после родов. С другой стороны, могла быть и тарелка. Хотя в таком случае ее должны бы-

ли видеть и на соседней улице имени 28 Героев-панфиловцев.

Задним числом я беседовал на эту тему с руководителем ДОСААФ Артемом Груздем, почетным пионером и вождем бригады Красных следопытов. Он живет как раз на пересечении улиц имени 25 Бакинских комиссаров и 28 Героев-панфиловцев и обычно проводит дни в раздумьях о справедливости, глядя на небо. В тот день он тоже глядел на небо, но ничего кроме дождя не увидел. А если уж товарищ Груздь не увидел, то вернее всего тарелочки и не было. Ведь смог же Артем Артемович доказать на областном уровне, что среди 28 Бакинских комиссаров был один провокатор, который, не будучи комиссаром, затесался в ряды расстрелянных и погиб по заданию одной разведки. И ему же принадлежит открытие того, что из 28 Героев-панфиловцев двое были нерусской национальности. С тех пор в нашем городе количество героев пересмотрено.

Простите меня за старческие отступления от темы, однако картина странных и пугающих событий в нашем Воревкине раскрывается во всей своей полноте лишь при внимательном отношении к деталям.

Сами роды проходили нормально, без деталей, кроме уже упомянутых, и, когда Клава облизала все пальцы, младенец появился на свет. Клава скоро забылась счастливым сном, младенца отнесли в палату для новорожденных, а дежурная медсестра уверяет, что примерно через три часа, уже глубокой ночью в родильное отделение пытались проникнуть высокая худая рыжеволосая женщина, хромающая на правую ногу. Она требовала, чтобы ее привели к роженице или по крайней мере показали младенца. Получив отказ, она побежала, хромая, прочь по улице Мало-Советской с криком:

— Какой ужас! Я опоздала! Нет мне прощения!

Вот и все, что я могу рассказать о беременности и родах Клавдии Стадницкой.

Радостно и весело готовился наш дом к возвращению, Клавы из роддома. Мы с женой, а также Коля Стадницкий встретили Клаву у порога, передали букет ранних тюльпанов, а Коля Стадницкий взял младенца на руки. Так мы и пошли пешком домой, благо городок невелик, и многие останавливались и поздравляли нас с прибавлением.

У входа в наш дом выстроились сотрудники мастерской. Жестянщики держали в руках стаканы и рюмки, а некоторые даже бутылки. При виде нас они стали петь разные песни и пить водку за здоровье малыша. Я постаралась их обуздить, но к сожалению Коля Стадницкий был вынужден выпить стакан водки под соленый огурец.

Мы уложили младенца в колыбельку, он был веселый, краснощекий, голубоглазый, и я даже прослезился от радости. Коля Стадницкий стал делать мальчику пальцами козу, но потерял равновесие, и мы оттащили его тело в другую комнату на кровать. Жестянщики побоялись на радостях внизу и возвратились к работе с энтузиазмом, отчего младенец даже захныкал, а я спустился вниз и предложил нашим соседям разойтись на сегодня по домам. Что они и выполнили. Наступила тишина.

Мы рано уединились в нашей квартире, чтобы не мешать Клаве и Коле привыкать к своей новой жизни. Вечер был приятным, теплым, по-хорошему весенним. Мы посмотрели по телевизору какой-то старый фильм с участием актера Рыбникова, но к сожалению я не помню, какой это был фильм. Я хотел было постучать к Стадницким и спросить не нуждаются ли они в нашей помощи, но Нианила отговорила меня, уверив, что если помочь понадобится, молодые люди сами к нам обратятся.

Первая ночь прошла спокойно, хотя, должен сказать, что несколько раз я просыпался, потому что начинал пла-кать ребеночек. В ночной тишине каждый звук разносится на много метров, а когда твое сознание настроено на по-явление в соседней квартире младенца, отделенного от тебя деревянной стенкой, то естественно, что твоя нерв-ная система работает с большой нагрузкой.

На следующий день была пятница, но наши жестянщи-ки не вышли на работу, потому что накануне перепили, и для всех нас наступил счастливый и спокойный день.

С утра мы ходили смотреть на младенца и спорили, как его назвать, потом заявила Клавина свекровь, женщина суровая, но была растрогана и принесла недоеденный на празднике торт. Клава, как кормящая мать, испытывала голод и готова была накинуться на торт, но моя супруга Нианила, благо что женщина маленького росточка, вы-хватила из ее рук торт и выбросила его лично в поганое ведро. В ответ на крики свекрови она заявила, что как со-ветский человек не допустит, чтобы кормящую мать от-равляли третьегоднящим тортом, который кишмя кишит бактериями.

Скандал загасили, потому что на нашу сторону встал Коля, который давно подозревал, что его мама хочет от-равить молодую жену. Достаточно вспомнить, что она в прошлом году принесла Клаве на день рождения коробку с итальянскими туфлями, а когда Клава трепеща от пред-вкушения, развязала коробку, в ней оказалась гадюка. Ко-ля, ожидавший каверзы, хотел эту гадюку тут же убить, но Клава схватила гадюку за хвост и стала гоняться за свекровью, крича:

— Мы еще посмотрим, кто кого ужалит!

Перепуганная свекровь поклялась, что не открывала коробку и мы все сделали вид, что ей поверили. И отнесли гадюку в магазин.

Вы бы слышали, какой там начался скандал, когда гадюка искала директора и бухгалтершу. Пострадавшие лежали в областной больнице, наши с итальянским правительством обменивались нотами протеста, а итальянский посол приезжал в больницу и привозил пострадавшим цветы, дефицитные лекарства и невзрачного вида плоды киви, похожие на яйца зеленой курицы. Потом бухгалтерша заявила, что итальянский посол ее изнасиловал, пользуясь беспомощностью женщины и своим дипломатическим иммунитетом. Посла отзовали и ему пришлось взять с собой бухгалтершу и ее двоих детей, прижитых вне брака. Теперь, говорят, он снимает ей квартиру в центре города Венеция с видом на канал, бухгалтерша сидит целыми днями у окна и плюет в канал шелуху семечек, которые ей прсылают родственники. Посол давно уже повесился и квартиру оплачивает итальянское правительство. Вот такая у Клавы свекровь, Лилия Юлиановна.

Когда моя Нилочка выкинула наверняка отправленный торт в поганое ведро, свекровь ушла, потому что ее заговор провалился. И мы остались одни.

Клава училась пеленать младенца и младенец начал писать и какать. А я, как человек склонный к изобретательству, представил себе, что когда-нибудь может быть в двадцать втором веке, люди изобретут такие прокладки для младенцев, которые ты подкладываешь в штанишки или подгузники, и они впитывают все, что младенец на-делал. Он всегда сухой, а ты лишь два раза в день меняешь ему эти штучки... В ответ на мое изобретение Нианила Федоровна сказала, что лучше бы эти штучки

придумать для женщин, у которых наступают менструации. И женщинам будет приятно ничего не опасаться и ходить в сухости. Мы стали придумывать названия для таких прокладок, но так и не сговорились. Потом, когда Нианила села распускать мой старый свитер, она вдруг засмеялась и сказала:

— А представляешь, что когда-нибудь по телевизору скажут: «Дорогие женщины, покупайте для себя подгузники!»

— Нет, — засмеялся я, — лучше пускай на экране возникнет такая красавица, как Любовь Орлова и скажет: «Раньше я в Такие дни просто истекала, а теперь хожу сухая...»

— Перестань хамить! — обиделась моя любимая жена.

— Такого к счастью быть не может.

Мы помирились, но через четверть века оказалось, что в нас тогда бурлил дух предвидения. Вы меня понимаете?

Молока у Клавы было достаточно и она кормила ребеночка сама.

Мы любовались ею, как богородицей, и Клава совсем не стеснялась, хоть своего мужа Колю стеснялась и гнала.

Часов в шесть вечера случился странный визит.

Перед нашим домом остановился грязный помятый, я бы сказал, несчастный автомобиль, он был похож на большого породистого пса, скажем ньюфаундленда, покинутого хозяевами и прибившегося к стае бродячих дворняжек.

Из автомобиля вышел широкий, бритоголовый негр в белой майке с надписью по-английски, которую я понял: «Висконсинский университет». Он намеревался войти в наш подъезд, но увидел меня у окна и знаком приказал мне открыть окно. Не знаю почему, но я подчинился его жесту, и негр спросил меня:

— Здесь проживает госпожа Стадницкая и ее семейство?

— А что вам нужно? — осторожно спросил я. Хотя в те дни, тридцать лет назад, преступность была куда ниже уровнем и в нашем городе она ограничивалась пьяными драками, все же в негре я чувствовал нечто тревожное.

— Мне нужно иметь беседу и предупредить об опасности, — сказал негр.

— Сообщите через меня, — сказал я. — Я передам.

— Я должен сделать это лично, доннерветер! — возразил негр.

Не знаю, что за озорство напало на меня, но клянусь, что оно никак не указывает на мои расистские склонности.

— Скажите, а какой марки ваш автомобиль? — спросил я.

Негр опешил от моего вопроса и сказал:

— Это ролс-ройс, любой нормальный человек поймет это с первого взгляда.

— Стыдно, молодой человек, — сказал я, — такую ценную вещь следует содержать в порядке. И если вы не можете помыть такую ценную машину, как я могу доверять вам в других вопросах?

— Вы категорически неправы, — возразил негр, — вы не представляете, по каким буеракам я вынужден был добираться до этого дома.

— Эй! — донесся до нас женский крик.

Негр резко обернулся.

— Годдам! — воскликнул он, прыгнул в машину, которая не сразу завелась, тогда как по улице, прихрамывая, к нам бежала высокая худая рыжая женщина, размахивая волосатой милицейской дубинкой.

Наконец машина завелась и рванула с места. Женщина встала на ее пути, милицейским жестом подняв жезл, чтобы остановить движение, но негр не послушался женщину, а поехал прямо на нее.

И в этот момент вся эта картинка растворилась перед моими глазами, будто все это привиделось.

— Ты их видела? — спросил я Нианилу.

— Кого видела? — спросила Нианила, которая накрывала на сто.

— А может ты их слышала? — спросил я.

— Закрой окно, — сказал моя жена.

Если она не видела и не слышала этого конфликта, подумал я, то нет смысла пересказывать его содержание. Она же все равно не поверит.

Больше никаких событий до самой ночи не происходило.

Мы легли спать как обычно, и сначала я крепко заснул, ибо не жаловался в те годы на бессонницу, будучи мужчиной в самом соку жизни. Это теперь, уйдя на пенсию, я провожу ночи без сна и в тревогах.

Ночью мне слышались всевозможные стуки и перезвон, более того, мне снилось, а может мерещилось сквозь дремоту, как звезды говорят друг с другом, передавая зашифрованные сообщения.

Я проснулся утром ровно в семь-тридцать от шума.

Обычно именно в это время начинают работу жестяники этажом ниже, но так как была суббота, то шума не должно было быть. Что меня и разбудило. То есть мой организм не ждал шума, но шум был, хотя другого типа, нежели обычно.

Шум доносился из-за стены, от соседей, в нем можно было различить человеческие крики различного тембра, удары, звон посуды — мы с женой вскочили. В окно ли

лось утреннее солнце, разноголосо верещали и свиристели птички, на деревьях распускались листочки и среди этих приятных сердцу звуков и пения резким диссонансом выделялись крики от соседей.

— Семен, — сказала Нианила, — мы должны спешить на помощь.

— Ты полагаешь, что наша помощь нужна? — спросил я.

— Они кричат трагическими голосами, — сказала моя жена. — Может быть случилось... Нет, я не могу произнести!

— Случилось несчастье с ребенком?

— Замолчи! Немедленно замолчи!

Кое-как накинув халаты, мы побежали на лестничную площадку, затем улучив паузу в криках и грохоте, позвонили в дверь.

Нам долго не открывали.

Наконец я стал звонить настойчиво, не отнимая пальца от звонка и через минуту дверь дрогнула и приоткрылась на узкую щель.

В щели я угадал профиль Коли Стадницкого.

— Коля, — сказал я, — доброе утро. Скажи, что произошло?

— Ничего не произошло! — резко ответил молодой человек.

И захлопнул дверь.

Мы остались на лестнице.

— Если мы сейчас не зайдем в какую-нибудь квартиру, — сказала Нианила, — то мы обязательно простудимся.

— Тогда лучше идти к нам, — предложил я. — Хоть мне и грустно сознавать, что появление ребенка ведет к конфликтам в семье Стадницких, я не чувствую себя вправе делать им замечания.

Мы двинулись было к нашей двери, но тут дверь к соседям снова приоткрылась и Стадницкий сказал нам вслед:

— И вообще вас это не касается! Не смейте совать носы в нашу личную жизнь!

— Мы и не суем, — с достоинством ответила Нианила и мы ушли к себе.

Но недолго мы оставались одни.

Мы не успели запереть дверь, как услышали легкие шаги Клавы.

Она ворвалась следом за нами в нашу квартиру и шепотом закричала:

— Спасите меня! Он весь пошел в свою мамашу!

— Неужели он хочет отравить вас? — спросила Нианила.

— Хуже!

— Он поднял руку на ребенка?

— Ах, я сама не знаю, что говорю, — откликнулась Клава.

Тут же в дверь втиснулся Коля.

— Возвращайся домой, продажная развратная тварь, — сказал он, — не смей общаться с порядочными людьми.

— Коля, прекрати немедленно! — сказала Нианила. — Я тебя выставлю за дверь. Ты что хулиганишь?

— Я? Хулиганю! Да на моем месте другой давно бы ~~ее~~ задушил! Отелло своих жен за меньшие штучки на тот свет отправлял.

Мы замолчали переваривая страшную информацию. И как назло моя любознательность опять нас подвела.

— Простите, — заинтересовался я, — а сколько жен задушил Отелло?

Тут Клава зарыдала, а Коля ответил:

— Всех, которые были... как моя!

— Ну ладно уж, — сказал я. — Что плохого могла сделать тебе жена, которая принесла тебе два дня назад из роддома чудесного сынишку?

— Вот именно, — сказал Коля.

— Но ведь я не виновата! — закричала Клава.

— Ах, ты не виновата? Не виновата — так не бойся, покажи соседям свое артистическое мастерство.

— И покажу, — ответила Клава. — Мне нечего скрывать.

— Нечего?

— Нечего! — и Клава обратилась к нам. — Пошли, посмотрите и вы меня реабилитируете.

Все вчетвером мы вновь пересекли лестничную площадку и вошли в квартиру Стадницких, из которой доносился детский плач, сопровождаемый эхом.

Надо сказать, что я вступал в квартиру Стадницких с тяжелым предчувствием того, что вступаю в опасную и может быть трагическую эру моей жизни. Казалось бы — что такого: ну плачет младенец, ну негры ездят по нашему Веревкину в иностранных автомобилях. Меня, скромного школьного учителя русского языка и литературы не должно касаться...

— Нас это коснется, — прошептала моя золотоволосая супруга. — Ой как коснется!

Как и положено верной спутнице жизни Нила порой читала мои мысли.

Молодые люди впустили нас в комнату, которая служила спальней им и младенцу, и подвели к кроватке с деревянными барьерчиками по бокам, купленную на вырост.

В этой кроватке лежали два младенца и пускали слюни.

Я прошу вас, уважаемый читатель, остановиться на этом месте повествования и попытаться встать на мое место.

Повторяю: мы вошли в комнату, где пахло детской мочой, присыпкой, счастливым и скромным бытом. Мы посмотрели на кроватку. В ней лежали рядышком два младенца и пускали слюни.

Вы поняли?

Мы ничего не поняли.

Мы переглянулись, потом посмотрели на родителей.

После тяжелой паузы раздался голос Коли Стадницкого.

— Видите?

Нила кивнула.

— А я так надеялся, — вздохнул Коля Стадницкий, — я так еще надеялся, что у меня ночной кошмар и галлюцинации. А бывают коллективные галлюцинации.

— Коллективные галлюцинации! — воскликнула оскорбленным голосом его молодая супруга. — А кто в меня кастрюлей кидал, убить хотел? Кто осыпал меня оскорблениями и рукоприкладством?

— А что мне оставалось делать? — ответил плачущим голосом Коля. Он уступал жене в размерах, но был жилистым и крепким человеком, так что всегда мог одолеть пышную, белую, мягкогрудую Клавдию.

— Простите, Коля, — спросил я, с трудом оторвав взгляд от кошмарного зрелища. — Но за что вы рассердились на свою жену?

— Как за что? За измену, вот за что! — откликнулся Коля.

— Да не рожала я его! — взмолилась Клава. — Христом Богом клянусь, не рожала. Я одного рожала, и одни-

го домой принесла. Неужели бы я не заметила, когда второго рожала?

— Вряд ли это возможно, — поддержал я Клаву.

— А я говорю — это заговор! — настаивал Коля. — Ты одного от меня родила, а второго потом, специально, потому что не мой он ребенок, а плод измены.

— Так это с кем я тебе, дурак, изменяла?

Молодые супруги вновь начали сражение, но убежать с поля боя мы с Нилой не могли, потому что присутствовали при странной загадке мироздания, а загадки требуют разрешения.

— Всем известно с кем! — кричал Коля. — С Гасаном из вашей конторы.

— Это чтобы я — с Гасаном!

— Такие как ты только с Гасаном и могут!

— Да ты посмотри, глаза твои слепые! — возмутилась окончательно Клава. — Гасан — черный?

— Еще какой черный!

— И глаза у него черные?

— Ну и что?

— И кожа смуглая?

— Ни у что?

— И нос как дыня?

— Ну и что? Что? Что?!

— А то, что младенцы одинаковые и оба в тебя, подонок! Ты посмотри — глаза серые, носы курносые, губы наружу и уши вертикально!

— Клава права! — быстро произнесла моя жена, чтоб Коля не успел придумать какую-нибудь другую глупую версию. Нила, как и я, понимала, что дело куда сложнее, чем простая супружеская измена. При простой супружеской измене близнецы не рождаются с промежутком в пять дней. Не знает такого мировая наука.

— Ясно, — сказал Коля. — Я понял. Это не Гасан, а Пупченко из Гортопа! И курносый и глаза серые.

— А уши? — спросила Клава. — Уши у него прижатые, а вертикальные уши только у тебя и отросли, урод лопоухий!

Коля пощупал свои уши. Они и в самом деле выдавались вертикально к поверхности головы.

— Это ничего не значит, — сказал он. — В детстве у меня другие уши были.

— Что же это, я тебя с детства не знаю, что ли?

— И я твой характер с детства освоил! — произнес Коля.

Младенец справа заплакал. Он сучил ножками.

Мы все смотрели на него. Второй младенец повернулся головку и тоже посмотрел на него. Господи, они были абсолютно похожи!

Но Коля сделал иной вывод.

— Вот, — сказал он, — правый — это мой. Ячуствую. Он плачет и страдает от твоей, Клавка, подлой измени!

И тут, как бы подслушав обвинения Коли, второй мальыш зарыдал так, что правый перестал плакать и взорвался на брата.

И правда — я уже не мог называть их иначе как братьями, близнецами, хотя этого и быть не могло.

— Послушай, Коля, — сказала моя супруга, — ты же шуметь и бить посуду, как тебе хочется, но твоя жена здесь не виновата. Она в себе носила только один младенца, это может Дина Иосифовна подтвердить. И сама Клава у роддома встречала и ты сам младенца на руках нес. И он был один.

— Сначала был один, — ответил Коля, — а сегодня ночью она еще одного родила. Тайком от меня, потому что это не мой ребенок!

— Ясно, — я вмешался в этот пустой разговор. — И какой же из них твой, а какой чужой?

— Совершенно очевидно, — ответил Коля. — Справа мой, а слева чужой.

— И почему?

— Разве неясно? — спросил Коля. — Справа мой, а слева ихний.

— И как же ты их различаешь? — спросила моя жена Нианила.

— У него мой голос проклеивается.

Клава наклонилась к кроватке, взяло того младенца, который плакал пронзительнее, обнажила полную грудь и дала ее мальчику. Тот сразу замолчал и зачмокал.

Второй заплакал еще громче.

— Прекрати кормить узурпатора! — закричал Коля. — Корми моего ребенка.

Он даже протянул руку к жене, чтобы оторвать младенца от ее груди, но Нианила встала между ним и кормящей материю и сказала:

— А ну-ка погляди на кроватку. Разве ты не видишь, что она правого взяла, того самого, которого ты за своего держишь.

— Разве? — Коля находился в шоке, руки его тряслись взор блуждал. — Вы так думаете, тетя Нила?

— Я уверена, — сказала моя жена. — И думаю, что хватит устраивать здесь базар. У тебя родились два близнеца, ты их различить не можешь, оба — точная твоя копия, а ты смеешь кричать на жену!

— Это точно... — Коля потерял боевой пыл, но окончательно не сдался. — А когда же... где он вчера был?

— Вчера он из нее еще не вышел, — сказал я. — В медицине такие случаи известны.

Я лгал, но лгал во спасение. Я понимал, что младенцы не виноваты. И Клава не виновата, и Коля не виноват. Тут действует какая-то внешняя сила.

Коля стоял посреди комнаты и думал.

Клава, которая уже смирилась со своим положением, откормила первого близнеца и взяла из кроватки второго.

— Нет, — вдруг согласился Коля. — Мне их не отличить.

— У них даже родинок нету, — сообщила Клава умиротворенным голосом кормящей матери. Коля подумал и вновь огорчился.

— Но ведь тогда, значит, одного нам подкинули?

— А кто-нибудь заходил? — спросил я.

— Ну если бы кто-то к ним заходил, — вмешалась моя супруга, — то мы бы услышали. Наша лестница скрипит сильно.

— Скрипит, — согласился Коля. Он посмотрел на меня испытующе. Его глаза были красными от недосыпа и огорчения. — Значит, бывают случаи, что второго недосмотрели и он с опозданием родился?

— Мы принимаем это как рабочую гипотезу, — сказала моя жена голосом секретаря обкома.

И как-то все сразу согласились.

Мы сидели на стульях в комнате, смотрели на младенцев, которые заснули, и говорили вполголоса, чтобы их не потревожить.

Никто из нас не верил, что второй младенец родился с опозданием на пять дней, а Клава этого не заметила. Она сама признавала: «Если бы во сне, все равно бы схватки были, без боли не бывает».

Ну ладно, размышлял я, допустим кто-то подбросил младенца, ловко подбросил, незаметно. Но почему точно такого же? Где он его раздобыл?

— А что если... — сказал я. Потом осекся. Но все уже смотрели на меня. Пришлось продолжать. — А что если ты его, Клава, сразу родила. С самого начала их двое было. Но потом его отнесли в палату, где новорожденных держат, а отдать забыли. Вот теперь спохватились — видят лежит лишний ребеночек. Они стали проверять — получается, что твой, Клава. Вот они с перепугу и подкинули его незаметно. Чтобы скандала не было. Ведь это страшный скандал — в младенцах обсчитаться, тут выговором не отделаешься. У нас каждый советский человек на счету.

— Не очень мне кажется твоя теория, — сказала Ниамила. — Но другого пока нет.

— Есть, — вернулся к старой версии Коля. — Есть, если это плод супружеской измены.

— Ну, Коля! Ну не сходи с ума! Ну что ты несешь! — мы все накинулись на Колю и он окончательно сдался.

Казалось бы дело утряслось. Нет, ничего подобного.

Ведь мы живем не в вакууме, мы живем в человеческом коллективе. И коллектив уже приходил поздравлять Клаву с родами, коллектив убедился в том, что младенец родился в одиночестве. Ну как теперь убедишь свекровь и других родственников?

— Они потребуют документы, — сказала Клава. — Они же не лучше моего супруга, даже в некоторых отношениях хуже его. Они меня будут упрекать в супружеской измене, вот увидите.

— А мы им документ! — сказал я.

— Какой еще документ? — удивилась Нианила Федоровна. — Где ты найдешь документ о том, что младенцев было двое? Ведь младенец был один!

— Надо проникнуть, — сказал я, — проникнуть и подменить документ. С происхождением младенца мы сами разберемся: куда нам спешить? А вот что касается документации, то без нее не обойтись.

— И что же вы предлагаете, дядя Семен? — спросила Клава.

— Немедленно идти в больницу, в регистратуру родильного отделения и изменить там число младенцев, — сказал я. — Хорошо еще, что вы в ЗАГСе ему имя дать не успели.

— Тогда пошли, — сказал Коля. — А то стыда не обрешься. Как на службу вернусь, не представлю!

— Может лучше дождемся ночи? — спросил я.

— Нет, — сказала Нианила, — сейчас вы открыто придете, а ночью надо красться, как воры, и еще в милицию попадете.

Мы оделись и пошли в больницу. По дороге Колей овладела странная надежда, что мы сейчас поднимем документы и в них окажется, что у него с самого начала были два близнеца. И тогда не надо ревновать жену и оставаться на всю жизнь в неведении, ты ли отец одного из своих сыновей.

К счастью для Коли, он — существо ограниченное и приземленное. Так что за пределы земных и реалистических объяснений он не пускался. Я же, шагая рядом с ним, не мог отделаться от тягостных подозрений, что тайна лишнего близнеца не так проста, как может показаться, и вряд ли объясняется ошибкой в документах или испорченностью жены. К тому же Коля надоел мне, стараясь умыть, а нет ли в природе примеров, чтобы самка рожала

близнецов порциями. Ну может не у людей, а у кошек или морских свинок? На что я не мог ответить. Черт их знает, морских свинок!

В больницу мы пришли около девяти, народа было мало. Я взял разговоры на себя, и Коля был мне благодарен.

Пожилая регистраторша была мне знакома, она приходилась приятельницей моей покойной мамы, и поэтому я говорил с ней почти доверительно.

— Дорогая Даша! — обратился я к ней, сунув голову в полукруглое окошко. — Мы к тебе с несколько необычной просьбой.

Дарья Тихоновна высунула голову в окошко, узнала Колю и обрадовалась.

— Поздравляю тебя с первенцем! — сказала она. — Пускай растет богатырем на радость нашей Родине. Пускай им будет гордиться наш город, как новым Павликом Морозовым.

Дарья Тихоновна всю жизнь провела в пионерах. Сначала председателем совета дружины, потом пионервожатой, затем инструктором райкома комсомола по пионерским вопросам, а постепенной, через горено и совет ютеранов превратилась в почетную пионерку нашего города. Поэтому ей была свойственна восторженность и романтический голос.

При упоминании об отце Павлика Морозова Коля сразу слинял, сгорбился, исчез, а я затолкал лбом обратно голову Дарьи и перешел на другой, понятный ей тон:

— Слушай, Даша, у нас проблема.

— Давай, дружок, слушаем, — ответила Дарья.

— Ты наверное слышала по телевизору, что начался отбор в школу передового пионерского опыта?

— А что? Где?

— В самой Москве, — ответил я. — Записывают с рождения, с первого дня.

— Ну уж они в Москве перегибают палку! — заявила Даша.

— Актив, — прошептал я. — В наши тяжелые времена актив надо готовить с пеленок. Ты же знаешь, какие проблемы с активом.

— Не актив, а сплошная пассивность, — согласилась со мной Даша. Она встряхнуло головой, и коротко остриженные скобкой седые волосы рассыпались по лбу.

— Решено создать при центральном совете пионерской организации спецшколу. Отобранных детей фиксируют с момента рождения, а затем подвергают специальному облучению. Нет, не пугайся, все под контролем. Облученные развиваются лучше других детей...

— Какое еще облучение! — рявкнул за моей спиной Коля. — Не позволю моим детям делать облучение.

— Но вот, ты же понимаешь, — я сурово нахмурился и Даша послушно прикрыла глаза.

— Сейчас ты дашь нам историю болезни Клавы Станицкой. Мы спишем все данные на ребенка. Ведь на него отдельную карточку еще не завели?

— Сейчас посмотрим, — сказала Даша. Конечно у них в больнице все попроще, чем в каком-нибудь московском родильном доме, но все документы подшиты как положено.

Коля жужжал мне в ухо:

— Какое еще облучение?

Даша сказала:

— Видно история болезни еще в родильном отделении или в консультации у Дины Иосифовны. Ты там, Соня, посмотри.

— А Дина Иосифовна пришла?

— По расписанию с девятыи.

— Ну тогда — будь готов! — я сделал ей ручкой пионерский салют и старая пионерка серьезно сделала мне ручкой в ответ.

— Всегда готов!

Я велел Коле сидеть внизу и ждать, а сам пошел в родильное отделение. Там была только сестра, незнакомая, она сказала, что документов на рожениц они не держат. Мне ничего не оставалось, как отправиться к Дине Иосифовне.

Я постучал.

Дверь открылась и из кабинета вышла высокая рыжая худая женщина. Она уколола меня зеленым взглядом и пошла, хромая, прочь по коридору.

— Простите, — спросил я. — Вы Дину Иосифовну не видели?

— Я теперь Дина Иосифовна, — сказала женщина.

— А у вас нет истории болезни Клавдии Стадницкой? — спросил я.

Не оборачиваясь, та женщина помахала тетрадкой, которую держала в руке и сказала:

— Получите в регистратуре.

Я все-таки заглянул в кабинет. В кабинете было пусто.

Конечно та женщина не была Диной Иосифовной, но с другой стороны она уже не первый раз претендовала на место Дины Иосифовны. И конечно, она была связана с тайной близнецами.

Размышляя, я спустился на первый этаж. Коля все еще сидел на стуле у гардероба.

— Ты никого не видел? — спросил я.

— А кого я должен был видеть? — спросил Коля.

Я не успел ответить, как меня окликнула Дарья.

— Сеня! Дина Иосифовна вернула мне клавкину историю болезни. Она тебе нужна?

Дарья протянула мне в окошко историю болезни.

Мы с Колей отошли к окну

Я перелистал страницы — оказывается Клава переболела свинкой, у нее была грыжа и некоторые неприятности с менструальным циклом — но я не стал задерживаться на мелких деталях — я листал и листал, пока не дошел до последней записи: «25 апреля 1988 года родила двух близнецов мужского пола, вес идентичен — четыре кило 12 граммов, длина тела...

— Ну вот, — сказал Коля, который читал через мое плечо. — Я же говорил, что она родила их вместе.

Он вытер со лба выступивший пот.

— Спасен, — пробормотал он.

— Да, ты спасен, — сказал я без убеждения. Ведь я-то был уверен в том, что еще позавчера у нас был лишь один близнец. А второй появился с опозданием.

Я сел на стул и перелистал все данные о близнецах. При том я внимательно посмотрел, не был ли вырван лист и заменен другим. Но следов подмены я не обнаружил. Да и не ждал особенно. Ведь, если они самого младенца смогли нам подкинуть — неужели они страницу не смогут сделать чисто, как шпионский паспорт.

Я вернул историю болезни Даше и она по моей просьбе выписала нам справку для ЗАГСа. Ведь нам надо получить на детей метрики.

Как мы вышли на улицу, Коля сразу отобрал у меня справки на близнецов. Он на глазах распухал от гордости.

Смешная вещь — судьба. Она на моих глазах играла человеком.

Навстречу нам шли два мужика, в подпитии, они видно работали или учились вместе с Колей. Один из них сказал:

— Говорят, ты богатыря родил?

— Не богатыря, — ответил Коля искренне, — а двух богатырей.

— Неужели близнецы? — спросил приятель.

Коля вытащил из бумажника справку, и они втроем начали ее читать.

— Это надо обмыть, — сказал другой приятель.

— Давай справку назад, — сказал Коля и неуверенно поглядел на меня.

— В свете обстоятельств, я бы вернулся домой. Порадовал бы Клаву.

— А чего Клавку радовать? Она уж свое отрадовалась, — сказал приятель. — Мы тебе, дядя Семен, парня не отдали.

— Тогда отдай справку.

— А что же мы тогда обмывать будем? — удивился второй приятель.

— Коля! — сказал я строгим голосом. Коля раздумывал. Потом протянул мне справку и сказал:

— Дядя Семен, вы справку домой отнесите, а мы с ребятами пойдем по пиву шаражнем.

— По пиву шаражнем, — поддержали его друзья. — Бочковое привезли, «Бавария», рязанского разлива, не то что наша бурда.

Только мы Коля и видели.

А я принес справку и положил ее перед Клавой.

Конечно ее беспокоило исчезновение Коли в такой день, но справка ее утешила.

Она стала допрашивать меня, как удалось ее добыть? Кого я подкупил?

— Никого я не подкупал и никого не обманывал, ответил я. — В твоей истории болезни и в самом деле написано, что ты родила близнецов.

— Но ведь я второго не рожала, — сказала Клава, правда не очень уверенно.

Вот так на глазах и создаются легенды.

— А в справке написано, что рожала, — сказал я.

— Может во сне? — спросила Клава. — Может был наркоз?

— Значит одного ты родила без наркоза, — съязвила моя жена, — а второго через несколько минут под наркозом. Может ты его и зачинала под наркозом?

— Нет, что вы, Нианила Федоровна! — покраснела Клава.

Клава всегда хранила верность Коле, впрочем на ее верность никто и не посягал.

Малыши лежали в кроватке, они казались здоровыми мальчиками, крупными розовыми, нормальными детьми.

— Но один из них ненормальный, — сказал я Нианиле Федоровне, когда мы остались одни и пили чай.

— И должно же быть этому объяснение, — сказали Нианила. — Скорее всего мистическое.

В этом и заключалось наше противоречие. Я оставался на точке зрения, что все события в природе имеют объективное и научное объяснение. Однако Нианила, как более эмоциональная натура, допускала существование в природе мистических сил и даже колдовства. И если я, или на улице VI Съезда Комсомола видел приkleенное к столбу объявление о том, что в Веревкине начинаются выступления Члена международной Академии черной и белой магии, излечивающей заговорами и взглядом от онкологических и гинекологических заболеваний, а также наводящей и снимающей порчу, всемирно почитаемой Марьиной

Форсаж, я лишь скептически улыбался, а моя жена, хотя на сеансы не ходила, задумчиво замечала:

— Что-то в этом должно быть. Дыма без огня не бывает.

— Так рассуждали обыватели и палачи в тридцать седьмом году! — резко отвечал я, но Нианила не вступала со мной в дискуссии, а принималась вязать мне очередной свитер.

— Надо понять, кому это выгодно, — сказал я.

— Вернее всего дьяволу, — ответила моя супруга.

— Чепуха! — возмутился я. — Ты знаешь, что дьявола нет. Это научный факт.

— Научных фактов не существует, — отвечала Нила.

— Они опровергаются высшими силами.

Таким образом наша дискуссия зашла в тупик.

— Я полагаю, — произнес я, отступая на заранее подготовленные позиции, — что в этом деле может быть замешана американская разведка.

— Зачем ей замешиваться? — спросила Нианила Федоровна.

— Чтобы внедрить своего агента, — ответил я.

— С такого-то возраста у них агентами работают? — засмеялась моя жена. — Что у них повзрослеет нету?

— Они его будут растить, — сказал я. — И никто не заподозрит в советском ребенке враждебного элемента.

— А он вырастет у нас, пойдет в пионеры, в школу, и под влиянием нашего воспитания забудет, что был агентом...

— А когда подойдет срок, — ответил я, — у него в мозгу включится приборчик. И он начнет действовать.

— Ты начитался каких-то детективов, — возразила моя жена. — Если бы они могли вставлять приборчики в мозги, то все наши туристы и командированные в иностранные

ные государства уже работали бы на американскую разведку.

— Вот именно! — сказал я, скорее из упрямства, чем по убеждению — Есть мнение, что большинство наших туристов и загранработников уже работают на них.

— И каков результат?

— А таков результат, — сказал я, — что у нас сплошные провалы с народным хозяйством, что мы, несмотря на обещания партии и правительства, все еще не живем при коммунизме.

— Ну, Хрущев это обещал не на сегодня, а на нынешнее поколение.

— И кем оказался? — спросил я с горькой улыбкой.

— А что такого?

— А такого, — сказал я, — что в нем обнаружился волонтерист и авантюрист, и его пришлось снять с работы на пенсию.

— А ты в это поверил?

— Я стараюсь верить партии, — сказал я, — иначе жизнь теряет смысл.

Нианила была настроена мирно. Она не стала резко возражать, а наоборот, с некоторой задумчивостью при изнесла:

— А представь себе, что это не американцы, а самий обыкновенный дьявол, враг рода человеческого.

— А дальше что?

— А дальше то, что вырастет дьявол в нашей среде и мы его будем воспринимать как обыкновенного человека, а он тем временем будет губить наши души.

— Души можно губить у тех, у кого они есть, — возразил я. — А если мы воспитаны атеистами, то душ у них нет и поэтому дьяволу у нас нечем поживиться.

— Не шути так, Сеня, — сказала моя жена. — Даже если ты и получил атеистическое воспитание, что меня очень огорчает, то это не значит, что ты должен плевать в души тем людям, в которых души есть. Например мне.

— Но ты же была комсомолкой!

— И ты был крещен! — отрезала Нианила.

— Я был крещен в раннем детстве, когда не соображал, что со мной делают.

— А если бы сейчас?

— Если бы сейчас, я бы отказался.

— Почему?

— Потому что меня поперли бы с работы! Как можно доверять воспитание детей в советской школе человеку, который пошел и крестился.

— Ох, дожить бы до такого времени, — вздохнула моя жена, — когда снова будет не стыдно верить в бога, и когда будут восстанавливать соборы...

Тут мной овладел смех, и я сказал:

— А наш секретарь райкома пойдет в церковь, возьмет ~~вечку~~ и будет молиться! Ха-ха-ха!

— Ой, не спеши с выводами, — сказала моя жена. — Господь видит, да не скоро скажет.

Вот такие споры и беседы происходили в нашей семье по поводу второго близнеца. И конечно же споры эти, как любой русский спор, ни к чему не приводили. Спорщики оставались на своих позициях, только с некоторой внутренней обидой друг на друга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. 1988 год.

Время несется быстро. Простите за такое банальное заявление, но если постараться понять, как прошли первые ~~шадцать~~ лет жизни наших близнецов, то покажется,

словно только вчера мы принесли их из родильного отделения.

Наверное вы заметили мою оговорку — я сказал «близнецы». А ведь пожалуй за исключением меня и, в некоторой степени, моей супруги Нианилы Федоровны, никто не сомневается, что они появились на свет одновременно. Правда я вспоминаю, какой скандал закатила двадцать лет назад мать Коли Стадницкого, которая испугалась, не появится ли у Клавы еще несколько близнецов, которых та вынашивает специально для того, чтобы претендовать на жилплощадь Стадницких-старших. Смешно? Нет не так смешно, как кажется, ибо тот конфликт закончился трагически. Свекровь, которая умела водить автомобиль и возила на старой «победе» картошку из своего подверевкинского имения, угнала «КАМАЗ» и спрятала его в переулок, мимо которого Клава проходила на рынок за свежими продуктами. Завидев невестку, она погналась за ней на «КАМАЗе». Клава отскочила в сторону, а старуха не справилась с управлением и врезалась в полуразрушенную еще в тридцатые годы церковь Аники Воина. И погибла, погубив при этом чужой грузовик.

А опасение ее оказались напрасными. Клава больше не родила ни одного близнеца. Как их было двое почти с самого начала, так и осталось.

Когда похоронили ее свекровь, на свете не осталось сомневающихся. Могли бы сомневаться Дина Иосифовна, та самая, первая, черная, низенькая, но ее заменила в консультации другая Дина Иосифовна, высокая, хромая и рыжая. Самое удивительное то, что кроме меня никто не увидал подмены. И даже Клава, которая носила к ней близнецов на проверку их здоровья и прибавки в весе. Я полагал, что она и есть резидент ЦРУ в нашем Веревкинне, но доказать ничего не смог. Как-то на киносеансе я встре-

тил нашего начальника районного ГБ и спросил, что он думает о докторе Дине Иосифовне. Больше я сказать не мог, потому что никогда не числил себя в доносчиках. Фомичев сказал «проверим», но больше со мной не заговаривал, а хромая продолжала работать в нашей больнице и никто не принимал мер. Ну скажите, как можно не заметить разницы между столь различными женщинами? И куда делась первая? Никто не дал мне ответа. А я полагал, что его следует искать в архивах ЦРУ.

Сначала я побаивался, не попытаются ли американцы похитить или даже уничтожить первого, настоящего близнеца. Но потом решил, что это не входит в их интересы. Наоборот, они будут стараться, чтобы оба близнеца выросли и тогда их шпион будет меньше заметен, как меньше заметен любой человек в толпе.

А раз так, то лже-Дина Иосифовна без сомнения сделает все, чтобы дети росли здоровыми. Даже если для этого понадобятся импортные лекарства.

Так и было.

Отражая общее стремление в обществе к русификации имен, близнецам дали имена исконно русские, не то что Эдики и Олеги моего поколения. Одного звали Кириллом, второго — Мефодием. А в просторечье — Кирюшой и Митей.

Мальчики были совершенно неразличимы. Даже мать отказывалась отыскать различие. А ведь вы знаете, что любая мать обладает инстинктом и различает всех своих детей.

Клава говорила мне:

— Поймите, Семен Семенович, я их отлично различаю. Они кое в чем разные. Но к сожалению я не знаю, к кому из них эти отличия относятся. Так что я их зову и смотрю,

кто откликнется. Если на зов «Митя» прибежит Мефодий, я его сразу отличаю от Кирюши.

Коля гордился тем, что у него двойня. Да еще неразличимая. Правда, порой, особенно если выпьет, в его душе поднимались сомнения и даже страх. А мне он говорил так:

— Это конечно, предмет для гордости, вы меня понимаете? Но в один прекрасный день он меня задушит.

— Кто? — спрашивал я, делая вид, что не понимаю.

— Тот самый, — отвечал он.

Но так случалось редко. Для всех окружающих лучше отца, чем Николай не сыскать. И с Клавой они жили слаженно — не то чтобы в любви или согласии, но без скандалов.

Быстро проскочило беззаботное детство.

Митя и Кирюша пошли в школу. Учились они в школе № 2, то есть я имел возможность наблюдать за ними практически каждый день. А от того, что мы жили с мальчиками на одном этаже, и они с детства проводили в нашей квартирке немало времени, так как родители оставляли их на наше попечение, им трудно было называть меня Семеном Семеновичем и бывали, особенно в младших классах, забавные случаи, когда они именовали меня дядей Сеней.

Мальчики сидели за одной партой и порой пользовались своим идеальным сходством для каверз или к своей выгоде. Один из них учил, к примеру, литературу, а другой делал математику. И если вызывали к доске Митя, то в случае необходимости, выходил Кирюша.

Но постепенно, по крайней мере для меня, различие между близнецами стало сказываться все очевиднее. Уже к третьему классу обнаружилось, что Кирюша умнее, живее, непоседливее своего близнеца. Митя был скромнее,

тише, аккуратнее, и больше похож на своего обыкновенного папу.

Но по первоначалу это было очевидно лишь для меня и Клавы, с которой мы обсуждали эту проблему. Остальные видели только двоих близнецов, а не двух индивидуумов.

Когда дети учились в третьем классе, случилось событие, для людей заметное, а для судов человечества очень важное.

Однажды, когда я, закончив урок, который был кстати последним, вышел в коридор, я увидел высокого худого молодого человека, которого с некоторой натяжкой можно было бы назвать альбиносом. У него были светло-желтые волосы, белые ресницы, светлые глаза и розовая кожа. Нос выдавался вперед словно клюв пресноводной птицы, а подбородка почти не было — он был срезан как у выродившихся королей Австро-Венгрии или Франции.

— Семен Семенович? — спросил он меня.

Вроде бы спросил обыкновенно, но в движении туловища, в повороте головы что-то от заговорщика.

— К вашим услугам, — ответил я.

— Мне нужно поговорить с вами по конфиденциальному поводу, — сказал молодой человек.

Он говорил с акцентом, но правильно.

Я, разумеется, удивился, но виду не подал и сказал, что можно и поговорить.

— Где здесь у вас есть уютное и тихое кафе? — спросил он, — где за чашкой кофе мы можем побеседовать инкогнито?

— Кафе у нас одно, — ответил я. — Называется оно «Кафе-шашлычная» и расположено на рынке. Но там дают пиво и поэтому я не назвал бы его ни тихим, ни уютным

— Что же делать? — спросил молодой человек, почесывая убегающий подбородок.

— Давайте пройдем в парк, погуляем там, — предложил я. С самого начала он показался мне серьезным человеком и его дело — не пустяковым. Молодой человек согласился и мы пошли в городской парк, который начинается за спиной памятника Двадцати пяти Бакинским комиссарам и тянется до статуи Геркулеса с веслом.

Мы гуляли с молодым человеком, которого звали, как оказалось, Милан Свазеки, а прилетел он к нам из Чехословакии.

Он был представителем редкой науки — космической биологии, и прежде чем подойти ко мне, заглянул уже в женскую консультацию, где, на его счастье, познакомился с Дашей-пионеркой. Милана интересовала проблема, не зафиксировано ли в нашем городе необычных рождений десять лет назад, в конце апреля.

В ином случае Даша отправила бы Милана к заведующей и та на всякий случай скрыла бы от Милана всю информацию. Хоть он был из социалистического лагеря, все же оставался подозрительным иностранцем. И несмотря на то, что все документы, включая командировку из Пражской Академии наук и разрешение на посещение нашего Веревкина из Московской Академии наук у Милана были в порядке, уехал бы он от нас не солоно хлебавши. Потому что не любят в нашем городе любопытствующих иностранцев. Правда, до приезда Милана таковых в нашем городе не наблюдалось.

Но Даша, добрая душа, была уже настолько глуховата и подслеповата, что когда Милан показал ей командировочное удостоверение, она спутала его с Генеральным секретарем Комсомола товарищем Косаревым, репресси-

рованным в конце тридцатых годов, потому что он был любимцем молодежи.

Вот и сказала ему Даша, что если кто и сможет рассказать о близнецах Стадницких, о которых она помнила, то это я — Семен Семенович, их сосед и учитель. А к Дине Иосифовне, врачихе, ходить не надо, так как она ведьма, летает на метле и оскорбляет тетю Дашу грубыми словами.

Милан решил воспользоваться советом пионерки Даши и отыскал меня.

И вот мы гуляли с ним по аллее нашего небольшого городского парка, с деревьев падали золотые и бурые листья, ветер был еще не очень холодным — стоял октябрь. Бабье лето уже завершилось, но неприятная осень еще не началась.

— Я буду с вами совершенно откровенен, — говорил Милан. — Меня интересует конкретная научная проблема, ответа на которую я еще не получил. Давайте сядем на лавочку, и я вам что-то покажу.

Мы сели на лавочку.

Он вынул из своего портфеля карту западного полушария Земли, по которой была проведена широкая полоса макроскоп. Словно полушарие было лицом, а полоса — пиратской повязкой через глаз.

— Мне пришлось столкнуться в моих исследованиях со странным феноменом, — сказал Милан. — В апреле 1968 года Земля была охвачена поясом неизвестного космического газа, лишенного цвета и запаха, однако замеченного на обсерватории моего папы, у которого был лучший спектроскоп во всей Восточной Европе. Мой папа рассказал о странном феномене ряду своих коллег, но оказалось, что кроме него никто эту полосу не заметил. Ваш есть скучно?

— Мне есть очень интересно, — ответил я. Туманные подозрения начали шевелиться в моей душе.

— Мой папа написал статью и предложил ее для публикации в журнале «Космическая спектрография». Однако за день до публикации журнала здание типографии сгорело, и весь тираж номера исчез. У нас дома побывали воры и утащили все папины наблюдения. Папа же попал под машину.

— И погиб?

— Да, профессор Свазек погиб...

— Черный мерседес? — спросил я. — За рулем бритый негр?

— Нет, — сказал Милан. — Это была шкода, а за рулем рыжая женщина с зелеными глазами.

— Может быть, — согласился я. — Может быть и Диана Иосифовна.

— Что вы сказали?

— Продолжайте, продолжайте, — попросил я.

— Я тогда был небольшим ребенком, — сказал Милан

— Моя мама увезла меня в деревню. Мы жили простой жизнью. Рядом в доме жила несчастная женщина. ~~Она~~ была одинокая, без мужчины, совершенно невинная. ~~Но~~ незадолго до нашего приезда в деревню и смерти ~~моя~~ дорогого папы эта женщина Божена неожиданно дали ~~ро~~ждение одному ребенку. Вы меня понимаете?

— Родила, то есть?

— Да, она не была замужем, она не была беременна, но сделала рождение ребенка. Доктор сказал, что ~~так не~~ бывает, однако другие люди не сомневались. И женщина Божена была очень несчастливая. А когда я учился в ~~Карловом~~ университете, то я подружился с одной девушкой, которая рассказала мне о подобном случае в Брно. Один

там ребенка нашли в поле возле дороги, и он был уменьшенней копией совершенно холостого секретаря госхоза.

— И вы предположили козни ЦРУ? — спросил я.

— Какие еще козни? — не понял Милан.

— Американская разведка засыпает в социалистический лагерь шпионов, чтобы они с грудного возраста внедрились в нашу жизнь.

— Почему вы думаете такую чушь? — спросил мой чехословацкий знакомый.

— Но как вы это объясните?

— Я никак не объяснял, пока однажды в подполе не нашел сундук с дневником моего отца, который случайно не сгорел. Мой отец писал, что его покачивает... нет... как это по-русски? Потрясает состав газового пояса, который сквачил Землю в те далекие апрельские дни. Он нес в себе буждые хромосомы и это выразилось...

— Я понимаю. Они убрали вашего отца!

— Но нет, не американцы! Американцы не умеют демять дети в небеременных женщинах!

— Но кто же?

— И я начал путешествие по этой полосе... — Милан провел длинным худым пальцем по лицу Земли. — И везде, где проходил этот пояс, на свет появились странные дети... и в некоторых случаях детей подменяли...

— Но зачем? — спросил я, все еще не в силах поверить, но в то же время уже готовый поверить, потому что сколько лет ломал себе голову, почему же в нашем доле появился лишний близнец?

— Я сейчас все объясню, — сказал Милан. — Я провел следование и сравнил относительное положение ряда звезд и кометы Пунктуа-Горрэ...

Закончить фразу Милан не успел.

Все было решено в долю секунды.

Только что рядом со мной сидел молодой человек аристократической внешности, а в следующее мгновение на его месте я увидел метровую глыбу льда, которая рухнула с неба, раздробив в щепки скамейку, отбросив меня на несколько метров в сторону и полностью размозжив, павшего под нее Милана Свазека.

Только ноги и пальцы рук торчали из-под глыбы льда.

Я не сразу поднялся на ноги — я был контужен. Я пытался закричать, позвать на помощь, но голос меня не слушался. И прошло несколько минут, прежде чем сбежались люди и стали стараться сдвинуть с тела чешского ученого ледяную глыбу.

— Что это? — спрашивали люди. — Откуда это?

— С неба, — говорили другие.

Наконец я нашел в себе силы, чтобы произнести нужные слова:

— Это ледяной метеорит. И это не просто ледяной метеорит, а убийство человека, который проник в тайну звездных пришельцев.

Люди оборачивались ко мне и многие готовы были счастье меня сумасшедшим, но им мешало это сделать то, что я тридцать лет проработал в школе № 2, стал ее залу чем и каждый второй в городке в то или иное время был моим учеником.

Кто-то побежал звать пожарную команду, которая ринулась как раз за углом, но пока бегали, откуда-то появилась ненавистная мне рыжая хромая Дина Иосифовна.

— Доктор идет! — закричали люди. — Доктор иди, расступитесь!

Дина Иосифовна поглядела на останки Милана и зала:

— Никакой это не метеорит. Принюхайтесь.

Люди стали принюхиваться и многие, в том числе и я, поняли, что от тающей глыбы пахнет мочой. И вернее всего она не могла быть ледяным метеоритом из космоса.

— Разве вы не видите, — продолжала женщина-врач, — что это упало из туалета пролетающего мимо самолета.

— Такого размера из самолета? — крикнул я. — Постыдитесь, Дина Иосифовна!

Тут прибежали пожарные и с помощью ломов откатили глыбу льда в сторону. Еще сильнее стало пахнуть мочой.

На Милана Свазека было страшно смотреть.

Милана положили на носилки и отнесли в морг больницы.

Пока его уносили кто-то позвонил в часть ПВО, которая стоит за оврагом. Оттуда приехали специалисты, с кем-то связались по рации и сказали, чтобы люди не волновались и расходились. А так как командир роты в этой части Володя Бутт был отцом моего ученика, кстати очень хорошего и способного мальчика, то он сказал мне по секрету, что ледяная глыба оторвалась от космической станции «Салют», а вовсе не от самолета. По расчетам она должна была превратиться в пар, не долетев до Земли, но случилось что-то, не поддающееся расчетам, из-за чего она даже не растаяла и достигла Земли в виде куска ледяного аммиака.

Я понял, что правды я здесь не добьюсь и не стал спорить с командиром роты. Схваченный печалью я пошел домой. На углу нашей улицы меня догнала рыжая докторша.

— Что он успел тебе рассказать? — спросила она зловещим шепотом.

Я знал, что должен сохранить свою жизнь — иначе не удастся разоблачить наших недругов.

— К сожалению, — сказал я, глядя ей прямо в зеленые бесстыжие глаза, — он не успел мне ничего рассказать.

Я ускорил шаги и быстро оторвался от хромоножки. За пазухой у меня была спрятана карта газового пояса, которую я успел вынуть из пальцев моего погибшего соратника. Я смею называть его соратником, ибо у нас была общая цель и если из наших рядов выпадает один боец, другой должен занять его место.

Ужасная трагическая история на этом не закончилась, так как через неделю я встретил моего знакомого капитана Володю Бутта, и тот под особым секретом, под видом беседы об успехах его чада, сообщил мне, что ледяную глыбу, когда она растаяла, разлили по сосудам и отвезли на исследование в Звездный городок. Но по дороге спецгрузовик, который вез сосуды, попал в аварию...

— Понятно, — сказал я.

— Это была случайная авария, — возразил комроты, который не знал о предыдущих событиях и жертвах, если не считать смерти чешского гостя Милана Свазека, которую он тоже считал случайностью — ведь его убило глыбой льда, которая падала сама по себе, а не была направлена злодейской рукой. Рука руке рознь, хотел сказать я, но сдержался — все равно он мне не поверит.

— По счастливой случайности один из сосудов остался цел, — продолжал мой собеседник. — И его удалось отвезти в лабораторию. Так вот, оказалось...

— Оказалось, что никаких выбросов фекалиев со станции «Салют» не было и не могло быть, потому что она работает на замкнутом цикле, о чем знает каждый мышонок, — твердо сказал я.

— Ну Семен Семенович, вы прямо как в воду глядите! — заявил комроты. — Это была совершенно чуждая нашей жидкость и вернее всего это все же был метеорит, всяческий

странник в глубинах космоса, который случайно столкнулся с Землей.

— Чего и следовало ожидать, — сказал я удрученно.
— Знаем мы эти случайности!

— Но вы не представляете, какая радость охватила весь наш научный мир! — продолжал радостно капитан Бутт. — Это означает, что мы не одиноки во Вселенной. Где-то далеко у нас есть братья! Братья по разуму.

Кто-то вошел в учительскую, и комроты стал прощаться. Он приложил палец к губам, показывая, что информация, которую он мне передал, пока еще секретная. Я не стал спорить.

Хотя, надо признаться, мне хотелось выйти на площадь и закричать на всю нашу страну, на весь мир:

— Люди, будьте бдительны! На нас надвигается беда хуже американского империализма! Я должен принести мои извинения Центральному Разведывательному Управлению США, которое при всех его недостатках и подлостях не убивает невинных людей ледяными глыбами из космоса.

Но конечно же я не вышел на площадь. Я сделал иначе. Я решил посвятить свою жизнь борьбе с нашествием так называемых «братьев по разуму». Я отстою свободу нашей планеты! Но не открыто, так как мне никто кроме жены не поверит, а тайно, яки змей! Вы меня поняли? И пускай они думают, что никто их не раскусил! Кровь Микана Свазека вопиет об отмщении.

Я с того дня стал внимательнее приглядываться к близнецам Стадницким, потому что именно они и были лабым звеном в цепи вселенского заговора. Как только я определю, кто из них космический пришелец, а кто — обычновенный советский человек, я могу разорвать цепь.

И я, благо мог практически ни на минуту не выпускать из поля зрения близнецов, принялся контролировать все их шаги.

На что я надеялся? Ну, во-первых, контакты. Так называемая Дина Иосифовна может выйти на контакты с их засланцем, чтобы давать ему враждебные инструкции.

Во-вторых я хотел углядеть в одном из близнецов отклонения от нормы в поведении. Ведь обыкновенный человек — сын своих родителей. А чужой ребенок — неизбежно несет в себе чуждые нам гены.

Что я мог сказать на основе первых недель наблюдения?

Кирюша записался в кружок авиамоделизма. Так, скинул я себе. И стал ждать, что сделает Митя. Митя получил четверку за сочинение и уложился в нормы ГТО на стадионе. Кстати, Кирюша пробежать дистанцию пробежал, а вот гранату кинуть не смог. Кинул, но вверх, а не вперед и при том цинично хохотал. Может это о чем-то говорило?

Я завел двойной журнал наблюдений. И день за днем фиксировал свои наблюдения.

В седьмом классе Кирюша записался еще в три кружка и потом все их бросил. Странным образом его тянуло утешать как можно больше о нашей маленькой и беззащитной планете, но он быстро менял темы увлечений.

Митя кое в чем обогнал своего брата. Ну я уж не говорю о чистописании и дисциплине, так что близнецов уже начали постепенно различать даже посторонние люди, так как Кирюша был неаккуратен в одежде, словно его мало интересовала человеческая оболочка, а вот Митя решил научился сам гладить себе брюки и стирать носки.

Меня встревожило то, что Кирюша в седьмом классе увлекся стрельбой и даже в составе районной команды выезжал на соревнование в область. Когда я спросил его:

— Зачем тебе нужно стрелять?

Он ответил:

— Дядя Сеня, я готовлю себя к борьбе. Посмотрите, насколько враждебно наше окружение. Вы видели, как зареченские Тимофеева избили?

— Да, — признался я, — случай с Тимофеевым вызвал у меня негодование, но знаешь ли ты, что на беседе у директора Тимофеев признался, что упал с обрыва в колючий кустарник?

— Разумеется, — согласился со мной Кирюша. — Где же у нас растет под обрывом колючий кустарник?

На этот вопрос я не смог дать ответа. Оказывается об этом слабом месте в показаниях Тимофеева наш учительский коллектив не подумал.

Но в следующем году Кирюша забросил и стрельбу, и собирание птичьих яиц, которыми некоторое время занимался, а начал играть на трубе, заглушая порой шум, который производили жестянщики.

В школе Кирюша оказался на плохом счету. Хотя бы потому что умел и любил задавать нетактичные вопросы или вопросы, на которые простой советский учитель не может ответить.

Учителя между собой называли его «шпионом» — именно из-за нетактичного поведения. Я сам слышал как он спросил учителя истории Бибарамкова: «Правда ли, что Ленин и его жена Надежда Константиновна прибыли из-за границы в запечатанном вагоне на деньги немецкого генштаба?» Вопрос был задан в коридоре, почти без свидетелей, но я понимаю взволнованность Бибарамкова, которому в следующем году идти на пенсию.

— Разумеется это клевета, потому что Владимир Ильич возглавил борьбу советского народа против фашистской агрессии. Но как пионер и комсомолец ты должен ответить — кто рассказал тебе эту гадость?

И сам вытащил свою записную книжечку, которую я помню по заседаниям педсовета за последние двадцать лет. Из нее он черпал все возмутительные факты и слухи школьной жизни.

— Записывайте, — нагло ответил Кирюша, — я услышал об этом в передаче радио «Свобода».

Бибарамаков замер с открытой книжкой в руке. Времена были сложные, как раз умер Леонид Ильич Брежнев и серьезно заболел наш следующий генеральный секретарь.

Я подошел к коллеге и сказал шепотом:

— Можно не записывать. И даже лучше не записывать. Нам дорога честь нашей школы.

— Вот именно, — прошелестел Бибарамаков. И не записал.

Но если тот случай закончился ничем, то в других ситуациях действия и поступки Кирюши не оставались безнаказанными.

Митя меня беспокоил меньше, но я не спускал глаз с него, потому что допускал: они могут нарочно сделать своего агента незаметным и тихим. Что им наш патристизм? Что им наши ценности? Братьев уже нетрудно было отличить, потому что Кирюша отпустил длинные волосы, чем допустимо в городе Веревкине, тогда как Митя стригся под полубокс, носил белую сорочку и темные брюки без всяких там джинсов. Между братьями стали иногда возникать конфликты, и один из них поставил меня в тупик. Дело в том, что некогда, в сорок первом году, под Веревкиным шли тяжелые бои, в которых отличились многие части ополченцев, которые, к сожалению, были

полностью уничтожены или взяты в плен гитлеровскими захватчиками. В нашем городе была создана дружина Красных следопытов, которые под руководством городского ДОСААФ искали места гибели ополченцев, а если находили, то складывали их в братскую могилу, а документы передавали в военкомат. Если же находили останки наших врагов, то их конечно оставляли на месте и поглубже затаптывали.

И вот у нас в школе идет комсомольское собрание. Было это в восемьдесят четвертом году, когда мои близнецы учились в девятом классе. Выступает отставной полковник Артем Груздь из ДОСААФ и произносит речь благодарности от имени Родины красным следопытам и их куратору от имени райкома комсомола Мефодию Стадницкому, который стал к тому времени, а я упустил этот момент, внештатным инструктором райкома ВЛКСМ.

Вручают грамоту Мите, а тут выходит на трибуну Кирюша и его тоже встречают аплодисментами, полагая, что он скажет как рад за своего брата. А наш Кирюша говорит примерно так: — Я предлагаю сделать братскую могилу и для немцев. Зачем их затаптывать? Сорок лет прошло, у нас с Германией отношения нормальные. А разве немецкие простые солдаты были виноваты, что их на нас гнали? А у них тоже были матери и может дети. Ведь и ополченцев наших гнали в бой без винтовок.

Сначала зал промолчал, а потом поднялось такое возмущение! Вы должны были бы там оказаться, чтобы понять всю глубину народного негодования, которое обрушилось на Кирюшу.

А он стоит, руки в карманах джинсов, волосы сзади в косицу завязаны и раскачивается на носках и на пятках, словно на палубе пиратского корабля.

В общем собрание приняло решение об исключении Кирюши из комсомола за крайний цинизм в адрес памяти народной войны. Правда, дали ему испытательный срок из-за того, что у него такой хороший брат.

Вечером я слышал как братья разговаривали во дворе, как раз под моим окном. Они разговаривали тихо, но в осеннем воздухе под шепотом ленивого дождика мне было хорошо слышно каждое слово.

— Ты мне жизнь хочешь сорвать? — спрашивал Митя.
— Почему ты это сделал? Ведь нарочно? Ты мне завидуешь?

— Я? Тебе?

— У тебя все наперекосяк. То на трубе не можешь научиться, то в баскет тебя из команды вышибают. Ты неудачник, Кирка!

— Разве в этом дело? — ответил Кирюша. — Дело в том, братан, что ты испугался за свою карьеру. А я, будь моя воля, и в самом деле ее бы тебе разрушил!

— Почему? Ну скажи, почему?

— А потому что ты себе делаешь жизнь как паровозик на рельсах. Катишься от председателя совета отряда и редактора стенгазеты к инструктору райкома, потом в профком попадешь и будешь всю жизнь по кабинетам бумажки носить. Тебя ведь на большее не хватит — ты всего боишься.

— Ну уж тебя по крайней мере я не боюсь!

— Потому что по утрам гантели поднимаешь шестьдесят четыре раза и отжимаешься двадцать один раз?

— И холодной водой обливаюсь.

— Митя, ты хочешь стать серой личностью. И даже твои обтирания взяты из арсенала ничтожеств. Ничтожество делает все по правилам.

— А ты кто? Наполеон?

— Не знаю, кто я такой.

— Пособник фашистов, вот кто ты такой!

— Дурак ты, Митя. Я фашистов больше тебя ненавижу. Но и ваши игры в красных следопытов ненавижу. Вы на все это смотрите, как какие-то бухгалтеры.

— И товарищ полковник?

— И товарищ полковник в отставке. Кто-то там, наверху получит за инициативу орден, кто-то пониже — медаль, а тебе дадут грамоту с портретом. Плевать вам на ополченцев, как и на немцев. Вы о своих делишках думаете.

— А ты хочешь над нами подняться? — спросил с иронией Митя. — Ты нас судишь как какой-то инопланетный пришелец! Мы защищали Родину и поливали ее кровью...

— Да катись ты — не поливал ты ничего. Ты хочешь быть как все и кончить жизнь с персональной пенсией.

— Я хочу строить счастливое общество для всех трудящихся!

— Жалко мне тебя, банальный ты человек!

Тут Митя накинулся на Кирюшу и они стали драться, а я хотел было крикнуть, но моя Нианила Федоровна опередила меня и опрокинула на них кастрюлю холодной воды.

Потом был случай с Зиной Ковалевой. Она к нам в школу перешла из первой, где была признанной школьной красавицей. И за ее чары бились славные наши молодцы — я искренне жалел, что в нашем учебном заведении появилась такая Шамаханская царица. Впрочем на меня эта девица впечатления не производила, а мальчишек покоряла смесью хамства, рискованной манерой одеваться, высокой грудью и, надо признать, чудесными не-

винными глазищами, которые совершенно не соответствовали ее духовному миру.

Так как братья Стадницкие были первыми парнями в десятом классе, то всей школе было интересно узнать, чем закончится их поединок.

Сначала она отдавала предпочтение Мите, он был спортивным, подтянутым и пользовался авторитетом среди учителей, что странно, так как учился он посредственно — у него никогда не хватало времени на учебу — заедали комсомольские поручения и общественная работа, которой Митя отдавал все свое основное время.

А потом как-то я увидел, что Зину провожает домой после школы Кирюша. Я шел как раз домой, они обогнали меня, не заметив, и я услышал фразу Зины:

— Он у тебя обыкновенный. Земной.

— А я возвышенный? — спросил Кирюша.

— Ты менее обыкновенный, — осторожно ответила Зина.

Роман Кирюши проходил сокрушительно и кончился крахом. Начиналась перестройка и докатилась до нашего городка. Некий Максудов взял в руки наш рынок. Кирюша в те дни совсем перестал учиться. И я не сразу, к сожалению, догадался, что причиной тому была Зина. Любовь Зины дорого стоила. И если Митя догадался об этом быстро и отступил, потому что в силу своего характера предпочитал всегда оставаться на земле, то Кирюша решил, что станет миллионером. Он пошел к Максудову и предложил свои услуги. Максудов старался укорениться в Веревкине и поставил Кирюшу охранником в пивном ларьке.

Вот это совершенно разрушило все мои теории и гипотезы. Если до этого момента у меня почти не оставалось сомнений в том, что Митя — это первый, земной близнец,

весь в отца, а Кирюша ихний, то Кирюша-вышибала меня сбил с толку — разве такими бывают инопланетяне?

В первый же день работы, получив аванс, Кирюша повел Зину сначала в магазин «Французское бордо», чтобы купить ей туфли и платье, а потом в бывшее кафе-столовую «Юность», которая теперь стала рестораном «Эклеро». Они целовались с Зиной в парке и все это видели, но на следующий день Зина переехала жить к Максимову, который познакомился с ней прошлым вечером в ресторане «Эклеро», которым тоже владел.

Кирюшу после этого окончательно выгнали из комсомола и из школы, прислужники Максудова исколотили его прямо на площади, когда он хотел поговорить с шефом, а в счет аванса отобрали у него видик, которым владела семья Стадницких.

После этого в семье Стадницких был совет, некоторые слова и выражения которого донеслись к нам через стенку.

Среди них выделялись громкие слова типа: «бездельник!», «хулиган!», «Убийца собственной матери!»... Потом было слышно, как осуждающие, но успокаивающие лился голос Мити, как визжала Клава...

На следующий день Кирюша исчез.

Я два дня терпел, а потом спросил Клаву — теперь уже весьма полную женщину средних лет, куда же делся ее близнец.

— Не бойтесь, дядя Сеня, — сказала она, — не закопали мы его. Он сам выбрал свою судьбу.

И тут она зарыдала, потому что любила обоих сыновей и горести, которые доставил ей Кирюша, подкосили добрую женщину.

Оказывается, Митя поставил вопрос ребром — или Кирюша покидает отчий дом, либо он сам это сделает,

потому что пребывание в одном городе с братом губит перспективы его работы. Кирюша, подвергнутый резкой критике в семье, заявил, что и сам не намерен больше гнить в Веревкине. Он намерен путешествовать по всей Земле, осмотреть ее, так как мало о ней знает и еще не готов для таких дел, к которым его предназначает судьба. Что долг за видик он семье отдаст, в материальной помощи не нуждается, а своего ничтожного брата он презирает потому что тому суждено прожить жизнь робкого пингвина из стихотворения Максима Горького.

Все в доме думали, что Кирюша проспится, а утром все будут решать, что делать дальше.

Но когда проснулись, сына уже не было.

Он оставил записку, которую мне показала Клава:
«До встречи. Гражданин Вселенной».

Клава плакала и повторяла:

— Ну что же, даже для матери ласкового слова не нашлось. Как будто подкидыши...

Тут она замерла с полуоткрытым ртом и долго смотрела на меня, а в глазах ее замер ужас понимания...

— Еще ничто не потеряно, — сказал я. Это были первые попавшиеся мне слова утешения, не самые удачные, но искренние.

Долгое время ничего не было слышно о Кирюше. След его потеряла даже Дина Иосифовна. Она подошла ко мне как-то в поликлинике, куда я пришел по поводу старческих заболеваний и спросила:

— Я волнуюсь. Где мальчик Кирилл Стадницкий?

— А почему же вы волнуетесь? — спросил я.

— Ты знаешь, старый сморчок! — ответила грубо докторша и скрылась в своем кабинете.

Я приоткрыл дверь в этот кабинет и смело сказал:

— Вам еще отольются слезы родных Милана Свазски!

Весной Зине, которая тоже бросила школу, жила в Туле и оттуда наезжала к своим родителям в «девятке», порезали бритвой лицо. К сожалению она никогда уже не будет красавицей. А Максудова и вовсе убили. Так проходил дележ собственности в нашем городе.

Зина устроилась на швейную фабрику.

Митя кончил школу почти экстерном. На два экзамена он пришел сам, а на остальных ему поставили твердые тройки. Явиться на них он не мог, так как представлял в Золотогорске передовиков-комсомольцев нашей области.

Только следующей осенью, когда Митя уже поступил в областную комсомольскую Школу, пришла открытка от Кирюши. «Жизнь хороша, жить трудновато». К ней прилагался перевод на стоимость видика. Обратный адрес был — Памир. Хорог.

В областной школе Митя учился средне, но был исполнителен и дружил с сыном секретаря обкома. Так что на следующий год при распределении его отправили вторым секретарем райкома комсомола в Устье. Тогда же пришла телеграмма от Кирюши: «Космополит — гордое слово. Спасибо папа и мама за жизненные уроки привет Мите надеюсь он уже в политбюро».

А отдельно пришло письмо нам с Нианилой, за что мы были благодарны Кирюше. Хоть он и оказался инопланетным пришельцем, нам он был не чужой. В письме он, в частности, писал:

«...Когда смотришь на мир с вершин Гималаев, понимаешь, что ты так мал во Вселенной и как мала Земля по сравнению с куполом звездного неба. Я ощущаю в себе цель, задачу, она стучит во мне, как взорванное сердце, я еще не могу сформулировать эту цель и иногда боюсь собственного предназначения...» Нианила принялась плакать, а тут к нашему дому подъехал трайлер. Рабочие в

униформе начали сгружать и вынимать из него иностранного вида коробки. Они заносили их в квартиру Стадницких и оттуда доносились различные возгласы. Даже жестяники перестали стучать и стояли открыв рты. Когда через два часа трайлер, забрав пустые коробки, отбыл, Стадницкие позвали нас к себе и мы увидела, что большая комната в их квартире заставлена видеоборудованием, включая телевизор с экраном в метр на полтора, различного вида плейеры и видео, а также факсы и неизвестные мне приборы.

Оказывается, все это прислано из Сингапура их сыном Кирюшой, который купил там небольшой корабль, на котором везет в Австралию кокосы.

Вечером из Устья приехал на персональном «газике» брат Митя. Он был очень расстроен, потому что понимал: кто-нибудь обязательно донесет в область, что брат второго секретаря райкома ведет капиталистический образ жизни в зарубежье.

Но Митя недолго расстраивался, потому что вовсю разворачивалась перестройка. Теперь он стал чаще заезжать к родителям и смотреть, какие вести пришли по факсу от брата. Митя покинул комсомол и вместе со своим первым секретарем они открыли комсомольский кооператив по продаже женских прокладок. Он уже назывался кооператив «Сахара».

Но Кирюша недолго удержался во владельцах корабля, а разорился и отправился в джунгли острова Минданао на поиски племен каменного века. И вести по факсу перестали от него приходить. Правда, как-то показывали по телевизору как катера «зеленых» пытались сорвать французское испытание атомной бомбы на атолле и на катере точно угадал Кирюшу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. 1998 г.

Я все же вышел на пенсию, хоть меня и уговаривали остаться, потому что у нас в Веревкине мало опытных преподавателей, которые соглашаются работать за незначительную плату. Но я устал и решил, что пока есть силы и продолжу заочную борьбу с космическими пришельцами, хотя я не знаю, чем они нам грозят. Но в одном я не сомневался — это существа безжалостные, которые мыслят категориями выгоды и своего господства. Да достаточно посмотреть на Дину Иосифовну. Нет, не на ту, которую они давно уже убили, а на подмененную, которая и обеспечивала успех операции «близнецы» в нашем городке. Она уже седая стала, волосы кое-как красит в оранжевый цвет, хромает пуще прежнего, кошачьи глаза злобой горят. Я как-то ее встретил и спрашиваю:

— Ну что, жизнь прошла впустую? Уж полночь близится, вторжения все нет?

Она буквально затрепетала от злобы и отвечает:

— А ты чего добился, гуманитарный сморчок? Живешь на нищенскую пенсию и даже не знаешь, что тебя ждет.

— Так проговорись, Дина Иосифовна!

— Не на такую напал! — ответила мне гинекологичка.

— Так хоть скажи мне, что вы сделали с предыдущей Диной Иосифовной?

— Она даже ничего не заметила, — туманно ответила космическая злодейка.

— Ну тогда последний вопрос, — взмолился я. — Кто из них ваш, а кто из них наш? Правильно ли я угадал?

— Ты все равно не остановишь судьбы! — воскликнула докторицею — Наши агенты носятся над землей подобно смерчу. Ты хочешь знать правду? Так знай же...

В этот момент по асфальтированной улице Льва Толстого промчался весь побитый, грязный джип «сироки». Сидевший в нем пожилой бритый негр поднял пистолет и выпустил две пули. Одна пуля поразила хромую инопланетянку, а вторая пронеслась так близко от меня, что вырвала клок волос.

Негр захохотал, а я присел на корточки, и он не стал больше стрелять.

В парке у памятника Геркулесу с веслом было безлюдно. Труп худой женщины с оранжевыми с сединой волосами начал растворяться и в течение минуты на моих изумленных глазах превратился в мятую пустую банку из «кока-колы». Я протянул было руку, чтобы взять банку, полагая, что когда-нибудь на суде народов она послужит вещественным доказательством, но меня так ударило током, что я поспешил уйти из парка.

В 1991 году была как бы запрещена компартия, что позволило некоторым ее деятельным членам перейти в администрацию, а другие занялись крупным бизнесом. Невревкин понемногу менялся, хотя наверное перемены в такой глухой провинции не столь очевидны как в Москве.

Наш Митя работал в райцентре Устье, но уже не секретарем райкома комсомола, а вице-президентом районного коммерческого банка «Престоль». Он заезжал к своим постаревшим родителям на машине «ауди» с синим фонариком на макушке. Он немного раздобрел, причесывался на прямой пробор и носил пальто на три размера большие, чем нужно, ботинки сверкали даже в самую дурную погоду, рубашка была белоснежной, а галстук в синюю и красную полоску с булавкой, на которой было написано английскими буквами «Оксфорд». Митя объяснил мне, что он не кончал этого английского университета, но был в делегации деловых людей. И там произошел обмен

стуками и булавками. Так что в Англии теперь можно встретить влиятельных людей в красных галстуках со значком нашей областной комсомольской школы.

— Организуем благотворительный фонд, — сказал вежливо Митя. — Будет называться «Дети — путешественники». Хотим, чтобы и лишенные средств родители могли отправить своих детишек посмотреть чудеса света.

Ставший за прошедшие годы циничным пьяницей Коля Стадницкий ввернул свой комментарий:

— Чтобы твоим дружкам под этим видом по заграницам поездить.

Но Митя не обиделся на отца.

— Ты неправ, папа, — сказал он, — сейчас в заграницу может поехать каждый мой дружок. Но мы хотим помочь и остальным. Под этим лозунгом меня выдвигают в парламент.

И он направился к своей машине. Его ботинки сияли так, что грязь, что как обычно летит возле нашего дома, расступалась, боясь до них дотронуться.

Из окошка машины он попрощался с нами и сказал, юказав на грохочущую мастерскую жестянщиков:

— А это мы уберем. Я с Сидором Вениаминовичем поговорю.

После этого земной близнец уехал бороться за права детей, а космический близнец Кириуша прислал такую телеграмму:

«Устроился на космическую станцию в совместный кипаж. Следующая связь через два месяца».

Я отнесся к этой телеграмме скептически, но потом прочел в газете, что американский «Челенджер» доставил на наш «Салют» новую смену в составе французского, мозambiqueского и русского космонавтов. Фамилия русского К.Стадницкий.

Я обрадовался и хотел устроить в нашей школе вечер в честь первого космонавта из города Веревкина. Но в настоящее время космические путешествия настолько вышли из моды, что новая директорша сказала мне: «Пускай поскромнее летает. У нас в школе крыша протекает».

Я смирился, но подумал, что Митя нам поможет.

Я раздобыл его телефон — только уже не в Устье, а в области. Секретарше с голосом фотомодели я представился и объяснил, что по личному делу. Митя откликнулся часа через два.

— Прости, дядя Сеня, — сказал он мне своим добрым голосом, — совещались по вопросам борьбы с демократией, которая очень надоела народу. А что у тебя за проблема?

Я рассказал про школу. Что она протекает.

— Я записал. Уже записал, — сказал он.

На следующий день к нашему дому подъехало несколько грузовиков. С них начали сгребать сверкающее иностранное оборудование. Его установили на первом этаже. Потом сменили вывеску. Вместо старой жестянной, на которой было так и написано «Жестяные работы», появилась новая, горящая неоновым светом: «Предприятие по обработке листовых металлов и золота акционерного общества «Малютка». Клава Стадницкая, старая кваша, встретила меня и сказала:

— Все-таки Митя у нас заботливый. Это он обещал, что уберет жестянщиков. Так и сделал.

А так как в школе крышу все не чинили, я снова связался с Митеем. Он долго мне не отвечал, недели две все был занят выборами и дискуссиями, а потом я ~~его~~ увидел у нашего дома. Он осматривал ~~жестянную~~ мастерскую. Увидев меня, обрадовался, пожал мне руку и ~~говор~~ рит:

— Ну вот видите, дядя Сеня, я выполняю свои обязательства перед народом.

— А как же школа? — спросил я.

— Школа — следующий этап, — ответил Митя. — Сейчас совершенно нет налички. Кризис. Все сюда пришлось вложить, чтобы спасти вас, дядя Сеня, и моих дорогих родителей, от шума и грохота.

Он с гордостью показал на жестянную мастерскую, которая и в самом деле не грохотала, а лишь посыпалася, шипела, постукивала — вела себя пристойно.

— Видишь название? — спросил Митя.

— Какое название? — спросил я.

— «Малютка». Так все предприятия нашего фонда защиты детей называются. Эта мастерская теперь наша с тобой, дядя Сеня, народная, то есть моя.

И он уехал на машине «вольво», такой сверкающей, что даже грязь из-под колес не смела ее коснуться.

Жизнь человеческая пролетает незаметно. За последние годы многое изменилось в нашей стране и во всем мире. Но я, старея и мучаясь от болезней, продолжал находиться в ужасном ожидании, понимая, что так долго продолжаться не может. Теперь, когда даже Дина Иосифовна покинула наш мир, момент агрессии приближался.

Мои страхи усиливались от того, что прекратились известия от Кирюши. Он замышлял нечто тайное и потому вдвойне опасное. То ли дело Митя — Митя был обычным, понятным, и когда он приезжал к нам в гости и проверял как работала жестянная мастерская «Малютка» он рассказывал мне по старой памяти о своих делах и успехах. В Думе он побывал некоторое время независимым кандидатом от национальных сил, потом стал губернатором в соседней с нами области, где обнаружилась вакансия. Теперь он приезжал к нам на трех машинах. Во втор-

рой ехали телохранители, одетые скромно, в черное, на третьей — секретари и машинистки. Он вынимал из кармана широкого пальто свой черный билайн и сразу начинал давать указания.

Я как-то не удержался и спросил:

— А как Кирюша? Нет от него вестей? Очень меня это беспокоит.

— Почему же? — спросил Митя.

Я понизил голос и произнес:

— Ты же понимаешь, что он на самом деле Оттуда. И это очень опасно для всего человечества.

— К сожалению ты прав, старик, — сказал Митя. — Ты прав.

— Так где же твой брат?

— В розыске, — ответил Митя. — Во всероссийском розыске. Он от нас не уйдет.

Он по-дружески положил мне на плечо мягкую ладонь.

— Времени терять нельзя, — подсказал я Мите.

— Ты прав, дядя Сеня, — ответил Митя и сел в свой «мерседес-650». — Вот проведем президентскую кампанию, изберет меня народ на высший пост, и мы его поймаем.

Ого, подумал я, Митя-то наш! Замахнулся куда! Впрочем он всегда был тихим, настойчивым и близким к народу. Чувствует наш народ своего человека, плоть от плоти своей и кровь от крови! Кирюшу бы никогда не избрали даже в районную администрацию.

— Эй! — закричал я вслед Митиному кортежу. — Я буду голосовать за тебя, Митя!

Его родителей в тот момент не было. Он переселил их в Москву, купил себе там квартиру в несколько комнат, отец с матерью берегли жилплощадь и все ждали, надеялись, когда Митя женится и пойдут внуки. Но Митя не

откладывал этот момент — дела, понимаете, дела! Так что пока суть да дело Митя отправил их отдохнуть на Канарские острова.

Тем вечером я поздно возвращался домой, с собрания ветеранов труда. Нианила Федоровна на то собрание не пошла, потому что у нее разыгрался радикулит.

Я медленно шел через парк и слова Мити: «он в розыске», относящиеся к Кирюше, тревожили меня.

А успеют ли остановить его руку?

И тут я почувствовал неприятный запах. Почему? Откуда? Словно тлетворный аромат ада долетел до меня.

Я ступил на какую-то доску, лежавшую вдоль тропинки и когда я дошел до середины доски, запах стал невыносим, и доска закачалась, треснула и сломалась пополам.... и я полетел вниз.

Я не успел даже сообразить и не успел никуда прилечь, как меня схватила не лету крепкая рука, вытащила за шиворот из ямы и посадила на землю.

— Зачем же так? — раздался голос.

В тусклом свете далекого фонаря я увидел Кирюшу. Конечно же это был Кирюша.

— Что случилось? — спросил я, стараясь перевести дух.

— А то случилось, — ответил Кирюша, — что вы, дядя Сеня, умудрились рухнуть в глубокую яму, наполненную негашеной известью. И если бы я случайно не проходил мимо, то к утру от вас бы и косточки не осталось.

— Постой, постой! Откуда у нас в парке на дорожке яма полная негашеной известью?

— А оттуда. Идти сможете?

• Смогу.

Поддерживая меня под локоть, потому что вскоре мои ноги ослабли и во всем теле началось колотье, Кирюша повел меня домой.

Когда ко мне вернулась способность говорить, я принялся проклинать невнимательных рабочих, оставивших открытой яму с негашеной известью. Я находился в своего рода шоке — ибо меня не интересовало, почему Кирюша оказался рядом со мной в критический момент.

Видно Кирюше надоело слушать мою злобную воркотню, потому что он прервал меня довольно нетерпеливо:

— Дядя Сеня, неважно, кто и зачем это сделал. Достаточно того, что эта яма была выкопана, чтобы уничтожить от вас все следы существования.

— Что ты говоришь! — воскликнул я. — У меня нет врагов!

— Кто сказал, что у вас есть враги, дядя Сеня?

— Кто же хотел меня убить?

— Мой родной брат, — ответил печально Кирюша.

— Митя?

— Он самый. Космический пришелец Митя.

— Кирюша, — сказал я учительским голосом, — не мели чепуху. Если кто из вас и пришелец, то ты, а не Митя. Именно сегодня я это заявил Мите.

— Вот и объяснение, — вздохнул Кирюша.

— Какое объяснение?

— Ты выдал себя, дядя Сеня, ты сказал, что догадался — один из нас пришелец.

— Но ведь не он!

— Сегодня не он, а завтра ты еще подумаешь и догадаешься, что он. Ведь для них человеческая жизнь — копейка.

— Погоди, Кирюша, погоди. А может это твоя провокация?

Представьте себе такую картину: поздно вечером почти в полной темноте, при свете Луны, на краю городского парка у статуи Геркулеса с веслом стоят два человека, старый маленький (это я) и крупный молодой (это Кирюша) и ругаются.

— Какая такая провокация? — спросил Кирюша.

— Ты хочешь меня убедить в том, что ты не космический пришелец со злобным заданием, поэтому сначала копаешь яму, а потом меня из нее вытаскиваешь.

— Агата Кристи! — закричал Кирюша. — Агата Кристи умирает от зависти к такому изысканному сюжету. Весь день копал яму, а потом...

— Нет, все равно не получается, — сказал я. — Сравни, пожалуйста, кто ты, а кто твой брат.

— Сравни, — согласился Кирюша.

— Митя — самый обыкновенный предприниматель и политический деятель России, из комсомольских вождей, через кооператив вошел в парламент, а оттуда в губернаторы. Он наш, он плоть от плоти, кровь от крови. Если бы он баллотировался в нашей области, я бы за него голосовал. Он заботится о детях. Он проводит программу «Малютка» — это целый фонд заботы... Это обыкновенный... он даже звезд с неба не хватает!

— А теперь, — сказал Кирюша, закуривая длинную трубку, при свете которой я увидел длинный шрам, пересекающий его щеку, и рано поседевшие волосы. — Теперь расскажи, как ты себе меня представляешь.

— Отрезанный ломоть, — твердо сказал я. — Человек, который не может нигде приткнуться, ему видите ли удобнее в Сингапуре или в смешанном экипаже на борту «Челенджера», чем в родном городе. В то время когда Митя ночей не спит для блага нашего государства, нашей национальной идеи, Кирюша даже и носа не кажет на Ро-

дину! Его мать и отец измаялись, не видавши его уже столько времени, глаза выплакали.

И тут послышался спокойный женский голос:

— Его отец и мать вторую неделю выплакивают глазки на Канарских островах. Перестань лицемерить, Семен!

— Тетя Нила! — обрадовался мой ночной собеседник, — как я рад вас видеть!

Они обнялись с моей женой.

— Он нам звонил, — сказала Нианила Федоровна, — и я ему сказала, что ты пойдешь домой через парк. И тогда Кирюша сказал, чтобы я не беспокоилась, он тебя, в случае чего, спасет. Я конечно ему поверила, но теперь вот обеспокоилась.

— Ничего плохого не случилось, — быстро сказал Кирюша и положил мне руку на плечо. А я его уже понял — зачем беспокоить мою Нианилу, если у нее слабое сердце. И вот это движение Кирюши, его предупредительный жест все поставил на свои места. Потому что ни один пришелец, ни один марсианин никогда не станет щадить нервы моей несчастной жены.

— Пошли домой, — сказала Нианила, — чайку попьем...

— Не стоит, — сказал Кирюша. — Они могут следить за домом.

— Их губит самомнение, — ответила моя жена, удивив меня до крайности. Никогда она еще не высказывала при мне таких умных мыслей о жителях других планет. — Они вырыл яму, наполнили ее негашеной известью и уже не сомневается в том, что Сенечка погиб. И не будут они до утра проверять. Водку они пьют.

— Ну уж — инопланетяне и водку... — усомнился я.

— А ты загляни в казино «Золото инков» — все там!

— Кто все?

— Все хулиганы, — сказала Нианила. — Пошли домой, а то мой Сеня опять простудится.

И мы послушно последовали за Нианилой Федоровной.

Дома мы на всякий случай задернули шторы и пили чай вполголоса. Много интересного поведал нам Кирюша. Уж очень получалось нелогично: способности у него можно сказать ниже среднего, зато усидчивость такая, что в классе его не выносили ученики, зато любили все учителя. Никогда не шалит, а уж про драки и не думайте! Если же сделает что-то не так — утащит из шкафа конфету или кусок колбасы, всегда получается так, что виноватым оказывается Кирюша. Чем дальше — тем больше, — выборные должности, нужные друзья...

Впрочем то, о чем рассказывал Кирюша, у меня было записано в тетрадках-дневниках. Только все, что Кирюша казалось ненормальным и подозрительным, мне представлялось образцовым и типичным для ребенка. Мне ведь и в голову не могло прийти, что маленький мальчик Митя притворяется именно затем, чтобы все считали его обыкновенным земным существом. Делал ли он это сознательно или в него были вставлены датчики — этого мы не знали.

Когда молодые люди подросли, Кирюша почувствовал опасность. Видно кто-то сообразил, что при такой близости близнецов Кирюша обязательно разоблачит брата. И тут на Кирюшу начались покушения. И такие настойчивые, что ему пришлось покинуть дом и отправиться в путешествия.

Подобно мне Кирюша долго не мог сообразить, кто же такой его близнец. Даже после того, как Клава призналась ему, что один из близнецов старше второго на пять дней. Ведь она не знала — какой из них настоящий.

Так вот, Кирюша решил, что он — настоящий и посвятил свою жизнь разгадке тайн природы. Он многое узнал, но ему не хватало фактов.

Когда мы все выслушали, я сказал:

— Как жалко, что ты, Кирюша, если ты конечно не крайне хитрый инопланетянин, не обратился ко мне за помощью раньше. Я ведь знаю кое-какую тайну, которой по причине возраста и незнания иностранных языков не могу воспользоваться. А ведь она может все решить.

— Говорите, дядя Сеня, говорите!

И я рассказал ему о трагической гибели Милана Свазека и о его карте, которую я сберег за шкафом.

Мы развернули карту, и я рассказал, как помнил, теорию несчастного Милана. Кирюша слушал меня почти не перебивая, а после окончания рассказа произнес:

— Все стало на свои места. Теперь надо проследить их связи.

— Если успеешь, — печально произнесла Нианила Федоровна.

— Я все-таки оптимистичен, — ответил Кирюша. — Не могу сейчас объяснить вам, почему. Объясню вскоре.

Он попрощался с нами и пошел к себе спать.

— А как мне быть? — спросил я. — Выходить на улицу можно?

— Завтра из дома — ни ногой! Даже если Нианила Федоровна вас будет уговаривать.

— Это почему же я буду своего мужа на верную смерть уговаривать? — спросила догадливая Нианила.

— Потому что вас и подменить нетрудно. Так что и вы завтра сидите дома.

— Но у нас же молоко кончилось! — воскликнула возмущенная Нила.

— Обойдется без молока. Одни сутки. Через сутки я дам сигнал. Вот вам радиотелефон — умеете пользоваться?

И вот, впервые за последние десять лет я пил на следующее утро кофе без молока.

Пока я его пил, моя Нианила Федоровна вытащила из ящика газету.

В газете обнаружилась любопытная статья. Она называлась: «День малютки для миллионов детей».

Статью подписал губернатор соседней области председатель международного фонда «Малютка» Мефодий Стадницкий. В статье рассказывалось как все честные люди планеты, которые любят малюток и хотят о них заботится устраивают во многих городах нашей необъятной Родины и других стран мира праздник для детей с ценностями подарками и развлечениями. Послезавтра по телевидению будет дан сигнал и указано время.

— Надо бежать в милицию! — закричал я. — Это и есть их план!

— И что тебе скажут в милиции? — спросила Нианила.

— В милиции? — ответить я не успел.

Загудел радиотелефон, который лежал у нас на холдиннике.

Звонил Кирюша.

— Имен не называю, — сказал он. — И вы тоже не называйте.

— Ясно, — ответил я.

— Вылезайте через заднее окно жестяной мастерской, — сказал Кирюша.

— Ясно.

— Перебежками, вниз к берегу реки Веревки. Там вас будут ждать через сорок минут.

— Одеваться тепло или легко? — спросил я военным голосом.

— Одеваться нормально, как у нас.

— С семьей прощаться? — спросил я.

— Прощаться, но ненадолго, — ответил Кириуша. — До связи.

Я боялся, что Нианила Федоровна будет бросаться передо мной, как Раймонда Дье на рельсы перед военным поездом в период борьбы за мир. Но Нианила перекрестила меня и сказала:

— И все же я не отпущу тебя без свитера.

Когда я сбежал, пригибаясь, к Веревке, там никого не было. В растерянности я огляделся, и тут сверху вертикально опустился вертолет. Так я не прыгал со студенческих времен.

Перекрывая треск мотора с земли ударили пулеметы.

Машина пошла вверх, а в полу появились круглые дырочки. К счастью ни одна не совпала с моим телом.

За штурвалом сидел мой старый приятель, генерал-майор в отставке, Володя Бутт.

— Машина у меня особая! — крикнул он, перекрывая шум, — держись. Сейчас сложим винт и полетим как континентальная ракета.

Что мы и сделали.

Через полчаса, я бы сказал утомительного полета, мы опустились перед незнакомым вечерним городом.

Генерал-майор помог мне выбраться наружу.

— Я думал — не долечу, — сказал я.

— Я тоже так думал, — коротко ответил генерал.

Черный кадиллак затормозил возле нас. Кириуша открыл дверцу.

Машина рванула с места.

— Где мы? — спросил я.

— В Трансильвании, — ответил Кирюша, — вы еле успели.

— Нас обстреляли с земли, — сказал генерал. — У меня в ноге два пулеметных отверстия.

Я только ахнул.

— Как же ты вел машину?

— Нам не привыкать, — сказал генерал.

— После окончания ликвидации — в перевязку, — сказал Кирюша.

— Куда мы едем? — спросил я.

— На их последнее совещание.

— Как ты узнал?

— Вы помогли, дядя Сеня. Вы вложили последний кирпич в нашу постройку.

— В нашу?

— А чем же я занимался последние десять лет? Мы готовились дать им отпор.

— Кто — мы?

— Дядя Сеня, ну как же вы не понимаете! Они, со звезды Альфа Скорпиона, заслали к нам человеческих зародышей. Внедрили. Запрограммировали их типичными обычновенными серыми карьерными приспособленцами — идеальными исполнителями. У нас Веревкине это был мой брат Митя...

— Но почему его подложили через пять дней?

— Чепуха, — ответил генерал-майор, — у нас всегда накладки, вот и у них накладки. Они должны были Кирилла в момент родов подменить на Митя, но Клавдия принялась рожать раньше времени из-за интриг ее свекрови. Помнишь тот торт? В нем было слишком много масла!

— Про торт я помню, но вряд ли допускаю такое подозрение. Ведь свекровь рисковала жизнью собственного внука!

— Что поделаешь! Национальный характер: «Если я чего хочу, то выпью обязательно!». А потом — авось пронесет.

— Но почему этот инцидент сорвал их планы? — я додавался, каким будет ответ, но хотел получить подтверждение.

— У них, как у вышестоящей цивилизации, все рассчитано. Включая время родов. Младенец был подготовлен к определенному моменту. Предусматривалась подмена в родильном отделении.

— И тут этот торт!

— Пока они спохватились и дали сигнал тревоги, Клава уже разродилась, и даже домой вернулась. Пришлось младенца домой подбрасывать, подменять врача в консультации и подделывать документы в расчете на то, что советский человек больше верит бумаге с печатью, чем собственным глазам.

— Слава богу, — сказал я, — что настоящего не задушили. С них бы стало!

— Что-то им помешало. Но не гуманизм, — согласился со мной Бутт.

— Я не знаю — что, — сказал Кирюша. — Они решили, что два младенца даже лучше одного. Если будут вычислять, кто поддельный, то Митю никогда не заподознят. Он же на тройки учился и общественной работой занимался.

Кирюша был прав. Я сам попался на эту удочку.

— А в других местах? — спросил я.

— В других местах накладки нам неизвестны, — сказал Бутт, — если бы не Кирилл, их диверсия могла бы увенчаться успехом.

— Нет, — возразил я, — Милан тоже догадался. Но как он был одинок!

— Догадался не он один, — произнес Кирюша. — Люди не так уж наивны. Теперь ясно, что в разных странах, на разных континентах появились сомнения. Люди стали подозревать, следить, но не в плохом, а в самом хорошем, человеколюбивом смысле. Некоторые неглупые люди задумались, почему же это на Земле так успешно лезет из всех углов серость. И не только лезет, но и захватывает руководящие посты. Других смущало поведение губернаторов, представителей и парламентариев, которые спешно загоняют народные деньги в какие-то подозрительные фонды... нет, если бы не друзья в нашей стране, а также в ближнем и дальнем зарубежье, наши усилия пошли бы прахом.

— И давно идет наша борьба? — Я не случайно оговорился. Я понимал, что сам того не подозревая, принимал участие в смертельной борьбе, направленной на выживание человечества.

— Наш незримый фронт активно действует уже более десяти лет, — сказал Бутт. — И мы отдаем себе отчет в том, что любая ошибка, небольшой просчет, провал грозят нам неминуемой смертью. Пощады не ждем, но и от нас ее не ждите!

— Я с вами! — вырвалось у меня.

— Мы это понимаем, — улыбнулся мой молодой друг Кирюша. — Ведь мы рассудили, что вы — пионер в борьбе с космическим вторжением. Вы боролись в одиночестве и Родина вас не забудет. Вы имеете право принять уча-

стие в последней решительной схватке. Победить вместе с нами или...

— Или погибнуть на поле боя, — закончил я фразу за Кирюшу.

— Но еще не поздно повернуть назад. Шофер отвезет вам, — сказал Бутт.

— Пути назад нет, — отрезал я. — Спасибо за доверие. Я с вами до конца!

— Не надо благодарить, — вдруг подал голос шофер. Он не оборачивался, поэтому его лица я не запомнил. — Ведь не грибы собирать идем.

Шофер говорил с румынским или венгерским акцентом.

Кадиллак замер на небольшой смотровой площадке. С трех сторон она была окружена мрачным еловым лесом, с четвертой открывался вид на лесистые, кое-где затянутые туманом ущелья и гряды гор, негостеприимные на вид. Их голые вершины скрывались в низких рваных, несущихся на юг облаках. День обещал быть ветреным, дождливым и прохладным.

Со смотровой площадки вверх вела асфальтовая тропинка. В лесу было чисто — ни банок от пива, ни оберточ от сникерсов. Именно в тот момент я окончательно убедился в том, что нахожусь за границей.

За очередным извилином тропинки нас ждали два крупного размера мужчины в камуфляжных костюмах и черных масках. Впрочем, какие это маски — ты натягиваешь на голову черный носок, делаешь в нем две круглые дырки и дело с концом!

Везший нас шофер перекинулся с мужчинами нескользкими тихими фразами по-румынски или по-чешски. В любом случае язык показался мне иностранным.

В этом месте мы сошли с тропинки и начали карабкаться по склону напрямик. Все шли медленно, чтобы я не отставал. Но метров через двести шофер, который, как я уже догадался, командовал операцией, отдал короткий приказ, один из наших проводников быстрым движением — я даже не успел возразить — перекинул меня через плечо и понес дальше как похищенную невесту. Он молчал, дыхание у него было ровным, поэтому я не стал сопротивляться. Неизвестно, какая схватка ждет нас в конце пути лучше, если я окажусь там бодрым и сильным.

Замок открылся перед нами неожиданно. Впрочем, я не совсем точен — возможно все остальные увидели его раньше. Я же только тогда, когда мой носильщик аккуратно поставил меня на ноги.

Оказалось, что мы стоим у подножия обросшей мхом, древней каменной стены. Вершина ее скрывалась в облачах.

Скользя по траве, мы прошли по траве метров сто. В том месте выдавалась круглая башня замка.

Еще два наших союзника вышли из-за башни.

Шофер тихо спросил их о чем-то.

— Он спрашивает, где охрана башни, — перевел мне его слова Кирюша, и надо сказать, что в моем тамошнем нервном состоянии я даже не удивился тому, что Кирюша знаком венгерский, а может румынский язык.

Человек в камуфляже небрежным жестом указал дулом автомата на две помятых банки из-под кока-колы, что валялись у его ног, нарушая чистоту цивилизованного пейзажа.

Он начал что-то объяснять начальнику, Кирюша хотел мне перевести, но я остановил его:

— Я знаю, как это бывает.

— Что случилось, что? — спросил Бутт, который был не в курсе дела.

— После смерти агенты противника превратились в банки, — ответил Кирюша.

— Остроумно придумано, — заметил генерал Бутт. — Никогда не подумаешь, что трупы лежат.

Видно, находившийся в этой башне ход в замок был резервным, предназначенный для бегства или разведки — он представлял собой полукруглый люк, забранный толстой ржавой решеткой. Решетка была разломана невероятной силой, несвойственной человеку.

Заметив мой изумленный взгляд, начальник показал на одного из солдат, обычного роста и сложения и сказал короткую фразу, которую я понял без перевода:

— Сержант Коду, чемпион Олимпиады в Лос-Анджелесе по перетягиванию каната.

Один за другим мы углубились в недра старинной башни. Спустились в подвал и, освещая себе дорогу фонариками, мы поспешили по низкому тоннелю. Под ногами хлюпало, сверху падали тяжелые холодные капли. Несколько крыс цепочкой пробежали в лучах фонарей и их глазенки злобно сверкали красными искорками.

Было неуютно и даже страшно. Одно, утешало — со мной рядом сильные болгарские или венгерские ребята, в том числе чемпион Олимпиады.

Впереди показались каменные ступени. Они вели наверх.

Чемпион Олимпиады пошел первым. Мы остались ждать.

Вдруг сверху донесся удар, затем грохот.

Мне показалось, что он разнесся по всему замку.

Мы кинулись к стенам и замерли, прижавшись спинами к влажному ледяному камню.

По лестнице скатился чемпион Олимпиады, а следом за ним начали сыпаться многочисленные металлические детали, куски пластика и прочие части какого-то механизма. Единственной целой деталью в этом наборе была рука в рукаве от пиджака. Она сжимала переговорное устройство, из которого донесся резкий голос:

— Что там у вас, черт побери, происходит?

Все замерли.

Кирюша хладнокровно сделал шаг к руке, вынул из ее сжатых пальцев переговорное устройство и ответил:

— Все нормально. Продолжаю наблюдение.

— Ну-ну, — пискнул голос в переговорном устройстве.

— Не спать, не отвлекаться. Удвоить бдительность.

Кирюша нажал на кнопку, переговорное устройство отключилось и он кинул его в карман.

— Попспешим, — сказал генерал Бутт — они начинают последнее совещание.

— Кто это был? — спросил я у чемпиона Олимпиады, показывая на кучку металлических деталей.

— Не есть понимаем? — лукаво улыбнулся чемпион.

По узкой лестнице мы поднялись на галерею, которая обтекала на уровне второго этажа громадный гулкий овальный зал, в котором некогда знатные обитатели замка, возможно местные вампиры, собирались на свои шумные безнравственные пирсы. Галерея была узкой и пыльной. По стенам довольно тесно висели крупные, в рост, изображения владельцев замка. Самые старые и почерневшие были облачены в латы, новые — во фраки. Освещалась галерея керосиновыми лампами, укрепленными в чугунных лапах, вылезавших из каменных стен.

Потолок зала являл собой паутину из черного мрамора, в центре которой вместо паука находилась гранитная лежучая мышь, видно вампир. Из ее пасти свисала длинная

цепь, на конце которой находилась пышная чугунная люстра, кидавшая неясный свет на собравшихся за овальным столом людей.

При всем разнообразии этих особей их объединяло одно — возраст. Все они были тридцатилетними. Но этим сходство ограничивалось, потому что среди гостей этой гостиной в различных русских, украинцев, молдаван, негров, китайцев, а также людей неизвестных мне национальностей.

Председательствовал пожилой негр, мой давнишний знакомец, который, как я уже догадался, и курировал всю операцию.

И если все сидели на длинных скамьях без спинок, окружно огибавших стол, то негру достался стул с прямой резной спинкой.

Мы появились на галерее в тот момент, когда эти существа заканчивали спор.

— Я настаиваю, — сказал негр, — чтобы переговоры велись по-русски.

— Но почему? — спросила красивая блондинка, напоминавшая мне какую-то американскую актрису. — Раз у нас своего языка нет?

— Русский язык обеспечивает полную тайну переговоров, — отрезал негр. — В этих глухих местах вы не отыщете ни одного человека, который с ним знаком.

— Но с нашим языком...

— А если, — негр поднял ладонь, останавливая блондинку, — если какой-нибудь идиот сунется сюда, он решит, что попал на совещание русской мафии и убежит отсюда в Гваделупу, так что подметки потеряет.

Негр рассмеялся. Потом сразу стал серьезен и обратил ся к Мите Стадницкому, который сидел справа от него.

— Докладывай ситуацию, — приказал он.

— Все готово, — сказал Митя. — Завтра в одно и то же время...

— В какое? — спросил монгольский лама.

— В шесть по Гринвичу, — ответил Митя, — в шестистах семидесяти крупнейших городах Земли откроются фестивали «Малютка» и начнется всеобщее веселье. Заиграют оркестры...

— Мстислав Ростропович отказался приехать, — мрачно сказал генерал азиатской внешности.

— Ничего, мы разберемся, — пообещал негр.

Подождав, пока за столом установится тишина, Митя продолжал:

— Под веселую музыку и фейерверки клоуны начнут раздавать детям цветы и усыпляющие конфеты. Наши люди останутся на трибунах и будут обеспечивать спокойствие. Ваша задача выпустить затем на посадочные площадки усыпляющий газ. Баллончики получите на выходе. Затем вы контролируете посадку детей в корабли. По нашим подсчетам улов должен исчисляться примерно полумиллионом ребятишек. И это для начала неплохо.

За столом раздались аплодисменты, которые гулко прозвучали в этом мрачном пыльном зале.

— Главное, чтобы все вы, — закончил пожилой негр, — сохранили свои посты министров, губернаторов, руководителей политических партий и лидеров непримиримых оппозиций. Как вы знаете, нам нужны миллионы и миллионы рабов. Так что в случае успеха операция по изъятию детей...

— Операция «Малютка» — подсказала блондинка.

— Операция «Малютка» должна повторяться вновь и вновь, а мы должны все крепче забирать Землю в свои руки.

— До последнего ребенка, — добавил Митя.

— Сейчас все расходятся и разъезжаются по своим постам. И ничего не бойтесь. Никто не посмеет поднять руку на вождей земного истеблишмента. Я же займусь выявлением и арестом козлов отпущения.

— Кого? — спросил восточный генерал.

— Это старый еврейский термин и он означает невиноватого виновника. В истории Земли — любимое занятие искать козлов отпущения вместо виноватых и затем спускать с них шкуру.

За столом сдержанно засмеялись.

— Ели вы обратите ваши взоры наверх, — продолжал негр усталым голосом мудреца, — то вы увидите первых козлов — это отставной учитель литературы из городка Веревкина некий Семен Семенович, генерал-майор в отставке Владимир Бутт и твой братец, Митя. Они пока еще торжествуют победу, не зная, что есть структуры, на которые не положено поднимать руку.

Белые овалы лиц множества премьеров, президентов, губернаторов и лидеров оппозиций задрались к галерее.

Негр поднял палец и я почувствовал, как мои ноги приросли к полу, а члены тела сковала отвратительная немота.

Я понял, что все погибло...

— Отнесите козлов отпущения в каземат, — приказал негр, — мы их предъявим суду, когда начнут искать циников, укравших надежду Земли — ее малюток!

И его дьявольский хохот потряс люстру, над которой поднялась туча пыли.

Пыль еще не успела осесть, как недалеко от меня послышался знакомый женский голос:

— Пришел ваш последний час, агрессоры!

С громадным трудом я смог повернуть голову и увидел мою жену Нианилу Федоровну с автоматом Калашникова

в руках и еще нескольких вооруженных пожилых женщин. Среди них Клаву Стадницкую.

Загремели автоматы...

Премьеры, президенты и лидеры оппозиций кинулись врассыпную, опрокидывая скамейки и сшибая друг друга.

Те же, в кого вонзались пули, тут же превращались в банки от кока-колы и, легонько позякивая, катились по каменному полу.

Ноги мои не удержали меня и я опустился на пол галереи.

Родные лица Нианилы и Кирюши склонились надо мной.

— Ты здоров, мой козлик отпущения? — спросила Нианила.

Я постарался усмехнуться.

— Вы-то почему здесь оказались?

— Потому что мы представляем Всемирный комитет бабушек и матерей.

Кирюша обнял и поцеловал свою маму.

Мы с Нианилой отошли и сели на каменную скамью, под портретом пожилого графа в синем камзоле и голубых панталонах.

Мы держались за руки. Мы вспоминали нашу жизнь, которая проскользнула так быстро, но лишь укрепила нашу любовь.

Молодая китаянка баскетбольного роста остановилась возле нас и сказала моей жене:

— Мы отправляемся, госпожа президент. Инопланетные корабли уже приближаются к Земле. Вам предстоят нелегкие переговоры с противовоздушной обороной...

Сейчас наступает утро. Вот-вот поднимется солнце. Я сижу на краю бетонной посадочной площадки для косми-

ческих кораблей на площади Хосе Марти в Веревкине, прислонившись спиной к ярко раскрашенной площадке для клоунов. В мою задачу входит не пускать детей на развлекательную площадку «Малютка» — а вдруг какая-то часть злодейских кораблей прорвется к Земле? Да и кто их знает — президентов и оппозиционеров, все ли разоблачены и покаялись?

Нианила вылетела в ООН, там она должна выступать в Совете Безопасности, конечно если ей дадут там слово.

Утро веселое, поют птицы, кричат вороны.

Как там писал поэт? — «Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит...»

ПОКАЗАНИЯ ОЛИ Н.

Меня зовут Олей. Мне шестнадцать лет. Я проживаю в поселке Гроды, перешла в десятый класс. Отец оставил маму, когда мне было три года, мама работает медсестрой в больнице.

Эти показания я даю добровольно, по собственной инициативе.

Об Огоньках я узнала в первый раз два года назад, когда по телевизору показывали первый из Огоньков, который нашли в Кении. Может быть, о них говорили раньше, но я не помню.

Я как сейчас вижу изображение на экране телевизора — белая капля, которая касается земли и дрожит. Обозреватель сказал, что это удивительное и еще неразгаданное природное явление. Вернее всего — следствие вулканической активности. Ученые изучают температуру и характер явления. Тогда это не произвело впечатления, может потому что Огонек был маленький и разрушений не причинил.

В следующий раз об Огоньке говорили в передаче «Очевидное — невероятное». Оказалось, что этих

Огоньков в той местности насчитывается несколько, а один из них стал причиной большого лесного пожара. Два ученых, которые обсуждали эту проблему, высказывали соображения, что раз температура Огоньков очень велика, такой на Земле раньше не наблюдали, значит это плазма. В местах, где горит Огонек, всегда есть движение воздуха, который сгорает в его пламени. Один из ученых говорил, что Огонек — это шаровая молния, только стабильная, а другой уверял, что это природная ядерная реакция. Хотя радиации не отмечено.

Я не могу сказать, когда Огоньки стали обыкновенным делом. Сначала о них говорили только по телевизору и в газетах, на последней странице, где пишут о всяких курьезах. Потом стали говорить все чаще, потому что Огоньки оказались не такими уж безобидными. И главное — они стали появляться в разных концах Земли.

Я помню, как меня поразили кадры Огонька в озере Чад. Из озера был фонтан с паром, а изнутри его подсвечивало — это было похоже на фонтан на Сельскохозяйственной выставке в Москве.

В июле приехала тетя Вера. Она живет в Перми. Она рассказала, что у них там много разговоров об Огоньке, который нашли на колхозном поле. Там играли мальчишки, один из них подбежал слишком близко и обжегся. Этот Огонек оцепили войсками и всех из деревни выселили. Но в газетах тогда еще о наших Огоньках не писали.

В первый раз я испугалась, когда показывали большой Огонек в Риме. От него начался пожар — выгорело несколько кварталов. Представляете — вокруг черные балки, пепел, а посреди на пустыре спокойно горит Огонек.

В августе по телевизору показали, как в Соединенных Штатах бомбили Огонек в пустыне Неваде. Над пустыней стояли пыльные столбы, вспыхивали красные взрывы. А потом показали Огонек. Он переместился на дно воронки от бомбы и горел даже ярче чем прежде. Будто нажрался взрывчаткой.

В сентябре прошлого года было опубликовано сообщение Организации Объединенных Наций. И тогда всем стало известно, что в мире уже горит несколько сот Огоньков и с каждым днем число их увеличивается.

Ким, он учится со мной в одном классе, принес тогда к нам домой памятку. Эти памятки распространились во всех городах и там было написано, как следует себя вести, если ты увидел неучтенный Огонек и куда звонить. Там были инструкции, чтобы не приближаться, по возможности огородить это явление и следить, чтобы не произошло возгорание. Главное — ни в коем случае не принимать самому никаких мер против Огонька.

Хотя уже наступала осень и Огоньки начали менять жизнь всей нашей Земли, для нас, в поселке, они оставались иллюзией, как болезнь орор — пишут, говорят, а нас не касается. Мы продолжали ходить в школу и Сесе, это прозвище Сергея Сергеевича, все также кидал свою папку на стол и говорил: «Здравствуйте, громодяне». Мы ездили всем классом на картошку. Так как все время шли дожди, работать в поле было трудно. Дожди шли везде и говорили, что виноваты в этом тоже Огоньки. Те из них, что возникли на дне озер, рек и океанов, вызывали сильное испарение и нарушили баланс погоды. Осенью Огоньков было уже так много, что мы почти не видели солнца.

Тогда, в поле, это и случилось.

Был ветер, дождь перестал и почему-то нам не хотелось уходить в сарай, где нас разместили. Ребята разожгли костер, мы пекли на нем картошку. Мы немного пели. Потом пришли Ким с Селивановым, они ходили в магазин за водкой, но водки не достали. Я была рада, потому что уже видела раз Кима пьяным и это было отвратительное зрелище. А как он может не пить, если у него такой отец и старшие братья?

Даша Окунева начала спрашивать Сесе, что он думает об Огоньках, насколько это опасно. Сесе отвечал, что нельзя недооценивать эту опасность для человечества только потому, что естественное желание человечества спрятать голову в песок. Потом Сесе понял, что никто его не слушает, потому что не хотелось слушать о плохом. Я тогда подумала, что мы ведем себя, как будто говорим об ороре. Эта болезнь для других, не для нас, есть специальные люди, ученые, которые занимаются вакцинами и лекарствами. Они в конце концов обязательно догадаются и сделают, что надо. А раз мы не можем помочь, то лучше не думать. От этого легче не будет. Ким тихо сказал мне, что нужно поговорить. Я знала, о чем он будет говорить. Все знали, что я ему нравлюсь. Я пошла с ним в сторону. Он хотел, чтобы мы ушли в кусты на краю поля и он меня целовал, но у меня не было настроения, в Селиванов стал кричать от костра, что все видят. Я сказала: «Не надо, Ким, пожалуйста. Совсем не такой день».

— А какой день? — спросил он. — Дождика нет.

Чтобы переменить тему, я спросила, как его мать. Клавдию Васильевну еще на той неделе увезли в Москву, в больницу, у нее подозревали орор.

— Ты не бойся, — сказал он, — я не заразный.

— Я не боюсь.

Мне стало его жалко, потому что многие избегали их дом. Можно сколько хочешь говорить, что орор не разный, но люди боятся, потому что ведь как-то заражаются.

Я поцеловала Кима в щеку, чтобы он не думал, что я такая же, как другие.

Наверное, он понял. Он пошел обратно к костру, ничего больше не говоря.

Мы стали есть печеную картошку.

Даша Окунева сказала:

— Смотрите к нам кто-то идет.

Она показала к деревне — там загорелся фонарик, будто кто-то шел по полю.

Мы сидели на брезенте, Кии обнял меня за плечи. Мне было его жалко. Я держала его за пальцы, пальцы были холодными.

Фонарик не приближался. Он горел совсем низко, у самой земли.

Сесе вдруг поднялся и пошел туда.

Он прошел шагов сто, не больше. Оказалось, что фонарик горит недалеко — просто в темноте не разберешь.

Сесе остановился и сказал:

— Вот и дождались.

Он сказал негромко, но мы в этот момент молчали и услышали. Я сразу поняла, что он имеет в виду. И другие тоже.

Мы подошли к Огоньку.

Огонек, словно живой шарик, лежал на земле. Он был ослепительно белый и жар от него чувствовался в нескольких шагах, хотя размером Огонек был не больше детского кулака.

Он был такой легкий, словно воздушный шарик, который прилег на землю, уставши летать, но мы знали,

что у этих Огоńков очень глубокие корни — тонкие плазменные нити, пронзающие землю на метры. Уже были случаи, когда такой корешок доставал до подземной воды и получался взрыв. Может взорваться что угодно, но Огонек останется как прежде, несокрушимый, легкий и даже какой-то веселый.

Летучая мышь пролетела низко над Огоńком, не сообразив что это такое. Она исчезла, ярко вспыхнув.

Мы вернулись к нашему костру и затушили его.

Картошку доедать не стали — никому не хотелось. Мы пошли к правлению, чтобы позвонить в Москву. Даша Окунева начала плакать. Холмик, лучший математик в школе, хороший мальчик, он мне в прошлом классе нравился, пока я не стала ходить с Кимом, стал говорить Даше, что ничего страшного не случилось. Уже сообщали, как успешно идут опыты по нейтрализации.

Мы не оборачивались и шли быстро.

В правлении мы прошли к председателю в кабинет. Председателя не было, его позвали. Председатель был очень огорчен тем, что пропало несобранное поле. Приедут из Москвы, обнесут его колючей проволокой, будут делать опыты, топтать картошку. Теперь никого туда не загонишь убирать — кто пойдет?

Председатель нас отпустил, но автобуса или грузовика в колхозе для нас не нашлось, и мы пошли пешком, до станции было шесть километров. Моросил дождь. Мы сидели на влажных скамейках под навесом у кассы. Средина сентября, а казалось, что вот-вот пойдет снег. Холмик разговаривал с Сесе, а я слушала. Ким с Селивановым исчезли — им сказали, что какая-то тетка у станции продает самогон.

За лесом, по ту сторону путей пыпало багровое зарево. Что-то горело. Зарево отражалось в очках Сесе и

Холмика. Они казались мне марсианами, которые живут совсем иначе чем обыкновенные люди. И еще я тогда подумала — может, совсем не к месту: пройдет десять лет и если мы будем живы, то Сесе и Холмик сравняются. Сейчас между ними большая разница в десять лет, а тогда будет небольшая разница в десять лет. Тем более, что оба очкарики.

— Почему мы должны все и всегда понимать, — слышала я слова Сесе. — Обезьяна не знает, как работает двигатель внутреннего сгорания, но знает, что ее везут в машине. И ее обезьяньему мозгу никогда не подняться до понимания.

— Но мы же люди, — говорил Холмик, — Мы учимся. Всему можно научиться.

Они разговаривали совсем как равные.

— Научиться с какой целью?

— Чтобы решить задачу, чтобы побороть препятствие.

— Я далек от мысли одушевлять природу, — сказал Сесе, — но я вижу определенную закономерность между нашими усилиями и ее реакцией на них. Пока человек был частью природы и подчинялся ее законам, антагонизма не было. Но стоило ему выделиться из нее, как он себя ей противопоставил. И началась война.

— Вы нас так не учили, — сказал Холмик, и мне показалось, что он улыбнулся.

— До некоторых вещей лучше доходить собственным умом.

— И вы видите в этом систему? — спросил Холмик.

— Скорее логику. Действие — противодействие. Когда-то давно люди перебили мамонтов. Жрать стало нечего. Но они выпутились — научились пахать землю. Заодно свели леса. Снова кризис. И снова люди выпути-

лись. Последнее столетие мы называем техническим прогрессом. А для меня это — эскалация противостояния. Ты этого не помнишь, а мы учили всеобъемлющую формулу: «Нам нельзя ждать милостей от природы. Взять их — вот наша задача». Но знаю, насколько искренен был Мичурин, когда пустил по свету этот страшный афоризм. Это лозунг грабителя.

— Я помню другой лозунг: «Если враг не сдается, его уничтожают», — сказал Холмик.

— В применении к природе он неплохо действовал.

Из темноты надвинулся ослепительный глаз товарного поезда, и мимо пошли стучать темные громады вагонов. Грохот поезда заглушил слова Сесе и Холмика. Я видела, как они сдвинули головы и кричат друг другу.

— Любая система должна иметь средства защиты, — услышала я голос Сесе, когда поезд наконец утих. — Мы двинулись в наступление, будто нашей целью было убить Землю. И наше наступление начало наталкиваться на проблемы, которые были рождены этим наступлением. И мне даже видится некоторая корреляция. Мы губим леса и реки, уничтожаем воздух, повышаем уровень радиации. Результат — вспышки новых болезней. Рак, спид, орор...

— Вы неправы, Сергей Сергеевич, — сказал Холмик.

— Это не ответ природы, а наше действие. Мы воздух портим и сами им дышим.

— Ты упрощаешь.

Было очень тихо и их слова были слышны всем. Все слушали, о чем они говорят.

— Возьмите орор, — сказал Холмик. — Сначала его вирус был исподтишка, выборочно, а потом мутировал.

— Рак — детские игрушки. Но вирус потому изменился, что его травили лекарствами, а он хотел выжить. Значит,

это не природа, а только один вирус. И мы его сделали таким.

— А я убежден, — сказал Сесе. — Мы бьем по природе, и чем сильнее, тем сильнее отдача. Пока мы не угрожали самому существованию биосферы, а лишь вредили, то и ответные шаги системы были умеренными. Они не угрожали нам как виду. От рака умирают выбороочно и чаще к старости. Но как только мы перешли критическую точку, то и меры стали кардинальными.

— Вы имеете в виду огоньки? Тогда я тоже не согласен.

Кто-то в полутьме хихикнул. Холмик обожает спорить.

— Почему?

— Потому что Огоньки угрожают не людям, а всему живому.

— Не знаю, — сказал Сесе. — Когда система, лишенная разума, сопротивляется системе, претендующей на обладание разумом, действия ее непредсказуемы.

— А вот идут две системы, обладающие разумом, — сказал Карен.

По платформе шли Ким и Селиванов. Они шли, упершись плечами друг в друга, изображали пьяных. Я сразу поняла, что им ничего не удалось отыскать. И Сесе тоже обрадовался. Я почувствовала, как с него спало напряжение. Я очень хорошо чувствую людей. Селиванов начал говорить нарочно пьяным голосом, кто-то из мальчиков спросил, чего же они не позаботились о друзьях, а Селиванов сказал, что на вынос не дают. Сесе вдруг озлился и потребовал, чтобы Селиванов перестал говорить глупости.

— Все равно сгорим, — сказал Ким. — Трезвые, пьяные — все равно. Все глупо.

— Перестань, Ким, — сказала Даша Окунева. — Мне тебя слушать противно.

Тут пришла электричка. Она была почти пустая. Мы сели тесно, чтобы согреться — в электричке было холодно и полутемно. В последние недели электричество экономили, некоторые электрички сняли, на улицах горели лишь редкие фонари, а днем в домах отключали свет.

Огонек возле нашего поселка появился в конце октября. Даже странно, что он не появился раньше. Как-то Холмик сказал в классе:

— Какая-то дискриминация.

Он предпочитал шутить об Огоньках. Это делали многие, у них защитная реакция. Потому что люди ко всему привыкают. Даже к Огонькам. Никто их уже не считал. Загорался новый, сообщали куда следует, потом приезжала команда, обносила место проволокой, ставила стандартную предупредительную надпись, хотя и без этого никто к Огоньку не подойдет. И уезжали. А мы продолжали жить. Как прежде. Потому что сами по себе Огоньки никому не вредили. Не Огонек ухудшал нашу жизнь, а то, что с ним было связано.

У Кима умерла мать, но ее не привозили хоронить — ооров хоронят в больнице. Ким с отцом ездили туда. Раньше Ким сидел на парте с Селивановым, но когда стало известно, что мать Кима умерла от оорора, Селиванов отсел от него. Я подумала тогда, что мне надо было совершить поступок и сесть рядом с Кимом. Но я не села. Потому что не хотела, чтобы кто-то подумал, что я навязываюсь.

В конце октября было объявлено, что в этом сезоне школу не будут топить и потому с морозами занятия прекращаются. Это было крушением. Наверное, в Моск-

ве или в Париже люди больше знают и говорят об Огоньках. А у нас это не так заметно. Конечно, свет на улицах не горит, но у нас он всегда горел плохо. И в магазинах совсем плохо с продуктами, даже с хлебом перебои. Но нас никогда хорошо не снабжали. И дожди идут, и яблоки не созрели. Но картошку все-таки собрали. Люди скупали в магазинах соль и спички. Мать тогда сказала: «Как будто война». Я не поняла, а она пояснила:

«В России, когда грозит война, всегда скупают соль и спички». Но войны никакой не было. То есть войны продолжалась — на Ближнем Востоке, в Африке, но у нас войны не было. Но когда Сесе пришел в класс и сказал: «Ребята, занятия на неопределенное время отменяются», мы сначала обрадовались, потому что не поняли, что это означает.

А когда поняли, почти все испугались. Даша спросила: «А как же я в институт попаду?» Но еще глупее была реакция Карена. Он как закричит: «Да что вы! Если мы в этом году десятый не кончим, я в армию загремлю!» Кто-то сказал: давайте будем рубить дрова. Сначала раздались голоса в поддержку, но потом Холмик напомнил, что у нас в школе батареи центрального отопления — не ставить же буржуйки в классах, как в революцию. Сесе старался быть спокойным и даже оптимистичным. Он объяснил, что перерыв будет только до весны. Как только потеплеет, уроки возобновятся.

Он сказал, что мы будем заниматься самостоятельно по программе, которую он даст индивидуально, что можно будет ходить к нему домой на консультацию. Он так горячо говорил об этом, что мы поняли — школа для нас кончилась.

Ким пошел со мной из школы. По улице мело. Мы прошли мимо нашего Огонька. За последние дни он

подрос, стал с футбольный мяч, жар чувствовался уже в десяти шагах, воздух стремился к Огоньку, чтобы согреть.

Ким дошел до моего подъезда. Наш дом двухэтажный, барабанного типа, остался еще с первых пятилеток. Мне было холодно. Ким хотел сказать что-то важное. Поэтому он закурил. Потом сказал:

— Оль, выходи за меня замуж.

Это было совсем неумно. Бред какой-то.

— Ты что, — сказала я. — Я об этом совсем не думала.

— Я серьезно говорю, — сказал Ким. — Если ты боишься орора, я тебе даю слово, что нам всем — отцу, братьям и мне в Москве делали анализ — мы не носители.

— Я не о том.

— А о чем?

— Мне шестнадцать. Недавно исполнилось. Тебе тоже. Я понимаю, если бы тебе было двадцать, ну хотя бы восемнадцать. Люди никогда не женятся в нашем возрасте.

Я наверное, говорила очень серьезно, как учительница, и он рассмеялся.

— Ты дура, — сказал он. — Люди не женятся, а мы поженимся.

— Ты мне очень нравишься, — сказала я. — Честное слово. Но давай поговорим об этом через два года.

— Через два года мне будет не с кем говорить. — сказал Ким. — Потому что мы с тобой будем мертвые.

— Не говори глупостей.

— Ты это тоже знаешь. И тренишь. А я тебе говорю — пускай у нас будет счастье.

— Это не счастье, — сказала я. — Это не счастье — делать то, чего мы не хотим.

— Я хочу.

— Ты глупый мальчишка, — сказала я. — Ты струсили.

— Я не струсили. Я лучше тебя все понимаю. Мать умерла при мне.

— При чем тут это?

— Это все вместе, — сказал он. — Земле надоело нас терпеть. Почему ты хочешь подожнуть просто так, даже не взяв, что успеешь.

— Ты думаешь, если плохо, то все можно?

— Завтра об этом догадаются все. И законов больше не будет.

— Пир во время чумы? — спросила я.

— Конечно. Ты подумай. Завтра я спрошу.

— Уходи, — сказала я. — Мне это неприятно.

— Законов не будет, — усмехнулся он. — Только сила.

— И где ты этого наслышался? — возмутилась я.

Тогда Ким ушел.

Я смотрела ему вслед — такой обыкновенный мальчишка. Хорошенький, чернявый, на гитаре играет, в авиамодельном кружке занимался. И мне стало очень страшно, потому что он сказал про силу. Может, это был детский страх, а может, женский. Еще вчера у меня было место, где собирались такие же люди, как я — школа. И был порядок. Школы нет, и Ким в один день стал не мальчиком. Или я этого не заметила раньше?

Я не пошла домой. Был день, светло. Только холодно.

Я поднялась по Узкой улице, мне захотелось посмотреть на наш поселок сверху. Дверь в церковь была открыта и перед ней было много людей. Внутри пели. Я

никогда не видела столько людей у церкви. А внутрь даже не войдешь. Я вдруг подумала — сейчас по всей Земле люди куда-то идут, только не сидеть дома. Одни в церковь, другие в мечеть, третьи в райком, потому что хочется найти защитника.

Я вышла на обрыв. Река замерзла, и по ней неслась снежная пыль. Ветер был ужасный. Я вдруг посмотрела вверх и подумала — почему все говорят про летающие тарелочки? Вроде бы их видели? Почему они не прилетают? Именно сейчас они должны прилететь и сказать, что знают, как нам помочь. Надо бы сказать маме про Кима — может, это смешно? Но потом я поняла, что мама страшно испугается. Она каждый день приносит с работы разные истории — про самоубийства, про грабежи. На станции я сама видела военные патрули — никогда еще не было военных патрулей на тихой пригородной станции.

Я не знаю, почему стало так плохо с энергией — но это было во всем мире. Но вечерами телевизор еще работал. Через несколько дней после того как закрылась школа, я увидела по телевизору съемку Земли со спутника — не помню, как называлась передача. Мама тоже была дома. Она была еле живая после дежурства. Она рассказывала, как в больнице делают железные печки. Им привезли дрова — некоторые предприятия закрыты и все рабочие рубят лес, чтобы не замерзли города. Мы сидели дома и смотрели на Землю сверху. И тогда я поняла, как плохи наши дела. Огоньков на Земле было много тысяч. Они горели точками по всей суще, только не равномерно — в некоторых местах они пылали впритык друг к дружке, в других местах, например, в тундре, их было куда меньше. Всего их было столько, словно какой-то злодей истыкал иголкой полотно Земли.

Мы с мамой знали, что Огоньки не только плодятся, но и растут.

Мама сказала:

— Еще совсем немного и они соединятся.

— И тогда будет новое Солнце, — сказала я.

А диктор говорил, какие общие исследования ведут ученые разных стран. Потом об энергетическом голоде и изменении климата на всей Земле из-за того, что количество кислорода в атмосфере уменьшилось и происходит интенсивное испарение. Поэтому облачный слой почти непроницаем для солнечных лучей и растения не получают света и тепла. Произошло резкое похолодание, и надо ждать сильных бурь. Потом нас призывали к спокойствию и порядку.

Я почти перестала спать. Я видела, что случилось, когда новый Огонек проснулся под домом у станции. Дым был до самых облаков — весь дом сгорел, даже не все успели убежать. И мне начало казаться, что если я засну, то под нашим домом тоже появится Огонек и я не успею убежать.

Потом налетела первая из больших бурь. Она началась ливнем. Ливень сожрал снег, на реке появились полыни. Ливень не прекращался, а ветер становился все сильнее. С некоторых домов сорвало крыши. Мать оставалась в больнице — их перевели на казарменное положение. Бензин выдавали только скорой помощи и милиции.

Я как-то пробралась к маме — очень проголодалась. Дома все кончилось, я думала, что у мамы должна быть какая-то еда. Больные лежали в коридорах и в холле. Некоторые просто на полу. Мать вынесла мне тарелку супа и я съела его, сидя у горячей печки. Мама была совсем худая, глаза красные, она сказала, что у них больше

всего сердечников и астматиков — люди умирают от перепадов давления и недостатка кислорода. Еще там было много покалеченных и даже с огнестрельными ранами — мама шептала мне про то как милиция сражалась с бандой грабителей и было много убитых и раненых. Она велела мне переехать в больницу — тут спокойнее, а дома опасно. К тому же в больнице не хватает санитарок, от меня будет польза. Потом она рассказала, что возле госпиталя был Огонек, но он погас — это было так странно, что приезжала комиссия из Москвы. Они ничего не нашли, даже следов Огонька.

Когда буря немного улеглась, я пошла домой, чтобы собрать вещи и встретила Холмика. Я его давно не видела. Холмик сказал, что он в дружине — они собирают в магазинах и на складах продукты и теплые вещи, свозят это в станционные склады, потому что их охраняют солдаты.

Он сказал:

— Каждый должен делать полезное.

Мы с ним стояли совсем близко от Огонька, что горит во дворе дома. Я к этому Огоньку привыкла. И каждый день смотрела, как он понемногу растет.

Холмик был возбужден, ему казалось, что он делает что-то нужное. А я, насмотревшись на больных, сказала ему со злостью:

— Ты хочешь, чтобы мы умерли на неделю позже?

— Я хочу, чтобы не умирали.

— У тебя есть надежда?

Я спросила это потому, что хотела, чтобы меня кто-нибудь успокоил.

— Да, — сказал Холмик. — Потому что Земля больна оспой. А каждая болезнь проходит.

— Это ты сейчас придумал?

— Это только образ.

Мы отошли под стену, где меньше дуло. Я спросила, кого из наших он видит. Холмик сказал что с ним в дружине Селиванов. Я удивилась, потому что Селиванов тупой и бездельник.

— Люди меняются, — сказал Холмик. Потом подумал и добавил:

— У нас тоже не все ангелы. Некоторые берут для себя.

Но не стал объяснять, относилось это к Селиванову или нет.

И еще сказал:

— Вчера расстреляли трех мародеров. Только я не пошел смотреть.

— А Кима не видел?

— Нет. Селиванов говорил, что он уехал в Москву.

— Спасибо.

— Ты за что благодаришь?

— Неважно. А как Сесе?

— Ничего, — сказал Холмик, но так сказал, что я сразу же стала настаивать. — Что случилось?

— Он болеет, — сказал Холмик.

— Чем болеет?

— У него орор.

— Не может быть!

— Почему?

— Ты сам видел, сам?

Я поняла, что все могут умереть или заболеть, а Сесе не может, не должен, потому что это несправедливо!

— Да, — сказал Холмик. — Я его видел.

— Он в Москве? В больнице?

— Нет. Он дома.

— Почему?

— В Москве больницы переполнены. Ты не представляешь, что там делается. Теперь у кого оор, остаются дома.

— Я скажу маме — его возьмут к нам в больницу.

— Не возьмут. И он сам не согласится. Он же понимает.

— Что здесь можно понимать?

— То, что в больницах еле справляются с теми, кому можно помочь. Орорным помочь нельзя, ты же знаешь!

— Но ведь говорили про сыворотку!

— Оля, я пошел, ладно? Некому сейчас делать сыворотку.

Он убежал, в я пошла домой. Я думала, что надо навестить Сесе. Кто за ним ухаживает? Ведь он жил один, рядом со школой.

Я вернулась к Огоньку. Он был такой же как вчера. Я подумала, как я мало о нем знаю. Ведь он живой или почти живой. Он растет. Он хочет нас всех убить. Или он не знает, что убивает? Между мной и Огоньком был железный столбик его поставили, когда огораживали Огонек. Если стоять, прижавшись щекой к углу дома, то край Огонька касается столбика. Коснулся, мигнул, отодвинулся. Снова коснулся... Уйди, говорила я ему, пожалуйста, уйди... Долго смотреть на Огонек нельзя — болят глаза. Оспа Земли, повторяла я про себя. Оспа, которая может покрыть всю кожу, и тогда больной сгорит. И это случится очень быстро. Если бы я знала, что я сейчас умру, но мама будет жить, и Холмик будет жить, и Дашка — это было бы плохо, но не так страшно, честное слово. Но если я знаю, что вместе со мной умрут все, даже самые маленькие ребятишки и вместо всех домов и церквей, музеев и заводов будет только огонь — это страх непереносимый.

И у меня в сердце была такая боль, что я даже забыла о Сесе. Холодно-холодно и тошнит.

У самого дома меня вырвало. Может быть, потому что я давно не ела, а тут целую тарелку супа в больнице. Может, от ужаса. И сколько мне жить в этом ужасе? Мама говорила в больнице, что у них много самоубийц, которые не сумели себя убить. Оказывается, больше половины самоубийц остаются живыми.

Я включила телевизор, но он не включился. Снова начался ливень, и он бил по стеклу, словно кулаками. Начало темнеть и дали свет. Я экономила свет, у меня горела только одна лампочка в большой комнате. Ливень стучал в окно, и я не сразу поняла, что там человек, который тоже стучит. Я не подумала, что это может быть Ким, и открыла. Мне было не страшно — мне было все равно.

Это был Ким.

Он был в кожаной куртке и кожаных штанах. Совсем пижон. И кепка у него была черная, кожаная. Он отпустил черные усики.

— Привет, — сказал он. — Где мать?

— В больнице, — сказала я. — А мне сказали, что ты в Москве.

— Я в Москве, — сказал он. — Там все лучшие люди. Я поняла, что он пьяный.

— Ты чего приехал? — спросила я. — Домой?

— Нет. Я к тебе приехал. Ты помнишь наш разговор?

— Кимуля, — сказала я. — Неужели ты об этом можешь думать? Я сегодня была в больнице. У мамы. Ты бы посмотрел. И Сесе болен.

— Пустые слова, — сказал он и глупо засмеялся. Он сел в кресло и вытащил из-за пазухи пистолет, настоящий, черный, блестящий, словно мокрый.

— Видишь? — сказал он. — Пир во время чумы. Предлагаю участие.

— Дурак ты, Ким, — сказала я.

— Я на тачке приехал, — сказал он. — Дружок ждет. Мы славно живем. Делаем дело и уходим. Москва большая.

— Ну чего ты выступаешь? — сказала я. — Меня ты не удивишь.

— Ты не поверила? Смотри.

Ким засунул руку в верхний карман куртки и вытащил оттуда горсть каких-то ювелирных брандзулеток.

— Хочешь? — сказал он. — Все твое!

— А зачем? Кому это теперь нужно?

— Находятся чудаки. Даже не представляешь, сколько. Меня тут поцарапало, перестрелка была с патрулем.

Мне было с ним очень скучно, словно он был мальчиком на сеансе про американских гангстеров, а я взрослая зрительница.

Он поднялся, и я спокойно смотрела на него.

Он поигрывал пистолетом.

— Пошли, — сказал он. — Я в самом деле про тебя думал. Все время. Я тебе все достану — все, что хочешь. И шмотки, и жратву. Ты будешь моей королевой, честное слово. Меня в организации уважают. Я двух милиционеров пришил, честное слово. У нас знаешь сколько баб — а я к тебе.

— Ты еще маленький, — сказала я.

Он поднял пистолет и прицелился в меня.

— Олька, — сказал он, будто играл роль, — у тебя нет выбора. Ты моя.

— Уходи, — сказала я. — Мне собираться надо, я к маме в больницу переезжаю.

Он пошел ко мне, не выпуская пистолета и я стала отступать, мне все еще было страшно.

Вдруг он отбросил пистолет и схватил меня.

— Я докажу! — повторял он. — Я сейчас докажу.

Он стал валить меня на диван. Он разодрал мне на груди платье и оцарапал шею. Если бы я тогда испугалась, я бы, конечно, погибла — он бы сделал все, что хотел. Но я не боялась, и мне было скучно и противно, словно и смотрю со стороны. Я думала — как сделать ему больно? Простите, но я укусила его в нос. Это как-то неприлично звучит — а он закричал и я поняла, что правильно сделала. Я побежала к открытой двери на улицу, хотя знала, что там его дружок.

Я выскочила на улицу. Там в самом деле была «волга», за рулем сидел парень, но он не смотрел в мою сторону. Я не могла звать на помощь — была такая буря! А услышат — кто посмеет выйти?

Ким выскочил с опозданием и не видел, куда я побежала, но к тому времени его дружок опомнился и показал.

Я обернулась и увидела, как Ким прыгнул в машину. «Волга» рванула с места.

Я побежала за угол и чуть не попала под газик

Это был зеленый газик с красной звездой на боку. Я отскочила к стене и увидела напряженное лицо солдата за рулем. И тут же газик затормозил — чуть не столкнулся с машиной. Ким открыл дверь и начал стрелять по газику. Оттуда выскакивали люди. Они тоже стреляли. Один из солдат упал, головой в лужу. Был грохот и крики, а мне казалось, что это ко мне не относится. Потом все кончилось. Я видела, как солдаты заносили своего в газик, а Кима и его дружка положили в «волгу». Туда

сел солдат, и «волга» уехала. Офицер из газика, в мокром плаще, подошел ко мне и спросил:

— Других не было?

— Нет, — сказала я. — Ты иди домой, — сказал офицер. — Иди, тебе здесь нечего делать.

Лил дождь, а лужа, в которой раньше лежал солдат, была красной.

Я пошла домой, но не дошла, а остановилась возле Огонька.

Мне не было жалко Кима, потому что это был чужой Ким.

— Вот видишь, к чему это приводит, — сказала я Огоньку. Я была совсем мокрой, в рваном платье. И тут я увидела, что за то время как я не встречалась с Огоньком, у него появился младший братишко. Я смотрела на железный столбик. Мой старый Огонек еще больше подрос, край его залез за столбик, а малыш был совсем маленький, как мухоморенок рядом с мухомором.

Идти в таком виде к маме в больницу было нельзя, только пугать ее. Я вернулась домой и почти сразу заснула — такая у меня была реакция.

Ночью я просыпалась от страха. Я задним числом петретрусила. Мне казалось, что кто-то пробрался в дом и сейчас он со мной что-то сделает, а может убьет, но я не могла отогнать сон настолько, чтобы проверить, заперта ли дверь.

Я проснулась поздно. Было тихо. И я целую минуту лежала совсем спокойно в хорошем настроении и думала: почему не надо идти в школу? Потом минута прошла, и я все вспомнила. Я попыталась включить телевизор, он не работал, было полутемно, хотя часы показывали девять часов. Я выглянула в окно — над улицей нависла почти черная туча — вот-вот выплеснет-

ся. Я стала быстро собираться. Кожаная кепка Кима лежала на полу. Я выкинула ее в мусорное ведро. Потом собрала свою сумку — только самые нужные вещи, словно собиралась на экскурсию. Я решила, что отнесу вещи, а потом схожу к Сесе. Обязательно. Ведь я не боюсь заразиться?

Но в больницу я не пошла. Я подумала, что пока я буду ходить в больницу, Сесе может умереть. Я оделась потеплее, перерыла всю кухню, пока нашла полпачки сахара — даже странно, что не видела ее раньше. Больше мне нечего было отнести Сесе.

Я поспешила к Сесе, пока не началась новая буря. Воздух был тяжелый, и я сразу запыхалась, пришлось перейти на шаг. Сесе жил в трех кварталах, рядом со школой, у него свой маленький дом — это дом его отца, который когда-то был директором нашей школы, но потом умер.

У дома я встретила Шуру Окуневу, старшую сестру Даши. Она спросила меня, не видела ли я ее Петьку. Петька убежал на улицу, а она волнуется. Я сказала, что не видела. И спросила, Сесе дома? Это был глупый вопрос.

— Ты что не знаешь? — спросила Шура. — У него же орор, может, он помер.

— А ты к нему не ходила?

— Ты что! У меня ребенок. Мне бы его сохранить.

— Я к нему пойду.

— Олька, — сказала Шура убежденно. — Нельзя. Он все равно что умер. А это верное заражение, ты у любого спроси — сегодня орор хуже чумы.

— Я пойду.

— Тогда больше ко мне не подходи и вообще к людям не подходи! — закричала Шура.

Я понимала, что она психует — в такие дни иметь ребенка — это вдвое хуже.

Шурка побежала дальше, крича своего Петьку, в я пошла к Сесе.

Дверь к нему была открыта.

Я спросила, есть ли кто дома.

Сесе не ответил, и я вошла.

Он был совсем плохой. Страшно худой — скелет, а на лице и на руках красные пятна. Руки покорно лежат на одеяле, и сам он покорный.

Он увидел меня — глаза расширились.

— Здравствуйте, — сказала я, — я пришла, может помочь?

— Не подходи, Николаева, — сказал он. — Нельзя.

— Ничего, — сказала я, но осталась стоять у двери. Я даже не подозревала, что человек может так измениться. Я понимала, что он скоро умрет. На столике стоял пустой стакан.

— Вы пить хотите? — спросила я, чтобы не стоять просто так.

— Не надо.

Я прошла к кровати, взяла стакан и пошла на кухню. На кухне было запустение, но кто-то здесь недавно был. Значит, кто-то ходит.

А я боялась.

У плиты стоял газовый баллон, и в нем еще оставался газ. Я включила его, поставила чайник, достала сахар. Вернулась к Сесе.

— Вот видишь, — тихо сказал Сесе. — Не повезло.

— Ничего, — сказала я, — вы еще поправитесь.

— Спасибо.

— А кто к вам приходит?

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Холмов.

— Холмик? А мне он ничего не сказал.

— Это опасно. Вы, ребята, не понимаете, как опасно.

— Все очень опасно, — сказала я серьезно. — Потому что меняются люди.

— А как там Огоньки? — спросил Сесе.

— Вчера новый родился за нашим домом, — сказала я. — Совсем маленький.

Он закрыл глаза, потому что ему было трудно говорить.

— Я буду у мамы в больнице, я возьму лекарств.

— Не надо, — еле слышно сказал Сесе. — Они нужны живым.

Чайник закипел, я сделала сладкий напиток. Потом напоила его.

Сесе не разрешал, но он был такой слабый, почти невесомый, и я его все равно напоила. Мне было бы стыдно этого не сделать. Он немного попил, но больше не смог. Он закрыл глаза, а я ему что-то хотели сказать и никак не могла придумать, что.

И я сказала ему, как я его люблю, как я всегда его любила, потому что он самый красивый и умный. Еще с седьмого класса любила. Он вдруг начал плакать — только слезами — лицо было неподвижно. Он велел мне уйти.

На улице меня поймал такой ливень, какого я еще не знала.

Было темно, как глубокой ночью, и я даже заблудилась. Я шла и все время натыкалась на стены. Я плохо соображала. Но тут я увидела наш Огонек. Я добралась до угла дома, стояла там и смотрела на Огонек с ненавистью, как будто он был виноват в болезни Сесе.

Было все еще темно но дождь вдруг ослаб. Я поглядела на железный столбик — и увидела, что край Огонька не достает до него.

А маленький Огонек не увеличился.

Я стояла и глядела на Огонек, словно загипнотизированная. Не знаю, сколько простояла. И тут услышала далекий крик. Почти сразу большой Огонек съежился, а второй, малыш, мигнул и исчез.

Я обрадовалась. Значит, правда, что они могут исчезать.

Потом я забежала домой, взяла сумку и направилась в больницу.

По дороге встретила Шурку Кедрину..

Она поднималась от реки, еле живая, словно ее палками побили. Она тащила на руках Петьку — Петьке уже шесть лет, он тяжелый, она задыхалась. Она увидела меня и начала кричать, словно я была виновата:

— Я же звала! — кричала она. — Я же звала и никого!

— Нашла? — спросила я. — Вот и хорошо.

— Ты не понимаешь! — кричала Шурка. — Холмик утонул. Ты понимаешь — Холмик утонул! Он моего Петьку вытащил, а его унесло! Я сама видела!

— Где? — Я бросила сумку. Я побежала к реке.

Вслед кричала Шурка, потом она бежала за мной, она не замечала, что Петька тяжелый и мокрый, она все время повторяла:

— Я же не могла... он за бревно держался, он Петьку вытолкнул, а река — ты же знаешь... Я Петьку тащила...

Река была вздувшейся, громадной, по ней неслись бревна, части домов, какие-то ящики... Ни на берегу, ни в воде не было ни одного человека.

— Может, его выбросило на берег? — я просто умоляла Шурку подтвердить, а она не смогла.

— Я видела — его голова, там, на середине, появилась и все...

Я взяла у нее Петьку, он устало плакал.

Мы по очереди несли его на косогор. Уже наверху я спросила ее:

— Ты кричала?

— Ой, как я кричала! — ответила Шурка.

Я отдала ей Петьку.

— Согрей его, — сказала я.

— Я кричала — и никого, — повторила Шурка и ушла.

И тогда я решила, что к маме пока не пойду. Мне нужно поговорить с кем-то серьезным, который захочет поверить.

Я дошла до станции. Уж не помню, как.

На станции были люди. Солдаты и дружинники разгружали из вагона мешки. За путями, у стрелки горел Огонек.

Я увидела того лейтенанта, который говорил со мной вчера.

— Мне надо в Москву, — сказала я. — Обязательно. Может, я ошибаюсь. Но если я не ошибаюсь, тогда есть надежда.

— Поезда не ходят, — сказал он. Ты же знаешь. И в Москве такие пожары...

— Тогда я вам скажу.

Его позвали, но он посмотрел мне в глаза и крикнул:

— Погоди, без меня!

А мне сказал:

— Говори, девочка.

И я ему сказала про совпадения. Про то, как увеличился Огонек, когда пришел Ким, про то, как он чуть-чуть уменьшился, когда я пришла от Сесе, как погас малыш, когда Холмик вытащил Петьку, а сам не смог выбраться из реки.

Мы с лейтенантом добрались до Москвы на его газике.

И я все это повторила здесь.

Я знаю, что есть надежда. Никто раньше об этом не догадался, потому что не искал связи между нами и Огоньками. А если нет надежды, ее надо искать там, где не искали.

Нет, я не смогу оставаться здесь. Холмика нет, и некому даже напоить Сесе. Вы просто не представляете, какой он человек.

И мама, наверно, уже с ума сходит.

МОЙ ПЕС ПОЛКАН

Никто из взрослых не должен был знать. Иначе насы бы не пустили. Ведь немало ребят пострадало на этом. Кольку Звягина вообще убили. Они же не люди, к ним и руки не попадай. Даже не крестятся. Одно слово — столичники.

Мы пошли втроем. Эдик Брюхой — он хоть и высокий, взрослый, но, как муха, по любой стене влезет. А так — псих. И Светка Геворкян. Только Геворкян не ее фамилия, а приемная. А потом, когда и Геворкяна убили, она все равно Геворкян осталась. Она может любой замок открыть. Наконец я. Меня позвали, потому что меня любят животные. У каждого свой талант. У меня талант к животным, потому что я их люблю.

Эти столичники живут далеко в тылу. Они — торговцы проклятые. Их наша борьба за счастье человечества не колышет. Они жрут мясо и куриц. Даже охрана у них татарская, сами не хотят рисковать. Глухой говорил, что раньше в Столице много людей было. И все подлецы, столицы нет, а они, как Светка Геворкян, со старой фамилией. Смешно.

Мне иногда странно и противно, какое право имеют жить на свете люди, лишенные высоких идеалов? Не готовые пожертвовать своей жизнью ради их достижения? Я с детства так воспитан. Я готов пожертвовать жизнью ради счастья человечества. А чем могут похвастаться — эти столичники? Или армяне, которые живут за Клязьмой? Ну ладно, с армянами у нас более-менее мир, хотя и у них совсем нет идеалов.

Мы пошли вечером, в полнолуние, чтобы лучше видеть дорогу. Веревки, намордники, всякое добро взяли в клубе. А ножи у нас свои. Нам, считай, повезло. Кто-то забыл в клубе именно столько веревок и всяких вещей, которые нам понадобятся. И не запер клуб на ночь. Я сказал об этом Эдику, а он мне отвесил подзатыльник. А Светка Геворкян, которая младше Эдика, начала смеяться. Эдик и ей врезал, потому что надо было соблюдать полную тишину и тайну, иначе кто-нибудь из взрослых увидит нас, а потом выпорют на площади. Но мы считали, что не только у взрослых есть высокие идеалы, а у нас, подростков, тоже есть высокие идеалы. Вот мы и пошли.

Мы подошли к концу поселка. Здесь надо было особенно осторожными, пока будем пролезать сквозь лаз, сделанный давно, еще октябрятами, и до сих пор не раскрытый пограничниками, нас легко могут заметить и тогда — даже страшно подумать, что с нами сделают!

Но нам опять повезло. У ворот никого не было и сами ворота были приоткрыты.

Мы стояли и смотрели, не в силах поверить своему счастью.

— Пошли, — сказал наконец Эдик.

— А пограничники где? — спросил я глупым голосом.

— А пограничники в префектуре на свадьбе гуляют, — сказала Геворкян. — Пригласили их, значит и гуляют.

— А ты раньше знала? — спросил я.

— Нет, раньше я не знала, а то бы сказала.

— И ты не знал? — спросил я у Эдика.

Он даже разозлился:

— Ты чего, допрашивать сюда пришел? Вот будешь служить в комендатуре, тогда и допрашивай.

Не нравились мне эти открытые ворота. Ворота надо охранять. Нас с детского сада учили: «Граница на замке!»

А тут — ушли на свадьбу и замок с собой взяли.

Я прислушался — издалека доносилась музыка. И, вроде бы, пели.

Эдик первым пошел. Он старший, так и надо.

Потом Светланка. Я — как младший последним. Я тыл прикрывал.

У меня было ощущение — я кожей чуял, что за нами следят. От сторожки или из траншеи. И сейчас влепят нам по пуле в зад... Тут мои нервы не выдержали. Я крикнул — сам не знаю, как это получилось — но я крикнул:

— Ложись!

И сам не лег, а побежал вперед. И другие побежали. А сзади началась стрельба. Будто они сидели в засаде, ждали, что мы сделаем, а потом спохватились.

Мы добежали до черемухи.

Трассирующие пули свистели высоко над головами. Мы забились вглубь кустарника и затаились, пока не прекратилась стрельба. Но стрельба не прекращалась — с другой стороны тоже ответили. Затягивали градобойные орудия. Мы лежали на траве, и Эдик меня ругал. Только я не понимал, чего он меня ругает.

— Они все равно нас подстерегали, — говорил я. — Если бы мы не побежали, они бы нас, как сусликов, перестреляли. А мы побежали, вот они и не успели.

— С чего ты взял, что они хотели стрелять? — спросила Светка. — А может, они и не хотели. — Она сжалась в комок, на коленки натянула мешковину — только вороний нос наружу.

— Не говори глупостей, — прошипел Эдик. — Конечно же, они хотели, но нам надо было еще пройти немного, а потом бы мы побежали — я так хотел приказывать.

— Вот бы и приказывал.

Мы лежали на земле, земля была холодная. Трава только пробивалась, листья на черемуховых кустах были маленькие и зеленые, как клопы-мутанты. Когда здесь распустятся цветы, то с обеих сторон по ночам сюда будут ползать охотники за цветами. Хоть жизнь и сволочная, но все равно некоторым людям хочется цветов, и они готовы за них платить, а некоторые своим женщинам носят. Только многие на этой операции погибали. Потому что снайперы с обеих сторон за ними охотились. Иногда смешно бывает: мужик нарвал букет, ползет к своим, улыбается, доволен. Тут его наш снайпер возьмет и пристрелит. Он коряжится на ничейной полосе, а цветы уже ему не нужны. Такая вот философия, как говорил мой сосед Раушенбах, старший мусорщик.

Набежали облака, они закрывали Луну, которая поднялась уже высоко. Нам надо было взять правее — прямая дорога была совсем открытой и простреливалась. Ее использовали только тогда, когда проходили официальные делегации или торговые караваны. С пропусками. А нас кто будет охранять? Нас пристрелят и оставят вонять.

Мы спустились в ложбину, кое-где под ногами скрипели ржавые консервные банки и сучья, а то шелестела бумага — но все достойное из этой помойки давно уже выгребли. Так что можно было даже не глядеть под ноги.

Столичники тоже знали об этой ложбине, но редко сюда ходили, потому что в ней высокая радиация. То ли со свалки, то ли какой осколок залетел от Братской вины, когда славяне штурмовали Старый вал и скинули туда сами знаете, что. Но мы быстро пробежали — если быстро бежишь, радиация не успевает приклейтесь.

Там дальше, перед самым их забором, небольшой пруд — или большая лужа, как хочешь, так и называй. Но нам в нее соваться нельзя — там вода отравленная. Один парень из нашего класса туда попал, по пояс, я его в больнице навещал — кожи за волдырями не видно, ему ноги отрезали, но он все равно помер. Эти столичники про лужу знают, еще бы не знать — они от нее бетонными плитами в три этажа отгородились. Вот в этом и была наша хитрость. Надо было пройти по самому краю лужи, а потом взобраться на стену из бетонных глыб — ее-то никто не охранял. Мы все правильно рассчитали — ведь дождей уже месяц как не было — уровень воды в луже на метр упал — ходи вокруг — не хочу. А ведь эти столичники тупые — что им стоит через стенку поглядеть — нет, сидят в тепле, пятки чешут.

Мы пробежали, пригибаясь, вокруг лужи. Несло от нее отвратно.

У Эдика веревка с собой — он вскарабкался на стену, веревку укрепил наверху — и исчез. Я Светку подсадил, а потом сам за ней полез.

На гребне стены я задержался — рискнул. Мне всегда любопытно смотреть на другие страны. Хоть и в темноте.

У столичников всего больше, чем у нас — в этом главная несправедливость. У них и дома есть, старые еще, довоенные, в которых жить можно. Строить ничего не надо. И людей у них больше — всего у этих сволочей больше! Понимаете, как это плохо, когда у одного есть все — и жилье, и хлеб, а они еще измываются над животными, а мы рядом — голодные, в школу не в чемходить, но терпим и верим в светлое будущее. Не то, что некоторые.

Я смотрел сверху вдаль и при свете Луны видел деревья, заборы, дороги и настоящие каменные дома вдали. Кое-где в окнах даже горел свет — они могут ночью зажигать свет! Нам приходится создавать мобильные бригады экономии, чтобы выявлять тех, кто зажигает свет — отнимать у них свечи или лампы — потому что свет нужнее в школе и в больнице.

— Эй, — шепотом крикнул снизу Эдик. — Ты хочешь всех сюда приманить? Чего высунулся?

Я не стал объяснять, потому что Эдик — человек не очень интересный. Он физически развитый, но умственно ему еще надо развиваться.

Я спрыгнул со стеки. Светка сидела на земле, терла ногу. Черные тугие, кольцами волосы блестели под Луной.

— Не растянула? — спросил я.

— Нет, — сказала она, — только ушибла.

— А то смотри, — сказал Эдик, — мы тебя обратно сейчас можем перебросить. Потом поздно будет.

— Ничего, — сказала — Светка, — потерплю. Она — человек сознательный, настоящая скаутка. Если решила остаться — значит не предаст.

Мы пошли к их городу, перебегая от дерева к дереву, замирая перед прогалинами, пугаясь совиного крика и таясь за углами развалин. Мы вовремя услышали, как идет пограничный патруль, и залегли. Они нас не заметили.

Видеть мне их было страшно и неприятно. Как тараканов. Это мы, бедные, одеваемся кто во что придется, а у их пограничников одинаковая форма, зеленые мундиры, зла не хватает, да еще красные звезды на фуражках.

Если бы сам столько раз не видел, никогда бы не поверил. Вот на кого мы, юные скауты поднимаем кулаки!

Светка затаилась, как мышка, и часто дышала. Другая бы никогда на такое дело не пошла. А она пошла. Вчера мы у нас во дворе сидели, а Александр Митрофанович вспоминал, как сам на такое дело ходил, еще лет двадцать назад. Он и подсказал: «Если бы я сейчас пошел, обязательно бы Светку взял, армяночку. У нее не руки, а отвертки — любой замок ногтем возьмет — феномен природы». Александр Митрофанович сказал нам, что в его время такие походы, как он сказал — набеги, к столичникам, тоже строго запрещались. Ведь наше руководство свято ценит каждого человека. Недаром нас в школе учили, что все военные победы не стоят и слезы ребенка, как писал Достоевский. Но ведь взрослым не пробраться в самое сердце страны столичников, не проникнуть в питомник — его так охраняют! А мы, мальчишки и девчонки, можем. И мы хотим принести пользу взрослым, своему поселку, своей небольшой демократической стране, окруженной тоталитарными режимами. И если мы можем выполнить гуманную акцию, это — хо-

рошая традиция. Я уж сейчас не помню, какие слова говорил Александр Митрофанович, а какие мы. Мы чувствовали себя с ним равными, хотя он — член поселкового совета, усы свисают ниже подбородка, и при том он начальник пограничников. Бывают такие искренние разговоры! Он нам по секрету посоветовал идти во время второй стражи, сказал, что тогда пограничники не так внимательны. Как будто сам не был пограничником. Но мне было понятно: ведь с нами он снова стал подростком, отважным разведчиком...

Мы не могли прямо пройти к питомнику. Не потому что боялись, но на пути были казармы их дружинников. Пришлось взять правее, в кусты, где земля светилась зелеными пятнами — там тоже была радиоактивность, но какая и почему — никто не знал. Столичники туда не ходили, а мы — только по крайней необходимости. Я тут вообще не был, только Эдик, говорит, ходил, но забыл, и мы шли по бумажке, где маршрут был нарисован карандашом — Александр Митрофанович нарисовал. Он сказал, чтобы на зеленые пятна не наступать — но вообще-то ничего страшного, там радиация локальная. Потом мы увидели дохлых крыс. Они валялись возле зеленого пятна. Может быть, они вовсе по другой причине подошли. Но мы все равно побежали быстрее, а Светка спросила:

— У тебя в груди не колет?

— Еще не колет, — осторожно ответил я.

— В следующий раз надо будет бронежилет достать, — сказал Эдик. У него всегда глупые идеи.

— И на уши кастрюлю, — сказала Светка.

Справа начался забор. За забором была промышленная зона. Сюда как-то наши командос ходили, за запчастями. Только не вернулись. А эти изверги потом, дня

через три, нам катапультой ящик перекинули, с их головами. Вот до какой мерзости они докатываются!

Вдоль забора мы шли, наверное, минут пятнадцать. Я подумал: «Может быть, не надо было именно питомник выбирать — можно другой подвиг совершить. Уж очень долго возвращаться...»

Забор кончился, и нам надо было пересечь центральную площадь. Посреди площади стоял громадный монумент из металла, а может, камня — рука вперед, на постаменте написано «Ленин». Только головы нет. Еще в прошлую революцию отломали. Мне про этот памятник много раз рассказывали. Я даже знал, что столичники с кем-то в Узбекистане подрядились — там голова подходящая есть — хотят поменять на капусту.

У монумента стоял часовой, с автоматом. Не взорвешь и даже не измажешь. А хочется. Мы в принципе против идолов. Это недемократично.

Мы поглязели на памятник — зрелище странное, хотя они, наверное, привыкли. Теперь нам идти вниз, направо, и снова вниз...

Мы проходили совсем близко от жилого дома.

— Жалко, гранаты не взяли, — сказал Эдик.

— А куда кидать? — спросила Светка.

Эдик остановился. Со склона было видно, что происходит в комнатах, в которых горел свет. В одной была видна стенка, покрашенная в зеленый цвет, на ней висела картина. Вроде бы на ней был лес. Или что-то похожее. Может, водоросли. А у окна сидел человек и держал в руке книжку. И читал. Я, конечно, видел книжки, но у нас плохо с книжками. Одна есть в школе, и еще две или три по домам. В другом окне стояли лицом друг к другу мужчина и женщина. И разговаривали. Они все сближались, разговаривая, а потом начали обниматься.

— Я в них камнем запулю, — сказал Эдик. — Позорите!

— Пошли, — сказала Светка. — Может, им так нравится.

— Вот сейчас завалю тебя, — сказал Эдик, — посмотрим, как тебе понравится.

— Не маленькая, — огрызнулась Светка. — Уже заваливали и не такие, как ты. Не испугаешь. Только со мной ты — где ляжешь, там и встанешь.

Я не знал, врала она или нет. Наверное, не врала — ей уже лет тринадцать-четырнадцать, как мне. Отца у нее нет — кто защитит?

— Пошли, пошли. — сказал Эдик — Утро скоро. Работать надо.

Мы спустились за дом. Он был какой-то недостроенный. Спереди осталось четыре этажа, а сзади только два.

И тут мы услыхали лай.

Лай доносился из питомника.

Правда, идти оказалось нелегко — путь лежал через свалку и развалины, а Луна как назло спряталась. Я разбил коленку, Светка снова ушиблась. Эдик ворчал на нас. Мы вышли к питомнику у речки, от которой несло аммиаком. Питомник был обнесен проволокой, мы пошли вокруг.

Мы искали место, где легче перелезть.

Александр Митрофанович говорил, что раньше по верху был пропущен ток. Но теперь у них с электричеством плохо, так что, может, тока и не будет.

— Погодите, — сказал Эдик. — Никуда не отходить.

Он побежал назад, а мы со Светкой смотрели внутрь. В питомнике рядами стояли вольеры, там сидели собаки. Много собак, может, сто, Мне, нормальному человеку, даже трудно вообразить, что столько собак можно со-

брать в одно место. Некоторые собаки лаяли, но нехотя, спросонок. Нас они не чуяли — мы тоже не дураки, подходили с подветренной стороны.

— А где сторожа? — спросил я.

— Наверное, у ворот. Много сторожей не надо, — сказала Светка. — Зачем? Они же сами себе сторожа. Ты только влезь, сразу начнут лаять.

— А как же мы тогда возьмем их?

— Вот это ваша с Эдиком забота, — сказала Светка.

— Мое дело — отпереть. А ты, Игореша, их уговаривай.

— Ладно, — согласился. Не люблю, когда меня Игорешей зовут. Как маленького. Теперь меня надо Егором звать. Она знает, но дразнится.

И еще мне было неприятно вспоминать ее слова про то, как ее... ну, заваливали! Она стояла передо мной, такая худенькая, грива черных кудрей, как туча, глаза даже в темноте блестят. Мне ее и жалко, и хочется сделать с ней так же, как другие. А она сказала:

— Все же они такие изверги, что страшно подумать.

Я кивнул. Не стал отвечать. Когда ясно, что изверги, зачем говорить. Может быть, у меня есть недостатки, и у Александра Митрофановича, и у Эдика — у всех есть недостатки. Бывают люди получше и похуже. Но выращивать собак, специально, чтобы потом их жрать — это только столичники могут. Иногда подумаешь, что они этих созданий, которых мы называем друзьями человека — друзьями, поняли? — они их режут, убивают и жрут, жарят, понимаете, на постном масле? Да я за это готов их голыми руками растерзать! Я на все пойду, чтобы собак спасти!

Какая-то собака завыла. Я подумал, что собаки тоже умеют предчувствовать смерть. Может, эта собака по-

чувствовала, как ее завтра поведут на убой. У меня даже слезы навернулись на глаза.

Послышался шум. Я обернулся. Возвращался Эдик. Он тащил здоровую дрыну — видно, давно углядел. Молодец Эдик, из него вырастет настоящий организатор. Вождь людей. Может быть, он поведет нас к светлому будущему. Ведь должно же оно наступить!

Эдик приставил дрыну к столбу изгороди, получилось надежно. Затем быстро, он мастер, взобрался наверх, стараясь не касаться верхней проволоки, ведь по ней может быть пропущен ток.

Там, наверху, он замер на минуту, вертя головой, сопротивляясь, как лучше спрыгнуть и как вести себя дальше. Мы смотрели, замерев. Даже собаки перестали брехать, смолкли, смотрели на него и ждали. Эдик балансировал наверху, над нашими головами, дрына скрипела. Наконец он оттолкнулся и прыгнул. Я поймал дрыну, которая пошла в сторону и удержал ее. Потом полезла Светка, а я полез последним и мне было труднее всех, потому что меня никто уже не мог страховать. Но ничего, обошлось. Если ток и был пропущен по проволоке, мы об этом так и не узнали.

Потом мы пошли к вольерам.

Мы близко подходить не стали, улеглись на холодную землю, чтобы не пугать собак, а то разлаются, не успокоишь. Но собаки все равно сильно лаяли, и сторож пошел к вольерам, чтобы посмотреть. Он бы нас обязательно увидел, но когда его фигура уже показалась в конце прохода между вольерами, Светка прошептала:

— Назад!

Оказывается, она успела открыть пустую вольеру и, мы юркнули туда.

Сторож прошел совсем близко. Он был стариком, он хромал — дурачье, столичники, что такого сторожа поставили на такой важный объект. Я поглядел на Эдика, и понял, что он думает так же, как я. Может быть, наша задача облегчается. И мы спокойно выберемся, обратно. Сторож ушел, а собаки еще немного полаяли, а потом привыкли и замолчали.

— Егор, — сказал Эдик, — твоя очередь. Иди, смотри, кого с собой возьмем.

Меня животные любят, я, наверное, стану главным ветеринаром. Как будто я знаю их язык. Я знаю, что не только собака или кошка, даже курица имеет свой характер, бывают даже умные тараканы и глупые пауки. Все животные, как люди. И у них иногда даже могут быть идеалы, но идеалы, я вам скажу, рабские — идеалы преданности, идеалы послушания. Но не бывает идеалов сознательной инициативы.

Светка и Эдик сидели в пустой вольере, а я пошел вдоль вольер, посвистывая и приглядываясь в темноте к собакам. Мне достаточно было света Луны, чтобы увидеть их физиономии, заглянуть в глаза и наладить с ними хорошие отношения. А то и наоборот — почувствовать неприязнь, вражду, стервозность.

Голубчики и голубушки, мысленно говорил я, лишь шевелил губами. Вы даже не знаете, от какой жуткой участи я вас сейчас спасу, рискуя собственной жизнью. Вы хотели бы попасть в котел, а то и на сковородку? Вы знаете, как ножик мясника врезается в собачье горло? Вот и не узнаете теперь. Правда, всех вас нам с собой не унести за границу. Но зато мы всех освободим и — бегите, куда хотите! Вы сможете теперь жить в лесу, а то и перейти в другую страну. Да здравствуют свободные собаки всей Земли!

Я прошел вдоль всех вольер. В конце посмотрел на ворота. У ворот сидел, сгорбившись, сторож — как нам повезло, что он инвалид. Он сидел у костра, костер был маленький и, видно, совсем не грел. Я вернулся к ребятам.

— Все в порядке, — сказал я. — Давай поводки и ошейники.

Поводки и ошейники были веревочными, самодельными, но и такие годились. Я решил взять с собой только тех псов, которые были мне симпатичны и показали мне свою симпатию. Эти псы пойдут с нами через границу. А обычные, глупые или неприятные — пускай гуляют, как хотят. По крайней мере не кончат жизнь на сковородке.

Мы шли вдоль вольер. Светка быстро открывала двери, я заходил внутрь и говорил псу хорошие слова. Псы подходили ко мне и давали закрепить ошейник — какие умные животные! Как я их уважаю!

Мы взяли четырех псов. Одного, самого большого и умного, я его назвал Полканом, и еще одну белую поджарую хитрую сучку, Дамочку, поведу я. Светка и Эдик поведут по одной собаке.

Тех, кого берем с собой, в наше счастливое царство, мы вывели из вольер. Потом, по команде Эдика, Светка быстро пошла вдоль вольер, открывая дверцы. Собаки, как будто ждали этого момента, высекали из клеток и бегали по территории. Но почти не лаяли, понимали, что нельзя привлекать к себе внимание.

Я стоял с нашими, отобранными собаками. Они тоже вели себя смирно, как будто заранее все с нами обсудили.

А Эдик пошел к сторожу.

Сторож уже почуял неладное. Он поднялся и смотрел в нашу сторону, прикрывая глаза козырьком ладони, будто от этого ему было лучше видно. Он мог разглядеть, как по территории питомника носятся собаки, но не мог, старый, сообразить, что это означает.

— Эй! — крикнул он. — Есть кто чужой?

Некоторые собаки побежали к нему.

Старик колебался. Он вытащил из кармана свисток, поднес его к губам, но не свистел. Я понимал — этот человек боялся показаться смешным. Он хотел сначала разобраться, что же произошло.

И вот эта нерешительность его и погубила.

Эдик вышел к нему из-за вольер. И пошел спокойно, как будто так и надо. И старик все еще не свистел.

— Погоди, — сказал Эдик. — Закурить не найдется?

— Чего? — спросил старик.

Эдик был совсем близко.

— Я же тебе человеческим языком говорю! — произнес он раздраженным голосом: — Дай махорки!

— Какая махорка? Ты как сюда попал? Ты кто такой?

Старик стало было поднимать ружье, странно как-то поднимал, будто хотел толкнуть стволом Эдика, но Эдик прыгнул вперед и всадил перо старику под ребро. Тот заскалял, заплакал почему-то, начал повторять «За что, а? За что, сыночек?». Эдик еще раз его резанул — по шее, — Светка отвернулась, не хотела смотреть. Я тоже не хотел смотреть, но это трусость — не смотреть. Александр Митрофанович всегда нас учит — не отворачивайся, даже если тебе неприятно. Надо смотреть правде в лицо. Старик замолчал, а Светка пошла дальше вдоль вольер, открывая их, собаки почуяли запах крови, некоторые рычали, а другие бежали к старику и лизали кровь, которой

много натекло из него, даже странно, как много в нем по-мешалось крови.

Эдик раскрыл ворота, и некоторые собаки побежали наружу, будто ждали, когда можно будет выйти на свободу. Полкан натянул веревку. Дамочка визжала. Загудела сирена — наверное, была связана с воротами.

— Кончай, Светка! — закричал Эдик. — Сматываемся!

Он схватил одну из собак, Светка тоже взяла собаку, и мы побежали: мы втроем и четыре пса.

— Эгей! — закричал я. У меня было отличное настроение. — Эгей! Не будет вам собачьих котлет, живодеры проклятые!

Мимо нас пробегали собаки, некоторые не знали, куда бежать — они спешили вперед, а потом возвращались. Я подумал, что многие сами придут в питомник, к своим кормушкам. Мне стало грустно. Стараешься, стараешься, трудишься для других, жизнью, можно сказать, рискуешь, а рабы всегда бегут обратно к кормушке, понимаете?

Наверху, у домов, там, где стоял их монумент без головы, но с протянутой рукой, послышались крики, там за-сверкали глаза фонарей.

Мы побежали, огибая город, сразу попали в какую-то чащу — у нас же не было схемы на возвращение по такой дороге. Не додумали.

Кусты были какие-то колючие, трава сухая, ветки под ногами, ноги разъезжаются.

Собаки рвались с веревок, им не нравилось. Я бежал, продирался сквозь кусты, и все их уговаривал, чтобы потерпели — мы же ведем их к спасению, надо понимать! Впереди ломился сквозь кусты Эдик. Сзади по моим следам — Светка.

— Стой! — крикнул я. — Впереди огонь!

И в самом деле — мелькнул фонарь, потом еще один. /

Мы свернули еще ниже, еще дальше от города.

Началось болото, под ногами хлюпало, собаки совсем взбесились, они рвали куда-то, но не назад. И я подумал — может, они знают? Глупая мысль, они же не знали, где граница. Но я послушался их и побежал еще правее — да и не мог я остановиться, Полкан был сильнее меня, а с Дамочкой — тем более.

— Светка! — крикнул я. — За мной!

Где Эдик — я не видел. Мне казалось, что те, кто за нами гонятся, уже близко, слышно, как трещат сучья.

И тут мы выбежали на мокрую дорогу, в колеях вода, но дорога твердая — не то, что болото, которое не держит. Я остановился перевести дух. И тут же услышал дыхание Светки. Она не отстала. И собаку не выпустила. Молодец.

Мы стояли на дороге, а дальше за дорогой поднимался тростник, чуть покачивался над холодной, Светящейся водой. Свет у воды был нехороший, опасный. Полкан застыл и потянул по дороге вперед. Мы пошли. Я хотел позвать Эдика, но Светка угадала и не велела: сказала, что чует столичников — они близко, только к дороге не подходят, потому что тут все заражено.

— Ну и фиг с ним, что заражено, — сказал я. — Лучше заразиться, чем ждать, когда тебя застрелят.

Светка не спорила. Собаки подывали. Мы бежали по дороге, впереди послышались крики, потом выстрелы. Мы остановились и не знали, куда нам дальше бежать.

Навстречу по дороге трусila, прихрамывая, собака с веревкой на шее — я ее узнал, это была собака, которую я отдал Эдiku. Значит, он ее отпустил. Значит, ему плохо.

Может, попался Эдик? Без него трудно будет уйти.

Дальше мы со Светкой пошли осторожно, медленно, собаки притихли, не дергались, только та, которую раньше вел Эдик, исчезла.

Мы прошли шагов сто, не меньше. На наше счастье, опять набежали облака, и Луна, опустившаяся уже к вершинам деревьев, перестала светить. И когда мы проходили мимо обгоревших руин какого-то строения, я услышал голос Эдика: Егор, Игореша...

Светка первой побежала к обгоревшим руинам, таща на поводке собаку. Собака упиралась. Тогда я перехватил веревку, а Светка вытащила из развалин Эдика. Она худая, жилистая, а Эдик только кажется большим, а на самом деле он костлявый, а на костях нет ничего. Поэтому и пуля, когда ударила ему по кости руки, рикошетом ушла. И даже крови было немного — чего он прятался, непонятно, может, струсил.

— Ты чего собаку отпустил? — спросил я. — Ничего тебе доверить нельзя..

— Я чуть не погиб, — сказал Эдик, — Я же раненный.

— Ничего, пошли, — сказал я. Раз он раненный и сам это признал, значит, я стал главнее. Это не объяснишь, это как закон. Все исполняют. Главного ранили, следующий командует. Вот и все.

И Эдик сразу мне подчинился. Только попросил, чтобы Светка его перевязала. Мне было жалко времени — тем более рана пустяковая, но Светка согласилась, а я собак держал. От воды шел светящийся газ, голова от него кружится. Скорей бы отсюда выбраться, только путь неясный. Сзади опять крики, фонари — бегут. Но бегут не по дороге, а выше по склону. Я понимаю, почему — эта зона опасная, они сюда не сунутся, столичники-трясогузки!

Мы, наверное, еще часа три выбирались и вышли далеко от бетонной стены. Но там по пустому месту границу

не перейдешь. Мы добрали до стены, улеглись возле нее и стали отдыхать. Глаза мои совсем к темноте привыкли. я как кошка видел. Светке собака нервная досталась, все скулит и скулит. Мы поменялись, чтобы Светке полегче было — я ей Дамочку отдал, а нервную себе взял. Эдiku я собаку давать не стал — он одну потерял. А Эдик и не стал брать, потому что он был раненный.

Мы сидели под бетонной стеной и ждали, когда совсем столичники успокоятся. А эти сволочи никак не успокаивались. Видно, сильно мы их обидели, когда собак выпустили.

— Без котлет оставили! — прошептал я и засмеялся.

Вдоль границы перемигивались фонарики, иногда очередь трассирующих пуль пронзала небо.

— Не дойду я, — сказала Светка. — Никаких сил не осталось.

— Уже светать начинает, — сказал Эдик. — Может, нам пересидеть в кустах где-нибудь до следующей ночи?

— Дурак, — сказал я. — Как ты пересидишь? А собаки?

— Бросим собак, а? — Эдик сильно боялся. Он уже перестал быть главным и даже старшим быть перестал.

— Ну как так можно говорить? — сказала Светка слабеньkim голосом. — Мы же столько пережили, освободили животных, самых лучших, самых умных Егорушка освободил, с нами взял, А ты хочешь чтобы их на котлеты? Ты совсем в идеалы не веришь.

— Жрать охота, — сказал Эдик, — а ты с идеалами.

Такие слова меня даже удивили. Раньше Эдик совсем иначе выступал. Он говорил, что станет демократом.

— Пора, — сказал я. — Вроде немножко туман опустился.

— Может, подождем, пока гуще станет? — спросила Светка.

— Гуще не будет.

— Вы идите, — сказал Эдик, — а я здесь пересижу. Я раненный.

— Вот это видишь? — Я вытащил перо и показал ему. Полкан зарычал на Эдика. Собаки меня чувствуют и любят.

Эдик, конечно, пошел. Только я ему велел замыкать, а он, как только мы вышли к озерцу, откуда надо перебежать до черемуховой рощи, струсил и побежал первым. Я ждал этого, но надеялся, что этот парень не так струсит. А он побежал открыто — надо было осторожно, таясь, а он побежал открыто. И его увидели. И сразу начали стрелять — словно ждали, что мы у лужи, у бетонной стены переходитить будем.

С нашей стороны тоже стрелять начали, а Эдик закричал:

— Я свой! Мы свои, не стреляйте! — Он прыгал, как кузнечик.

— Беги! — крикнул я Светке. А сам даже не мог остановиться и посмотреть, как там она — собаки так сильно тянули меня, даже выли от страха — видно, не хотелось им оставаться у столичников. Над землей тянуло туманом, собаки, казалось, плыли по нему — ног не видно, вокруг трассы пуль, я несусь, как во сне. Потом сзади Светка закричала. Я хотел вернуться, но собаки не дали, и я не мог руки от веревок освободить — обе руки были обмотаны веревками, чтобы крепче собак держать. Так они меня уволокли.

Я стал кричать:

— Эдик, стой! Эдик, вернись! Светку не бросай! Эдик!
А он еще больше припустил.

Так мы и ввалились на нашу сторону — там уже наши стояли, ждали. И Александр Митрофанович с висячими усами, и сменный комендант. И дядя Паша. И Светкина мать. Светкина мать как узнала, начала рваться, чтобы Светку искать — может, еще живая. Но ее скрутили, чтобы не делала глупостей. Уже светало — идти на нейтральную — самоубийство. Я как сел на землю, так меня стало колотить, а Эдик ничего, пришел в себя и стал докладывать, что мы нарушили закон и ушли к столичникам, но все же сделали это не из хулиганских соображений, а чтобы освободить четвероногих тварей. И он нами командовал, и готов нести ответственность. А мне казалось, что я его так умело опровергаю и объясняю, как на самом деле было, но тут нас повели в подвал, потому что мы должны были подвергнуться наказанию за нелегальный переход границы. Мы сидели в подвале, а собак пока привязали снаружи. И Дамочка тоже прибежала, видно, ее Светка отпустила.

Светкина мать в то утро, как мне потом ребята рассказали, все-таки убежала, пошла искать Светку. И нашла. Светку, оказывается, ранило в ногу, они ее догнали и изнасиловали, а потом задушили. Это такие люди — им нет пощады. Но их много, больше, чем нас. А мы у них собак увели и выпустили. Без котлет оставили.

Светкина мать потом с ума сошла. Не знаю, что с ней стало.

А нас, конечно, выпустили. Я уже тогда догадался, а до чего не догадался, Эдик сам мне рассказал, что весь наш поход Эдик с самого начала обсуждал с Александром Митрофановичем и дядей Пашей. И веревки были заранее подготовлены, и даже ворота открыли — только я, дурак, не знал. От этого, как объяснил мне Эдик, наш поступок хуже не стал, потому что он благородный. И мы сами бла-

городные. Но нельзя же, чтобы столичники узнали, что наш совет разрешает ходить за границу на грабеж.

Без Светки я немного скучал. Собаки остались у меня. Эдика я видел редко, его взяли в милицию, он будет большим человеком. А мне дали комнату, мне и собакам. Дамочка и Нервная — они самые обыкновенные собаки, ничего интересного. Нервная потом подохла, а Дамочку взяла к себе жена полковника. Я был даже рад, потому что Дамочка была беременная, у нее должны были родиться щенки, а мне с щенками возиться некогда. Пройдет много месяцев, прежде чем щенок научится понимать тебя лучше, чем люди.

Полкан понимал меня лучше, чем люди.

Он был моим другом. Иногда я смотрел на его крепкие ноги, на весело поднятый хвост, на смеющиеся карие глаза, и радовался, что мой пес не подвергся унижению — не сожрали его столичники. Со столичниками войны не было — мы тогда с татарами воевали, которые сделали набег из-за Оки, очень многих побили. Потом были затяжные дожди. Сначала отравленные, ядовитые, потом радиоактивные — многие болели, мы с Полканом почти не выходили на улицу. Как-то в те дни ко мне зашел Эдик, он учится в школе милиции, живет там в интернате. Он стал совсем лысым, это в шестнадцать-то лет! И желтый. Но он смеется и говорит, что еще на два года хватит и он за эти два года столичникам хвосты накрутит! Только он ничего им не накрутит, потому что он боится. И столичников боится, и умереть боится. Такой характер.

Потом наступила осень. Мы часто гуляли с Полканом. Он все понимал без слов. Например, если я брал палку и кидал ее, то Полкан бежал за палкой точно по прямой линии и останавливался, и ждал, когда я крикну: «Неси обратно!» Очень смешной он был, когда спал вместе со

мной на подстилке, он меня согревал у него была чудесная шерсть. В начале сентября приходила моя мать, она получила разрешение постричь моего Полкан. Полкан удивлялся, зачем его стригут. А мать потом из его шерсти связала мне свитер. И Полкан все время нюхал этот свитер и не понимал, хоть и умный, что теперь — я все равно что он. А еще шестого августа я купаться пошел, нырнул и попал ногой в моток проволоки, и не мог вырваться. Как меня Полкан вытащил — не представляю! Кожу с ноги содрал — вытащил. Человеку такого не сделать. А он меня любил. Как и я его любил. Уже прохладнее стало, дожди пошли, а мы с Полканом учились тяжелый рюкзак носить — я ему объяснил, что мы с ним пойдем зимой в поход — далеко-далеко, за лес, там жратвы нет. Полкан улыбался.

Седьмого октября я проснулся от того, что пришел Александр Митрофанович. Пес знал его и не рычал, лежал рядом со мной, вытянувшись вдоль, — и был длиннее меня.

— Ну и вымахали вы с лета! — сказал Александр Митрофанович. У него какая-то детская доверчивая улыбка. Полкан улыбнулся ему в ответ.

— Он совсем большой стал, — сказал я.

— У меня к вам просьба, мальчики, — сказал Александр Митрофанович, — вы мне поможете?

— Поможем, Полкаш? — спросил я, вскакивая.

Полкан осторожно гавкнул. Он был согласен.

— Ты должен признать, — сказал Александр Митрофанович, — что мы спасли тебя от судьбы, худшей, чем смерть. И сами рисковали при этом жизнью.

Полкан слушал, склонив голову набок, он все понимал.

— И ты, наверное, понял, что, в отличие от столичников, нашей жизнью правят высокие идеалы, — сказал

Александр Митрофанович и потянул себя за усы, будто доил.

— Мне показалось, что Полкан кивнул. Я прижался щекой к его теплой мохнатой башке.

— Он все понимает, — засмеялся я. — Мы с ним много раз на эту тему говорили.

— Ну и молодцы, — сказал Александр Митрофанович
— Давайте позавтракаем и пошли?

Через час мы были уже у той границы нашей страны, за которой лежит Бывшая Земля.

Это было мрачное, пустынное поле, которое уходило вдаль, к остовам зданий, а то и целым низким зданиям оставшимся стоять с войны. До зданий было больше километра.

Сначала к ним вела широкая утоптанная дорога. Постепенно дорога сужалась, по сторонам были редкие кустики — даже кустики не хотели жить на этом пустыре. Кое-где по сторонам зияли оплывшие воронки.

— Ты должен помочь друзьям, — сказал Александр Митрофанович.

Полкан улыбнулся.

Александр Митрофанович снял с плеч тяжелый рюкзак
— Полкан уже носил такой на тренировках.

— Будет тяжело, — сказал он псу. — Но нести не очень долго. До тех домов, а обратно порожняком.

Я сам привязал рюкзак, чтобы Полкаше было удобнее. Полкан лизнул мне руку, он редко лизал мне руку — считал ниже собственного достоинства. Он очень гордый пес. Я погладил его, я сказал:

— Спасибо, что ты согласился нам помочь.

— Давай! — сказал Александр Митрофанович.

Я взял заготовленную заранее палку, чтобы показать Полкану, куда бежать. Александр Митрофанович пошел назад.

Теперь многое зависело от меня, от моего умения точно кидать палку. Но потом мы с Полканом много раз репетировали, и потому я точно кинул палку — далеко и точно, метров на тридцать.

— Давай Полкан!

Полкан завилял хвостом, он был рад, что я с ним играю. Он побежал вперед — точно-точно по прямой, по ставшей совсем узкой тропинке, между большими и маленькими воронками.

Я смотрел ему вслед, и в последний момент кинулся на землю.

Взрыв получился мощный, потому что, когда сработала мина, от детонации взорвалась взрывчатка в рюкзаке на спине моего любимого пса. Вокруг взорвалось еще несколько мин. Это было большое достижение.

Так мне и сказал Александр Митрофанович, подошедший ко мне, чтобы поздравить меня с успехом на пути к достижению высоких идеалов человечества. Я не слышал, у меня кровь шла из ушей, и он просто пожал мне руку, как товарищу.

Потом он вызвал милицию, и они прошли до места гибели моего Полкана и оградили новую часть дороги ветками.

Теперь до складов оружия, которые возвышаются за минным полем, стало еще на пятьдесят метров ближе. И в этом заслуга моего дорогого товарища. Ведь дьявольские мины, которые ставили в ту войну, реагируют только на тепло живого тела. И мы уже несколько лет как придумали употреблять для этого собак. Собака не только лучший друг человека, но она еще может взять на спину груз

взрывчатки. И во много раз увеличивает площадь расчистки от мин. А в отличие от других животных собака бережит за палкой, куда ее попросят.

Когда я возвращался домой, мне было грустно. Мне будет не хватать Полкана. Но как я был горд за моего пса, который был обречен стать пищей для жестокого обожравшегося столичника, но погиб за высокие идеалы борьбы прогрессивного человечества!

Я брел к дому и думал о том замечательном дне, до которого я обязательно доживу. В тот день, мы войдем в склады оружия, в склады, где хранятся танки, снаряды и даже ракеты. И с помощью этого оружия наведем порядок и справедливость на всей Земле. Чтобы никогда не погибали больше такие чудесные девчонки, как Светка Геворкян, и не приходилось идти на мины нашим чудесным четвероногим друзьям. Я смахнул невольную слезу...

Дома меня ждал подарок — корзинка с щенками от Дамочки.

Щепки тянули ко мне милые мордочки, они были так уморительны.

И я начал с ними играть.

Содержание

Фотография пришельца	3
Черный саквойж	43
Геркулес и Гидра	91
Со Старым Годом.	149
Инопланетяне	201
Лишний близнец	259
Показания Оли Н	341
Мой пес Полкан	371

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Взрослая фантастика»

Фотография пришельца

Составитель *А.В.Алексеев*
Художник *К.А.Сошинская*
Ответственный редактор *А.Н.Аникеев*
Корректор *Л.В.Аникеева*
Оригинал-макет *А.А.Кузовников, Е.А.Карханова*

ЛР № 061490 от 30.07.92

Подписано в печать 12.10.98. Формат 84×108¹/32.
Объем 14 печ. л. Уч.-изд. л. 19,72.
Тираж 10000 экз. Заказ № 0866.

**По вопросам оптовой закупки книг
обращаться по адресу:
121099, Москва, а/я 880**

ПРИ УЧАСТИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АРМЭ»

Библио Глобус
Москва, Мясницкая, 6
<http://www.biblio-global.ru>
Тел. 929-35-67
924-46-80

653333

11.09.2010

43